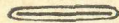

29

СТАНИСЛАВ СЕГЕРТ

УГАРИТСКИЙ
ЯЗЫК

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт народов Азии

**ЯЗЫКИ
НАРОДОВ
АЗИИ
И
АФРИКИ**

Под общей редакцией
проф. Г. П. Сердюченко

СТАНИСЛАВ СЕГЕРТ

УГАРИТСКИЙ ЯЗЫК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1965

STANISLAV SEGERT
DIE UGARITISCHE SPRACHE

Ответственный редактор

И. Н. ВИННИКОВ

Перевод с немецкого

А. А. ЗВОНОВА

ОТ РЕДАКЦИИ

Предлагаемая читателю работа Станислава Сегерта «Угаритский язык» входит в серию очерков по языкам народов Азии и Африки, публикуемую Институтом народов Азии Академии наук СССР.

Отдельные очерки посвящены характеристике языковых групп, как, например: «Языки Индии, Пакистана, Цейлона и Непала», «Иранские языки», «Языки Юго-Восточной Азии», «Монгольские языки и диалекты Китая», «Дравидийские языки», «Арабские диалекты Магриба», «Семихамитские языки» и др.

В большей части очерков описываются конкретные живые языки народов Азии и Африки: арабский, амхарский, турецкий, уйгурский, монгольский, персидский, пушту (афганский), фарси-кабули, белуджский, курдский, хинди, урду, маратхи, ассамский, ория, телугу, тамильский, каннада, малайялам, китайский, чжуанский, тибетский, тайский (сиамский), бирманский, вьетнамский, кхмерский, индонезийский, яванский, мальгашский, тагальский (на Филиппинах), японский, корейский, зулу, суахили, луганда, хауса и ряд других, а также языки прошлого, сыгравшие большую культурно-историческую роль в жизни народов Азии и Африки: египетский, финикийский, аккадский, санскрит, пали, авестийский, древнеперсидский, среднеперсидский, древнеуйгурский, хеттский, древнеяванский (кави) и др.

Конечно, в построении каждого очерка имеются свои особенности и отступления от общей схемы, объясняемые спецификой описываемого языка и степенью его изученности. Очерки, в которых дается описание языковых групп, композиционно и по объему материала несколько отличаются от очерков, посвященных конкретным языкам.

Очерки предназначены для широкого круга лингвистов и историков — научных работников и аспирантов, преподавате-

лей и студентов восточных, филологических и исторических факультетов высших учебных заведений.

Учитывая возможное переиздание и тематическое расширение очерков, редакция обращается к читателям с просьбой присылать свои пожелания и замечания по адресу: Москва, Армянский пер., 2, Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», редакция серии «Языки народов Азии и Африки».

ВВЕДЕНИЕ

АРЕАЛ

1.1. На угаритском языке говорило семитское население богатого торгового города Угарита, находившегося на северном сирийском побережье Средиземного моря к востоку от восточной оконечности Кипра. Руины этого города были обнаружены при раскопках холма Рас эш-Шамра (по-арабски 'Анисовый мыс') близ берега моря, около 10 км к северу от современного города Латакия.

1.2. Угарит был разрушен в 1200 г. до н. э. так называемыми морскими народами. Другой хронологической вехой является землетрясение и вызванный им пожар, в огне которого около 1365 г. до н. э. погибло много зданий. Большинство из дошедших до нас угаритских текстов относится к периоду между этими двумя датами и лишь отдельные — к более древнему времени. Однако зафиксированные в письменных памятниках ритуалы, гимны, мифы и эпос восходят, несомненно, к устным традициям, сохранявшимся на протяжении столетий. По данным археологии, семиты появились в Угарите примерно в середине III тысячелетия до н. э. Пока еще нельзя судить о том, сколь долго сохранялся язык угаритян после уничтожения города в 1200 г. до н. э.

1.3. Границы распространения угаритского языка до настоящего времени с достаточной точностью не установлены. Он употреблялся, по-видимому, только на территории Угаритского царства, простиравшегося до современных гор Джебель-Ансария на востоке и до горы Джебели-Акра на севере. На юго-востоке угаритскому царству подчинялись некоторое время карликовые государства Сианну и Ушнату. Краткие разрозненные надписи на угаритском алфавите, обнаруженные на горе Табор и в городах Таанах, Бет-Шемеш, недостаточны для того, чтобы служить свидетельством о распространении этого языка вплоть до Палестины.

1.4. Установить численность говоривших на угаритском языке весьма трудно. Сам город мог бы вместить десять

тысяч жителей. Еще несколько десятков тысяч человек проживало на плодородных и хорошо возделываемых землях в окрестностях города.

1.5. В городе Угарите, однако, имелись и представители других народов. Угаритским языком пользовались также, по-видимому, купцы — выходцы из областей крито-микенской культуры, — число которых, по данным археологических раскопок, было в Угарите в XVIII—XVI вв. до н. э. довольно значительным. Кроме того, можно вполне определенно сказать, что хурриты пользовались угаритским буквенным алфавитом для фиксации на письме своего языка, родственного урартскому языку. Наряду с многочисленными собственными именами хурритов в угаритских письменных памятниках мы находим и индоевропейские имена митанни, состоявших на военной службе. Фонетические и орфографические ошибки в отдельных бытовых текстах свидетельствуют о том, что их авторами не могли быть люди, родным языком которых был угаритский или какой-либо другой семитский язык.

МЕСТО УГАРИТСКОГО СРЕДИ СЕМИТСКИХ ЯЗЫКОВ

1.6. Угаритский язык относится к северо-западной группе семитских языков, но о его месте внутри этой группы единого мнения нет. Это объясняется отчасти малым количеством угаритских языковых памятников, которые стали известны лишь с 1929 г. и расшифрованы в 1930 г., и несовершенством орфографии, не вскрывающей системы гласных в целом. Кроме того, точное определение места угаритского языка затрудняется также различием взглядов на классификацию других семитских языков. Поэтому для анализа отрывочных, не полностью сохранившихся угаритских языковых памятников, а также явлений угаритского языка представляется совершенно неизбежным привлечь данные родственных языков, которые имеют, в рамках классификации семитских языков, большое значение для глубокого изучения угаритского языка.

1.7. По географическому распространению и генеалогическим связям семитские языки распадаются на три большие группы: а) восточную (или северо-восточную), к которой принадлежит один аккадский; б) северо-западную (или северную), разделяющуюся на ханаанскую и арамейскую ветви; к этой группе причисляют два языка, еще нуждающихся в более точном определении их классификационной принадлежности, — угаритский и аморейский; в) юго-западную (или южную), северную ветвь которой образует североарабский язык, а южную — южноарабский и эфиопский языки.

1.8. Аккадский язык, представленный вавилонским и ассирийским диалектами, под влиянием несемитского населения значительно отделился от других семитских языков как в области фонетики, так и в области синтаксиса, но сохранил тем не менее многие древние особенности, в частности две формы префиксального спряжения (*iprus* и *ipragas*). Общими для угаритского и аккадского языков являются префикс каузативной глагольной породы *š-* и, возможно, употребление двух форм префиксального спряжения; кроме того, имеются слова, которые встречаются только в этих двух языках, например, угарит. *irt* 'грудь' (акк. *irtu*), *arḥ* 'корова' (акк. *arḥu*), *ḥbt* 'грабить' (акк. *ḥabātu(m)*). Эти совпадения засвидетельствованы древними памятниками угаритского и аккадского языков, но этого еще недостаточно, чтобы говорить об их особо близком родстве. Вместе с тем угаритский язык имеет общие с обеими западными группами формы аффиксального спряжения на *-a* (*qatala*) в 3-м лице единственного числа мужского рода и на *-t* в 1-м лице единственного числа.

1.9. Юго-западная группа включает языки, древнейшие стадии которых довольно близки к протосемитскому. Классический североарабский язык представлен письменными памятниками только с IV в. н. э., хотя надписи на диалектах самудском, лихьянском и сафаитском относятся к более древнему периоду. Надписи на древних южноарабских диалектах восходят к I тысячелетию до н. э. Эфиопский в своем классическом виде (*gə'ez*) относится к I тысячелетию н. э. Угаритский консонантизм, сохранившийся в первоначальной полноте, соответствует древнему южноарабскому, а также классическому североарабскому. Общим у угаритского языка с классическим североарабским является и вокализм, представленный только тремя гласными (*a*, *i*, *u*). Когда будет доказано наличие в угаритском языке двух форм префиксального спряжения, тогда можно будет сопоставить это явление с двумя префиксальными глагольными наклонениями (индикатив и юссив) в эфиопском. Эти общие черты могут быть выявлены, с одной стороны, благодаря древним памятникам угаритского языка, а с другой — благодаря консерватизму юго-западных семитских языков. Тем не менее нельзя говорить о более близких связях угаритского языка с этой группой, так как он не имеет системы внутреннего множественного числа (образуемого путем изменения гласных внутри корня), и для него, как и для языков северо-западной группы, характерен переход в начале слова *w-* в *j-*. Так как арабская лексика до нас дошла в большом количестве, то вполне естественно, что именно здесь могут быть обнаружены аналогии к угаритским словам (например: *mǧmǧ* 'смешивать', *nšp* 'половина'). Но при этом нет необходимости постулировать предваритель-

но особое родство угаритского языка с классическим арабским.

1.10. Северо-западная группа семитских языков характеризуется переходом начального звука ϖ в j , кроме того, в качестве их отличительного признака может рассматриваться также ассимиляция в некоторых формах глагола *lqh* 'брат'. Давно известные языки этой группы четко разбиваются на арамейскую и ханаанскую ветви. Последние различаются между собой, правда не без исключений, окончанием множественного числа мужского рода (в ханаанском — m , в арамейском — n), а также поведением долгого \bar{a} (он сохраняется в арамейских диалектах и переходит в \bar{o} в ханаанских) и протосемитского эмфатического (или латерализованного) d (в ханаанских языках ему соответствует ς , в арамейских диалектах, очевидно \acute{g} , который обозначался через q , а позднее $'$). Межзубные звуки \acute{t} , d , z в ханаанских диалектах превратились в \acute{s} , z , ς , тогда как в новых арамейских диалектах эти звуки перешли в зубные t , d , t ; в более ранних арамейских диалектах эти звуки фиксировались теми же буквами, что и в ханаанских, хотя их первоначальное межзубное произношение, по-видимому, еще сохранялось.

1.11. Древнейшими памятниками ханаанского языка служат глоссы в написанных на аккадском языке письмах, которые посылались князьями палестинских и финикийских городов в середине XIV в. до н. э. египетскому фараону. По месту обнаружения их называют эль-Амарнскими письмами. (Ставшие известными теперь надписи, выполненные линейным алфавитным письмом и датированные II тысячелетием до н. э., в большинстве своем слишком отрывочны, чтобы служить материалом для лингвистических исследований). Однако надписи на конечниках копий из Ливана и Южной Палестины подтверждают, что вплоть до XIII в. в этом языке сохранялся богатый консонантизм.

1.12. Финикийский язык представлен надписями из Библи XI—X вв. до н. э. и более поздними надписями из других городов на восточном побережье Средиземного моря. С угаритским у него есть некоторая общность в словарном составе, например слово *jtn* 'давать'. (Более поздняя ветвь финикийского в Африке носит название пунийской).

1.13. Древнееврейский язык имеет письменные памятники начиная с X в. до н. э. Но особенно он известен по богатейшей литературе, вошедшей в канон Ветхого завета. Большая часть этих текстов написана на южном, или иерусалимском, диалекте. Северопалестинский диалект представлен отдельными надписями, некоторыми рудиментарными явлениями в библейских текстах, а также так называемой моавитской надписью царя Меша. Сохранившаяся богатая лексика

древнееврейского языка обнаруживает многочисленные соприкосновения с угаритской и отчасти с финикийской лексикой. Кроме того, и некоторые грамматические явления общи для этих двух языков.

1.14. К арамейским языкам относятся древнеарамейский I тысячелетия до н. э. и позднейшие диалекты, подразделяющиеся на западноарамейские и восточноарамейские. Древнеарамейский включает диалект Ja'udi (Šam'al, ныне Zincirli), раннеарамейские диалекты (Дамаска, Хамата, Арлада и Ассирии), а также государственный язык персидской империи — так называемый государственный арамейский, к которому относится и библейско-арамейский. Архаичный диалект Ja'udi имеет особо близкие к угаритскому языку черты, например, сохранение дифференцированных окончаний для падежей во множественном числе у мужского рода *-ū* и *-ī*. Общей с позднеарамейской является угаритская трансформация некоторых межзубных звуков, например переход *d* в *d̄* и замена *z* звуком *ḡ*. Как в древних, так и в поздних арамейских диалектах имеется лексический материал, который может быть сопоставлен с угаритской лексикой; ср., например, глагол *atw* 'приходить', который является нормой для арамейского (*'t*), в древнееврейском он употребляется лишь в языке поэзии (*'th*); ср. также соединительный союз *p*.

1.15. К северо-западным семитским языкам принадлежит и так называемый аморейский — язык западных семитов в Месопотамии. Он представлен, в частности, многочисленными собственными именами и отдельными словами в аккадских текстах XVIII в. до н. э. из Мари в среднем течении Евфрата. Особенности грамматики и словарь этого языка говорят о его близких связях с северо-восточными семитскими языками. Некоторые исследователи рассматривают этот язык как раннюю ступень арамейского. Архаичность аморейского и угаритского языков объясняет общие черты их лексики.

1.16. У угаритского языка много общих черт с ханаанскими языками: переход *d* в *š*, монофтонгизация *aw* > *ō(ū)*, *aj* > *ē(i)*, множественное число мужского рода на *-m*, ассимиляция *n* (особенно в глагольных формах, где данный звук является первым коренным). Близость словаря угаритского языка как к древнееврейскому, так и к финикийскому указывает на общие ханаанские истоки, например: *adn* 'господин', *gg* 'крыша', *gdI* 'большой', *bqṭ* 'искать'. Особенно многочисленны соприкосновения с древнееврейскими поэтическими текстами. С другой стороны, мы не находим в угаритских алфавитных текстах характерный для ханаанского языка переход *ā* в *ō*, который имел место уже в XIV в. до н. э. Подтверждают сохранение *ā* и глоссы в эль-Амарнской переписке из Угарита (*zākinu* в противоположность *zūkinu*, т. е. *zōki-*

ни, в текстах из Палестины). Если бы угаритские слова в четырехъязычных вокабуляриях из Угарита, написанных слоговой клинописью, могли показать переход в *и* (например, *bunūšū* 'люди', ср. в ханаанском *'enōš*, арамейском *'enāš*), тогда можно было бы говорить о каком-то изменении, происходившем в течение XIII века. Слияние *t* с *š* (и *h* с *h*) в написанном справа налево тексте № 20.235 (см. раздел 1.29) также можно рассматривать как одно из свидетельств развития, которое проходило параллельно с ханаанским (см. 2.7).

1.17. Угаритский язык на основании данных, которыми мы располагаем, надо считать, как это делает большинство исследователей, самостоятельным северо-западным семитским языком. В пользу этого говорят помимо сохранности архаичных черт [наличие богатого консонантизма, особые формы для косвенного падежа местоимений (*hwit* и др.), отсутствие артикля] и такие факты, как образование каузативной породы на *š* и наличие суффикса *-nā* для множественного числа личного местоимения 1-го лица. В то же время угаритский язык имеет очень близкие и многообразные связи с ханаанскими языками: древнееврейским и финикийским. Поэтому нельзя игнорировать и точку зрения тех исследователей, которые относят угаритский язык к ханаанским языкам.

ДИАЛЕКТЫ И СТИЛИ УГАРИТСКОГО ЯЗЫКА

1.18. Наиболее крупные из сохранившихся угаритских текстов представлены стихотворными произведениями. Они принадлежат к поэтическому языку, образовавшемуся под длительным воздействием устной литературной традиции. В отдельных архаичных и по содержанию стихотворных произведениях (НК — 77; ВН — 75) можно проследить следы более древнего состояния в употреблении межзубных звуков. Некоторые параллельные тексты, в которых употребляются различные синонимы, интерпретировались как доказательство существования двух различных традиций устного творчества, объединенных позднее в едином литературном языке. Однако литературный язык базируется на одном из древних диалектов, который весьма надежно передавался из поколения в поколение и сохранил архаичные черты произношения, лексики и стиля.

1.19. Большинство прозаических текстов благодаря скрупулезно выдержанной орфографии весьма близки к текстам на литературном языке, в частности царские грамоты, переписка царя и высокопоставленных сановников, а также записки торговых людей и ремесленников. Вместе с тем некоторые тексты бытового содержания сильно грешат против орфографии, а отдельные столь явно, что их авторами следует при-

знать иностранцев. Эти записи показывают, что разговорный язык значительно отошел от старой языковой традиции, зафиксированной в стихотворных произведениях; некоторые звуки слились воедино, наблюдаются случаи ассимиляции, не встречающиеся в текстах на литературном языке. Об отличном от письменного языка произношении свидетельствует в какой-то мере также и транскрипция угаритских слов посредством слоговой клинописи в четырехязычных вокабуляриях.

ВАЖНЕЙШИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

1.20. Большая часть найденных до настоящего времени (1962 г.) угаритских клинописных табличек представляет собой различного рода грамоты, реестры, договоры, дипломатическую и частную переписку. Тем не менее некоторые записи, будучи написаны высоким, а подчас и поэтическим стилем, не лишены также и литературных достоинств. В стилистическом отношении заслуживают внимания заклинания против змеиного укуса (текст 24.244); между тем наставления о лечении лошадей содержат множество иноязычных заимствований.

1.21. Зачатки литературы можно найти в некоторых ритуальных текстах, содержащих причитания во время культовых празднеств. Наиболее обширным из них является так называемое «Рождение прекрасных и очаровательных богов» (SS — 52). Фоном служит здесь земледельческий праздник. Бог 'Эл (*il*) выведен очень грубым, как и два его прожорливых сына, рожденных ему двумя женщинами. Свадебный обряд сопровождался исполнением, по-видимому, переведенных с хурритского стихов, описывающих свадьбу двух лунных божеств (NK — 77): бога Йарих (*jrḥ* 'луна') и богини Никкал (*nkl*). Гимн, посвященный богине 'Анат ('nt, № 6), сохранился лишь в отрывках. Фольклорный характер носит описание пиршества, на которое приглашает богов старший бог 'Эл (*il*) (24.258).

1.22. Понимание внутренней взаимосвязи и хода действия в мифических текстах, где главным героем выступает молодой бог Ваал (*b'l*), затрудняется тем, что таблички сильно повреждены, особенно в начале и в конце. К более ранней традиции восходит, по-видимому, более архаичный и в языковом отношении текст, в котором бог фигурирует под другим своим именем — Хадд (*hd*) (BH — 75). На одной из табличек описывается победоносное сражение Ваала с богом моря Йамм (*jm*) (III AB — 68 + 129 + 137). Другая табличка (№ 25.235) повествует о том, как 'Анат поглощает плоть и кровь своего прекрасного брата (Ваала?). Многие таблички

(I AB — 67; I AB — 49+62; II AB — 51; IV AB — 76; V AB — 'nt; VI AB — 'nt, мн. ч. ix-x) посвящены описанию сражений Ваала с богом Мот (*mt*). Ваалу помогают его сестра и супруга 'Анат, между тем как мать 'Атира (*atrt*) испрашивает у верховного, но уже престарелого бога 'Эла разрешение на сооружение дворца. 'Анат мстит за убитого богом Мот Ваала, которому вновь даруется жизнь. Смысл этих мифических отрывков не совсем ясен. Речь идет, возможно, о богах земледелия или о борьбе между богами, символизирующими жизнь и смерть.

1.23. В то время как в упоминавшихся до сих пор литературных памятниках героями выступают только боги, в легенде об Акхате (*aqht*) (II, III, I D=2, 3, 1 Aqht) участвуют и люди. Мудрый царь Даниил (*dnil*) не имеет мужского потомства, и лишь после его молитв к богу 'Элу, сопровождаемых культовыми действиями, его супруга рождает ему сына. После того как последний достигает юношеского возраста, его отец Даниил достает ему у бога ремесел чудодейственный лук. Богиня 'Анат, ведающая войной и любовью, хочет получить этот лук у юного Акхата, обещая ему свою любовь и даже бессмертие. Когда же юноша резко отвергает это предложение, наемник богини 'Анат, которого орел приносит к спящему Акхату, убивает его. В результате этого коварного убийства земля перестает плодоносить. Когда Даниил узнает о смерти своего сына, он погребает его бранные останки, извлеченные из чрева орлицы, и предаёт проклятию неизвестного убийцу. Сестра Акхата Пугат (*pgt*) решает отомстить за брата. Продолжение этой легенды не сохранилось. Назначение этой легенды еще неясно; вполне возможно, что во время празднеств она читалась или представлялась в действиях.

1.24. Очень слаба связь с культовым ритуалом у эпоса, героем которого является царь Керет (*krt*). Он теряет жену, но вдохновенный вещим сном, ниспосланным богом 'Элом, предпринимает военный поход против города Удум (*udm*); чтобы заполучить в жены красавицу Хурию (*hrj*), принадлежавшую тамошнему царю. Очевидно, из-за невыполненного обета царь Керет был сражен через несколько лет тяжелым недугом. Его жена и дочь *Tmnt* (имя вроде Октавии) ухаживают за больным отцом, тогда как старший сын стремится свергнуть его, чтобы занять место на троне. Проклятием отца непокорному сыну оканчивается сохранившаяся часть эпоса. По-видимому, мы имеем здесь дело с произведением, возвеличивающим основателя правящей династии.

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕНИЯ УГАРИТСКОГО ЯЗЫКА

1.25. Первые таблички с неизвестным до того времени письмом были найдены французской экспедицией Клода Ф. А. Шэффера (Claude F.-A. Schaeffer) 14 мая 1929 г. в Рас эш-Шамре (всего было обнаружено 48 надписей). Надписи были сразу же изданы Шарлем Виrolло (Charles Virolleaud). Таким образом, Виrolло дал возможность и другим исследователям принять участие в дешифровке вновь открытых надписей. Первые результаты в дешифровке были достигнуты профессором университета в Галле Гансом Бауэром; несколько позднее опубликовал свои результаты французский ученый Поль (Эдуард) Дорм (Dorme), работавший в то время в Иерусалиме. Виrolло, используя также надписи, найденные при раскопках 1930 г., определил большую часть знаков. Таким образом, к 1932 г. были идентифицированы почти все буквы и выяснено название города под курганом Рас эш-Шамра, который был известен из эль-Амарнской переписки, а именно Угарит.

1.26. Более точные данные об упоминаемых ниже работах указаны в библиографии. Публикация текстов, обнаруженных в 1929—1939 гг., осуществлялась Шарлем Виrolло довольно быстро. Им и другими учеными были разрешены многие языковые вопросы. Подробную грамматику с глоссарием издал в 1940 г. Сайрус Х. Гордон. В 1947 и 1955 гг. он переиздал свою работу в переработанном виде, включив в нее угаритские тексты в транскрипции, а также критическую сводку языковых, грамматических и лексических исследований. Общую картину языка дали также Робер де Ланге (Robert de Langhe) и Генрих Гезекке (Heinrich Goesecke). Из наиболее капитальных работ по угаритскому языку следует назвать труды Альбрехта Гетце (Albrecht Goetze) и Э. Хаммерсхаймба (E. Hammershaimb), посвященные глаголу, исследования Йозефа Айстлейтнера (Joseph Aistleitner) и грамматические и лексические примечания в издании Дж. Р. Драйвера (G. R. Driver). Значительный вклад в разработку синтаксиса диалектальной структуры и языка в целом внес К. Брокельманн (C. Brockelmann). Интересные замечания содержатся в статьях С. Москати (S. Moscati). Угаритская лексика приведена в глоссариях, составленных С. Х. Гордоном, Дж. Р. Драйвером и Й. Айстлейтнером, где она рассматривается и с точки зрения родства с другими семитскими языками.

1.27. При исследовании угаритского языка наряду с первыми изданиями Виrolло и Дорма следует привлекать также издание литературных текстов с английским переводом Дж. Р. Драйвера. Большое значение имеют английские пере-

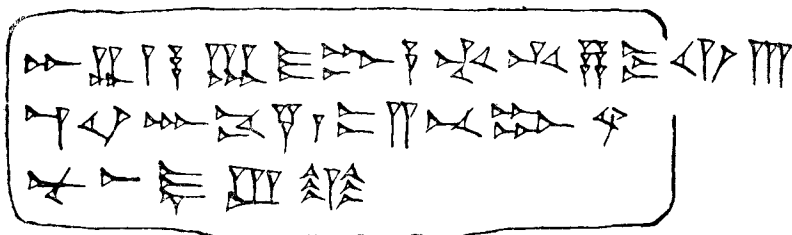
воды Гордона (С. Н. Gordon), Гинсберга (Н. L. Ginsberg) и Гастера (Th. H. Gaster) и немецкие переводы Й. Айстлейнера и А. Ирку. Ценные замечания содержатся в исследованиях О. Айсфельдта (O. Eissfeldt). Из советских ученых необходимо назвать Н. М. Никольского, исследовавшего на основании текста № 52 земледельческие культуры, И. Н. Винникова, давшего интерпретацию повести о Керете, и М. Л. Гельцера (социальная структура Угарита).

1.28. Во время археологических экспедиций под руководством Кл. Шеффера начиная с 1948 г. были найдены в царском дворце и в расположенном южнее жилом квартале многочисленные угаритские тексты, главным образом нелитературного характера. Тексты из некоторых дворцовых архивов были изданы в 1958 г. Ш. Виролло; остальные тексты, обнаруженные во дворце, предполагается издать в ближайшем будущем. О текстах, открытых во время 18—25 кампаний (1954—1962 гг.), имеются (1963 г.) предварительные отчеты, из которых следует, что значение этих находок для изучения языка весьма велико. Наряду с различными текстами, написанными угаритской клинописью (грамматами, письмами, язык которых очень близок к разговорному, наставлениями о лечении лошадей, заклинаниями, народными сказаниями, эпическими стихотворными произведениями), большую ценность для угаритского языкознания представляют четырехязычные вокабулярии, в которых произношение угаритских слов передается посредством слоговой клинописи, а их значения — через шумерские, аккадские и хурритские эквиваленты. Переиздание найденных до войны текстов и издание новых находок, подготавливаемые в Париже, представят ценный материал, который дополнит угаритский словарь и во многом изменит разработанную систему угаритской грамматики.

1.29. Данный очерк угаритского языка основывается на текстах, изданных в «Ugaritic Manual» С. Х. Гордона и в томе II «Le Palais Royal du Ugarit» Ш. Виролло. Все цитаты приведены по этим изданиям: Гордона — лишь с указанием номера произведения и строки, а иногда и названия произведения, а Виролло — с обозначением Р II и указанием номера произведения и строки по тому II парижского издания. Найденные во время последних раскопок тексты использованы лишь частично по отчетам Шеффера, Виролло и Нугэйроля (Nougayrol) в «Compte-rendus» парижской «Академии надписей», которая ведет эти раскопки и публикует результаты. Цитаты приводятся в транслитерации, применяемой Гордоном, с заменой лишь *u* на *j* для более точной передачи консонантного характера этой буквы. Даваемые в скобках формы с постулируемой огласовкой имеют целью только облегчить понимание материала.

ПИСЬМЕННОСТЬ

2.1. Памятники угаритского языка выполнены уникальным, нигде больше не употреблявшимся письмом. Угаритское письмо, отражая принцип алфавитного консонантизма, пользуется элементарными клинописными знаками. В его основу положен финикийский линейный алфавит в его древнейшей форме, насчитывавшей больше чем 22 буквы (еще *z* и *d*).

a b g h d h w z h t j k š l
 m d n z s ' p s q r t
 g' t i u š

Простые клинья:

Вертикальные	g	s	l
Горизонтальные	t	p	h

Сложные клинья:

Горизонтальные		a	n
Вертикальные		z	h

Под прямым углом	m	b	d
		i	u

Треугольником	s		
	k	w	r

Угол	'	t	d
	g'	q	z

Воспроизведение ли-
нейных знаков

	t	h
š?		š

Создатель угаритского алфавита объединил принцип консонантного алфавитного письма, соответствующий структуре угаритского языка, с техникой клинописи, которая бытовала в Угарите вследствие влияния аккадской культуры. Из всего многообразия клинописных знаков он выбрал наиболее простые элементы (вертикальные и горизонтальные клины, угловые черты), комбинации которых дали простые формы.

2.2. В Угарите было найдено несколько табличек с алфавитом (см. таблицу на стр. 17). Порядок букв такой, как в финикийском или в древнееврейском алфавите, состоящем из 22 букв; здесь выпали только некоторые буквы, ставшие ненужными в результате фонетического упрощения. В конце алфавита приведены три дополнительных знака, характерных для угаритского. Последняя буква воспроизводит букву *s* финикийского линейного письма; она используется большей частью в иноязычных словах, например: *ššw* 'лошадь' (55 : 2) из индоевропейского (санскритское *aśvas*); *kršū* (P II 146 : 12); *kšū* (33 : 7) 'трон' из аккадского. Два других дополнительных знака выходят за рамки чисто консонантного алфавита. Они представляют собой сочетания звука 'алеф' с *i* и *u*; первая в алфавите буква означает сочетание алефа с гласным *a*.

2.3. Угаритское алфавитное письмо в основном консонантное. Каждая фонема передается особой буквой. Однако этот принцип нарушают три буквы для алефа, которые придают фонематическому письму фонетическое обоснование. Алеф, собственно говоря, есть отрывистость голоса; это не звук, а прекращение звукового потока. Создатель угаритского письма правильно подметил, что эта фонема всегда связана с гласным звуком. Буквы для алефа в угаритском языке передают в большинстве случаев сочетание «алеф+гласный» ('*a*, '*u*, '*i*'), но они используются также для обозначения сочетаний *a*, *u*, *i*. Долгота гласных при этом не различается; долгие гласные, возникшие в результате монофтонгизации: *ō* (<**aω*) и *ē* (<**aj*), обозначаются на письме через «*u*» или «*i*», например: *u* ['*ō*] 'или', *in* ['*ēn*] 'не'. Знак для '*i*' или '*i*' употребляется также для обозначения просто алефа, например: *riš* [*ra*'*šū*] 'голова', *tšī* [*tīša*'] (3 Aq obv. : 24) 'пусть она выйдет'.

2.4. Слова в большинстве угаритских клинописных текстов отделены друг от друга словоразделителем в виде маленького вертикального клина, который в транслитерации передается точкой (.).

Моноконсонантные частицы, как правило, пишутся слитно с последующим словом.

2.5. В отличие от финикийского (и древнееврейского), но в соответствии с аккадской клинописью письмо идет слева направо (только в отдельных случаях встречается написание справа налево: тексты 57 и 74, 500); иногда применяется так

называемое *büstrophēdon*, т. е. одна строка пишется слева направо, а следующая — справа налево (22.203).

2.6. Чисто графические варианты отдельных букв, например применение вместо трех четырех клиньев или особая форма буквы *ḡ* в тексте № 77, не имеют языкового значения. Однако частые описки вследствие сходства букв не лишены известного лингвистического интереса.

2.7. Большое значение имеет количественное сокращение букв, по-видимому, в позднейший период существования Угарита. В найденной в 1959 г. табличке 20.235, которая отличается от большинства текстов еще и направлением письма справа налево, одной и той же буквой обозначаются *ḥ* и *ḥ*, тогда как для *š* и *t* использован значок в форме кружка, не свойственный системе угаритского алфавита.

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ НА ПИСЬМЕ ФОНЕМ И СЛОГОВ

2.8. Каждая консонантная фонема в угаритском письме передавалась одной буквой. Лишь в отдельных случаях некоторая неуверенность при фиксировании звука приводила к употреблению двух разных букв. Иногда вместо обычного *tl* [*tallu*] 'роса' написано *tṭl* (1 Aq:200); точно так же и производное от этого слова имя одной из дочерей Ваала написано *tṭlj* (67:V:11) вместо *tlj* [*Tallija*], например, в 51:IV:56. Писец, возможно, хотел подчеркнуть, что данный звук есть средний между простым *t* и эмфатическим *t*.

2.9. Может быть, в отдельных случаях консонантные буквы использовались для обозначения гласных. См., например, написание *phjrh* (Krt:25) наряду с *phr* (128:III:15), где *i*, возможно, обозначен через *j*, точно так же и написание *kj* [*kī*] (P II 15:7; 21:13) наряду с *k* (56:12), ср. также написание *šljt* 'могущественный' (67:I:3).

2.10. Кроме трех знаков для гласных *a*, *i*, *u*, которые выступают лишь в сочетании с фонемой ' (алеф), угаритский консонантный алфавит не обладает средствами для передачи слогов. Только знание структуры слова делает возможным деление его на слоги. Другим недостатком является отсутствие знака для обозначения геминации согласных, влияющей на образование слога и слова.

2.11. В разных документах, а также в многоязычных вокабуляриях угаритские слова написаны силлабической клинописью. Согласные здесь, правда, не передаются с такой точностью, как в угаритском алфавите, но зато постоянное обозначение гласных представляет большую ценность для изучения угаритского вокализма.

ФОНОЛОГИЯ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗВУКОВОЙ СИСТЕМЫ

3.1. За небольшими исключениями угаритский язык довольно точно сохранил протосемитский консонантизм, в частности характерные для семитских языков ларингальные и эмфатические звуки. Вокализм, представленный тремя гласными *a*, *i*, *u*, также соответствует системе древнесемитского.

3.2. Согласные в семитских языках обозначают только семантические концепты, тогда как с помощью гласных образуются формы и их модификации. Консонантизм и вокализм — это две почти не зависящие друг от друга системы.

3.3. Фонематическое значение угаритских букв устанавливается путем сопоставления с другими семитскими языками, в первую очередь с арабским.

3.4. Большую помощь в этом оказывает и таблица алфавита (Р II 189), в которой эквиваленты угаритских букв указаны аккадским силлабическим письмом. Имена собственные и другие слова угаритского происхождения, записанные аккадской силлабической клинописью, и, наоборот, аккадские, хеттские, хурритские и индоевропейские имена и слова, записанные угаритской алфавитной клинописью, также помогают более точно определить фонетическое значение отдельных согласных. Варианты написания одних и тех же угаритских слов также позволяют иногда судить об истинном произношении.

3.5. Согласно угаритскому алфавиту в угаритском языке было 27 консонантных фонем. По способу и месту артикуляции их можно классифицировать следующим образом:

Таблица 1

Согласные

	Глухие	Звон- кие	Эмфа- тиче- ские	Носо- вые	Плав- ные	Полу- гласные
Ларингальные	'h					
Фарингальные	h	ʿ				
Поствелярные	ħ	ğ				
Велярные	k	g	q			j
Палатовелярные	š	(ž?)				
Альвеолярные	s	z	š		l	
Дентальные	t	d	ṭ	n	r	
Интердентальные	ṭ	d	ṣ			
Биллабиальные	p	b		m		w

3.6. Ларингальные: 'h соответствует украинскому или немецкому h (на письме в сочетании с a, i, u передается особыми знаками). Это отрывистость голоса, прекращение звукового потока, hiatus, ср. в немецком: be-['] *achten*, Ab['] *art*.

Фарингальные: h — глухой, образуется сужением воздушного потока в зеве; ' — звонкий звук.

Поствелярные: h — соответствует русскому x (см. немецкий Ach-Laut); ġ — звонкий эквивалент h (по-видимому, неувулярный в противоположность арабскому غ).

Эмфатические: q, s, t и z (последний первоначально представлял собой межзубный эмфатический глухой) — образовывались или путем поднятия основания языка к заднему нёбу (как в арабском), или посредством особого стяжения голосовой щели (как в эфиопском).

Интердентальные: t̥ — глухой (см. в англ. *thing*); d̥ — звонкий (см. в англ. *this*); z — условная транслитерация для эмфатического глухого интердентального.

w — соответствует английскому губно-губному w.

УГАРИТСКИЙ КОНСОНАНТИЗМ В СРАВНЕНИИ С ПРОТОСЕМИТСКИМ

3.7. Согласные угаритского языка сравнительно точно воспроизводят консонантизм протосемитского. Угаритский язык, особенно в своем более древнем диалекте, представленном в текстах № 75 и 77, почти целиком сохранил богатство протосемитского консонантизма. В некоторых народных, вероятно более поздних, текстах некоторые фонемы смешались: t̥ и š, h̥ и h.

3.8. В угаритском бесследно исчез протосемитский ś (*śin*). Во всех случаях он перешел в š. Ср., например, 'šr [-'ašaru] 'десять' (ср. др.-евр. 'āšār); špt [šapatu] 'губа' (ср. др.-евр. šāpā); šb' 'насытиться' (ср. др.-евр. šb').

3.9. Первоначально, по-видимому, лателязированный протосемитский звук d̥ в некоторых языках (например, в арабском) выступает как эмфатический интердентальный звонкий звук, а в угаритском (равно как и в аккадском и ханаанских языках) как эмфатический сибилант s. Из протосемитского 'ard̥ (ср. араб. 'ard̥) получалось arš [ʾaršu]. Однако в тексте № 75 первоначальный звук d̥ обозначен буквой, используемой для глухого эмфатического интердентального звука, например: jzḥq [jizḥaqu] 'он смеется' (75:1:12).

3.10. Угаритский ġ в большинстве случаев следует рассматривать как эквивалент протосемитского ġ, сохранившегося в северо- и южноарабском, например: rġb 'голодать' (ср. араб. raġiba); tġr [taġru] 'ворота' (ср. араб. taġr, др.-евр. ša'ar, арам. tēra' с метатезой). Звук ġ перед r иногда дисси-

милируется в ' , например, 'rb 'заходить (о солнце)' в противоположность арабскому *ǧrb*.

3.11. В отдельных словах протосемитскому *z* соответствует веллярный спирант *ǧ*, ср. *ǧm* 'жаждать' (протосем. и араб. *zm*, др.-евр. *šm*); *nǧr* 'стеречь' (ср. араб. *nẓr*, др.-евр. *nšr*), *ǧr* [*ǧūru*] 'гора' (ср. др.-евр. *šūr*, арам. *tūr*).

3.12. Протосемитский интердентальный звук *d* в большинстве случаев перешел в чисто зубной *d*, например в часто встречающейся частице *d-*; см. еще *dqn* [*dīqnu*] 'подбородок (борода)' [ср. араб. *dīqn*, др.-евр. *zāqān*, арам. (сирийск.) *daqnā*]; *aḥd* 'схватить' (ср. араб. 'ḥd, др.-евр. 'hz, арам. 'hd). Однако в словах, содержащих ' или *r*, интердентальный *d* сохранился, например: *dr* [*dīrā'u*] 'рука' (ср. араб. *dirā'*, др.-евр. *zērō'*, арам. *edrā'*). В тексте № 75 *d* сохраняется и в других случаях, например: *aḥd* (75:II:33).

3.13. В архаичном тексте № 77 эмфатический зубной звук *t* передан буквой для эмфатического межзубного *z*, например: *lẓpn* [*luẓpānu*] (77:44), в противоположность *ltpn* в других текстах. Поскольку в этом эпитете «добрый», относящемся к богу 'Эл, можно предположить первоначальный *t*, судя по выступающему в той же функции арабскому слову *laṭīf*, то здесь, по-видимому, имела место спирантизация эмфатического зубного.

3.14. Произношение интердентальных звуков в последний период существования угаритского языка изменилось: *t* стало произноситься как *š*, а *d* — как *z*.

Таблица 2

Схема развития интердентальных и *d* (3.12—14)

Протосемитский	Угаритский			Арабский	Древнееврейский	Арамейский	Аккадский
	«классический»	«архаичный»	«вульгарный»				
<i>t</i>	<i>t</i>	<i>t</i>	<i>š</i>	<i>t</i>	<i>š</i>	<i>t</i>	<i>š</i>
<i>d</i>	<i>d(d)</i>	<i>d</i>	(<i>ž</i> ?)	<i>d</i>	<i>z</i>	<i>d</i>	<i>z</i>
<i>z(t)</i>	<i>z</i>	<i>z</i>	(?)	<i>z</i>	<i>š</i>	<i>t</i>	<i>š</i>
<i>d(d'?)</i>	<i>z</i>	<i>š</i>	(?)	<i>d</i>	<i>š</i>	[<i>ǧ</i>]q, '	<i>š</i>

3.15. Звук *w* в начале слова (как и во всех северо-западных семитских языках) превратился в *j*, например: *jrḥ* [*jariḥu*] 'луна', 'месяц' (ср. аккад. *warḥu*); *jld* 'рожать' (ср. араб. *wld*, др.-евр. *jld*); *jtḥ* 'сидеть' (в противоположность арабскому *wataba* 'прыгать', основное значение 'делать что-нибудь скрещенными ногами'). Однако союз *w-* [*wa-*] 'и', а также некоторые другие слова сохранили первоначальное *w*,

например: *wld* [*waladu*] 'ребенок' (Krt: 152) наряду с *jld:jldj* (52:53); *wpt* 'плевать' (51:III:13).

СИСТЕМА ВОКАЛИЗМА

3.16. Гласные угаритского языка могут быть выявлены прежде всего благодаря трем знакам для алефа, которые обозначают три основных гласных: *a*, *i*, *u*. Это обозначение касается лишь качества, но не количества гласного. Другим подспорьем являются угаритские собственные имена и разные наименования в аккадских синлабических клинописных текстах из Угарита, которые, как правило, довольно точно передают гласные. Так как материал, который дают оба упомянутых источника, имеет надежные параллели в родственных семитских языках, в первую очередь в классическом арабском, а также в древнееврейском, аккадском и арамейском, то эти языки могут в большой степени быть использованы для реконструкции угаритского вокализма.

3.17. Протосемитские гласные сохранились в угаритском в основном без изменения; это относится как к кратким *a*, *i*, *u*, так и к долгим *ā*, *ī*, *ū*.

3.18. Краткие гласные в конце слов сохранились в угаритском; они выполняют важную функцию как падежные окончания имени и модальные окончания глагола.

3.19. Характерный для ханаанских языков переход долгого *ā* в долгий *ō* не имел места в классическую эпоху угаритского, тогда как в тот же период в эль-Амарнской переписке уже встречается долгий *ō*. Ср., например: *ks'at* [*kissi-ātu*] 'троны' (в противоположность др.-евр. *kis'ōt*); *g'an* [*ga-ānu*] 'величество' (ср. др.-евр. *gā'ōn*); *šm'al* [*šim'ālu*] 'левый' (ср. др.-евр. *šēmōl*). Орфография слов, в которых, по свидетельству других семитских языков, особенно арабского и сирийского, имелись первоначально дифтонги, говорит о монофтонгизации. В интерконсонантной позиции дифтонги на письме не обозначались, ср. *tk* 'середина' или *bt* 'дом'. При наличии же перед ними алефа первоначальному дифтонгу *aw* соответствует на письме алеф с *u*, дифтонгу *aj* — алеф с *i*, например: *u* 'или', *in* 'не имеется'. Таким образом, следует допустить произношение этих дифтонгов, как *ō* и *ē* (как в древнееврейском), например: *tōku*, *bētu*. Эта монофтонгизация будет тогда соответствовать таковой в древнееврейском; менее вероятно, что монофтонгизация привела к долгому *ū* и *ī*, как в аккадском.

3.20. Первоначальный угаритский вокализм основывался на системе трех гласных — *a*, *i*, *u*, которые могли быть как краткими, так и долгими. Речь идет здесь о системе треугольника, сохранившего две ступени для кратких гласных и

ставшего вследствие монофтонгизации дифтонгов ($e < *aj$ и $\bar{o} < *aw$) трехступенчатым для долгих гласных.

		\bar{a}	
	a	(\bar{e})	(\bar{o})
i	u	\bar{i}	\bar{u}

3.21. Чередование a и u в некоторых словах, например *tant* и *tunt*, возможно, свидетельствует о наличии некоего гласного, среднего между a и u , нечто вроде o . Но если гласный o действительно и произносился, то можно говорить лишь о модификации или позиционных вариантах a или u , так как этот гласный не являлся самостоятельной фонемой. Это относится и к краткому e .

КОМБИНАТОРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ СОГЛАСНЫХ

3.22. В большинстве случаев n полностью ассимилируется следующим за ним непосредственно согласным, например: *at* ['attā] 'ты' (местоимение 2-го л. ед. ч. м. р.) из $*antā$ (ср. араб. *anta*). Очень часто аналогичные явления встречаются в глаголах с первым коренным n , например: *jpl* [jappulu] вместо $*janpulu$, и в именах с третьим коренным n , например: *šmt* (1 Aq: 177) ($< *šmnt$) 'жир'; но в глагольных формах с третьим коренным n ассимиляция не происходит по крайней мере на письме, например: *jtnt* [jatantā] (49:VI:14) 'ты дал'.

3.23. В глаголе *lqh* 'брат' l ассимилируется q , например: *jqh* ('nt:I:16) [jiqqahu] $< *jilqahu$.

3.24. Звук d ассимилируется следующим за ним непосредственно t , например: *aht* ['aḥattu] $< *aḥadtu$ 'одна'; *jlt* (52:53) [jalattā] $< *jaladtā$ 'они (обе) родили' — двойственное число женского рода.

3.25. В каузативе глаголов с первым коренным t префикс $š$ ассимилируется этим t , например: *jttb* (3:45) [jatatibu] $< *jašatibu$ 'он возвратит', (ω)*ttb* (Krt:136) $< *(\omega)št̄b$ 'он возвратил'.

3.26. Иногда h после гласных элидируется, например: *bdr̄t* (49:III:5) 'в видении' наряду с *bdhr̄th* (Krt:36) 'в его видении'; *md̄dt* (Krt:191) 'его возлюбленная' наряду с *mdd̄th* в параллельном отрывке (там же, 103).

3.27. Исчезновение ' в префиксе глаголов 1-го лица единственного числа имперфекта с первым коренным ' можно рассматривать как диссимиляцию, например: *'dbk* [$*'a'dubukā$] (3 Aq obv.:22) 'я предлагаю тебе'.

3.28. Форма *špš* [šapšu] 'солнце' возникла следующим образом: *šamš* (ср. др.-евр. *šemeš*) с анаплексическим согласным $*šampš$, а после элизии первоначального m стало *šapš*

(ср. набатейское имя *šmšgrm*, которое в греческой передаче звучит: *Sampsigeramos*).

3.29. Полугласные звуки в интервокальной позиции иногда элидируются, например: *qm* [*qāma*] < **qawama* 'он встал'; однако *w* и *j*, когда они являются третьими коренными, сохраняются и между гласными, например: *atwt* ['*atawat*] 'она пришла'; *mǧjt* [*maǧijat*] 'она достигла'; *ašlw* ['*ašluwa*] 'я буду спокойным'; *bnj* [*bāniju*] 'строющий'. При удвоении *w* и *j* сохраняются, например: '*ajl* ['*ajjal*] 'олень'.

3.30. Звуки *j* или *w* в конце слога сливаются с предыдущим гласным и на письме не обозначаются: *mǧt* [*maǧitā*] < **maǧijtā* 'ты достиг'; *šrd* [*šōrada*] < **šawrada* 'он спустил'; *dn* [*dīnu*] < **dijnu* 'суд'; *bk* [*baki*] < **bakiju* 'плач'.

3.31. В некоторых словах наблюдаются колебания в обозначении звонких и глухих согласных. Наряду с обычным *šph*, встречающимся и в других семитских языках (ср. др.-евр. *mīšpāhā*), пишется также и *šbh* (Krt:290). И, наоборот, наряду с обычным *lbš* 'одеваться' (отмеченным и другими семитскими языками) встречается *lpš*. В некоторых записях подобные случаи довольно часты, например: *štqn* — имя собственное вместо правильного *šdqn* от корня *šdq*.

ИЗМЕНЕНИЯ ГЛАСНЫХ

3.32. Ларингальные звуки влияют на тембр соседних гласных в направлении к *a*, например: *ilak* ['*il'aku*] (51:VII:45) 'я пошлю' (вокализация соответствует закону Барта). Первоначально гласным после второго коренного должен был быть *i*.

ВЗАИМНАЯ АССИМИЛЯЦИЯ ГЛАСНЫХ

3.33. В угаритском языке наблюдаются некоторые изменения гласных, которые могут быть объяснены тенденцией к взаимному нивелированию гласных, например: *ulp* ['*ullūpu*] 'вождь' (ср. др.-евр. '*allūp*'); *irbj*, вероятно, ['*irbaj*] 'саранча' (ср. др.-евр. *'*arbaj*' > '*arbē*'); '*ij* ['*iji*] 'где?', ср. др.-евр. '*aj(j)ē*'. Флексия также оказывает влияние на это явление: *uhj* ['*uhūja*] (18:17) 'мой брат' (им. пад.), *ahj* ['*aḥāja*] (49:II:12) 'моего брата' (вин. пад.). Из древних семитских языков это явление было нормой для ассирийского. Но ассимиляция гласных не может рассматриваться как норма для угаритского языка, так как наряду с указанными формами встречаются также именительный и родительный падежи с *a*: *ahj* ['*aḥja*] (138:15) и *lahk* [*la'ahika*] (138:18).

3.34. Угаритская орфография с трудом позволяет определить возможные изменения слова в потоке речи. К таким случаям могут быть отнесены разве что явления элизии *r* в конце слова, например: *jīb* [*jaṭbu*] (1 Aq:103:129) вместо *jībr* [*jaṭbur*] 'его тошнит'; правда, здесь, возможно, простая описка, см. также: *kt.il* (51:1:31) 'корона Эля' (в др.-евр. *keter*).

УДАРЕНИЕ

3.35. В угаритском алфавитном письме отсутствуют особые знаки для обозначения ударения. Его можно установить в отдельных случаях лишь из таких языковых явлений, как, например, ассимиляция.

3.36. В угаритском языке элизия кратких конечных гласных еще не имела места; отсюда можно заключить, что ударение было слабым. О месте ударения в слове нельзя сказать ничего определенного. Однако каждое полчлзначное слово, т. е. имя и глагол (а не частицы), имело ударение, релевантное для просодии. Но так как просодия была индифферентна к месту ударения в слове, то для ее определения ничего не дает анализ поэтических текстов.

СЛОГИ И ИХ ТИПЫ

3.37. Реконструкция угаритского вокализма позволяет выделить два типа слогов:

1) открытый слог: согласный + (долгий или краткий) гласный;

2) закрытый слог: согласный + (большей частью краткий) гласный + согласный.

Итак, любой слог начинается согласным, за которым следует гласный.

Невозможно установить, в какой мере проявлялась тенденция к сокращению долгих гласных в закрытых слогах.

ЛЕКСИКА И СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

4.1. Нам известна лишь сравнительно незначительная часть лексики угаритского языка, представленная в языке, с одной стороны, мифов и эпоса и правовых актов, писем и разных списков — с другой. Поэтому все выводы о связи угаритской лексики с лексикой других древних семитских языков, от которых в свою очередь сохранились немногие образцы, должны быть сделаны с большой осторожностью.

СВЯЗЬ УГАРИТСКОЙ ЛЕКСИКИ С ДРУГИМИ СЕМИТСКИМИ ЯЗЫКАМИ

4.2. Ядро лексики — обозначения частей тела, главных степеней родства, простейших предметов и понятий повседневной жизни, наиболее распространенных животных и растений, важнейших явлений природы, а также выражение основных временных, пространственных и модальных отношений и большинство местоимений, числительных и частиц — является общим у угаритского с другими древними семитскими языками: финикийским, древнееврейским, древнеарамейским, северным и южным арабским и аккадским.

4.3. В угаритском языке есть группа слов, общих с другими северо-западными семитскими языками. При неполноте дошедшей до нас лексики финикийского, древнееврейского и древнеарамейского языков к этой группе условно можно отнести такие слова, которые, встречаясь в угаритском, имеются по крайней мере в одном из ханаанских и одном из арамейских языков. У угаритского языка есть также некоторые общие слова с аморейским; оба эти языка существовали еще во II тысячелетии до н. э.

4.4. Часть лексики является общей для угаритского и ханаанских, т. е. финикийского и древнееврейского языков; сюда относятся наряду с некоторыми словами, обозначающими основные отношения и виды деятельности, и некоторые слова из сферы культуры. Из древних ханаанских диалектов наиболее близок угаритскому диалект, нашедший отражение в эль-Амарнских табличках XIV в. до н. э. (диалект Библа в Финикии).

4.5. Если все упомянутые выше семитские языковые группы и языки сравнительно близки угаритскому генетически, так что изоглоссы могут быть отнесены к общей древней фазе языка, то незначительное число слов, общих для угаритского и аккадского языков, следует объяснить общностью происхождения их от более древнего языка; наряду с этим в угаритском есть некоторое количество аккадских заимствований.

4.6. Учитывая значительный объем известной нам арабской лексики, не приходится удивляться тому, что многие угаритские слова имеют соответствия только в арабском языке; это обстоятельство тем не менее не может служить свидетельством особо близкого родства этих двух языков. Ср., например: *nšr* 'половина', *ʿq* 'затылок', *mḡmḡ* 'смешивать'.

ЗАИМСТВОВАНИЯ

4.7. Обилие иностранных слов в угаритском языке можно объяснить многоязычием населения Угарита. Однако эти сло-

ва большей частью встречаются в документах, письмах и бытовых записях, тогда как старый традиционный язык поэзии почти свободен от заимствований. Некоторые слова кажутся иноязычными по своей структуре, хотя не всегда возможно установить их происхождение и этимологию.

4.8. Аккадские заимствования в угаритском являются следствием длительного политического и культурного влияния Месопотамии. Заимствовалась в основном правовая и техническая терминология. Ср. *šnpt* 'две трети', *lrmn* 'виноград', *krsu*, *ksu* 'трон', *iqnu* ['iqnū'u] 'лазурь'.

4.9. Из несемитских языков наибольшее количество слов заимствовано из хурритского, однако это в основном слова для обозначения отдельных видов занятий. Несмотря на связи с Египтом, в угаритском почти не обнаруживаются слова египетского происхождения. Неясного, возможно малоазиатского, происхождения слово для обозначения железа; характерны здесь колебания в передаче звуков: *prtł* наряду с *brdl*, что указывает на иноязычную систему звуков.

4.10. Индоевропейские языковые влияния проникали в Угарит по трем направлениям: с севера — из хеттского государства, навязавшего свое господство царству Угарит; с востока — через арийских воинов *marianni*, служивших в угаритских войсках, и с запада — из области микенской культуры. Хеттские слова, помимо обозначений титулов (*tpnr* [*tup-panāru*]; *ħbrtnr* [*ħuburtunūru*]), сохранились большей частью в наставлениях по лечению лошадей, если только мы не имеем здесь дела с арийской лексикой, ср. *ħndrt* (55:6) 'вид фуража'.

Арийским заимствованием, помимо *mrjn* [*marijannu*] 'воин' и *śśw* 'лошадь' (из др.-инд. *aśvas*), можно считать также слово *agn* ['*agnu*] 'огонь' (ср. др.-инд. *agnis*, латинск. *ignis*). К словам критского происхождения могут быть отнесены только некоторые слова, как, например, *ħdm* (51:IV:29) 'скамейка для ног'.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СТРУКТУРЫ СЛОВА

4.11. В угаритском языке отчетливо выражен семитский принцип словообразования. Слово состоит обычно из трех, редко из двух или четырех согласных, которые образуют корень — носитель значения. Модификации значения выражаются гласными, удвоением согласных корня, а также префиксами и суффиксами.

4.12. В эту трехсогласную систему не входят древние местоимения и частицы. Незначительное число древних слов, относящихся к основному словарному фонду, сохраняет двухсогласную структуру. Количество четырехсогласных слов в

угаритском незначительно; это в основном видоизмененные двух- или трехгласные корни.

4.13. Заимствованные слова часто также укладываются в эту систему; это относится не только к заимствованиям из семитских языков.

4.14. Из-за неполного обозначения гласных структуру отдельных слов можно установить лишь на базе родственных языков.

ПРОСТЫЕ И СЛОЖНЫЕ СЛОВА

4.15. Слова в угаритском языке сохраняют свою самостоятельность, которая подчеркивается ясным строением слова и четким разграничением посредством так называемых пограничных сигналов (особая структура начала и конца слова).

4.16. Сложные слова следует считать исключением. В качестве сложного слова, образованного путем сложения двух существительных, надо рассматривать *aplb* ['*appu*+*libbi*] (62:5) 'лицо сердца' (нечто вроде «передней стороны тела»). При помощи отрицательной частицы образовано слово *blmt* [*bal*+*mōt*-] (125:15) 'бессмертие'.

4.17. Словосложение используется часто при образовании собственных имен, например: *'bankl* ['*abdu*+*Nikkal*] 'раб Никкаль'. Чаще же употребляются имена-предложения, как, например: *ilmlk* ['*ilu*+*milku*] (127:59) 'Эл — царь'; *b'ljskn* [*Ba'lu*+*jaskunu*] (323:III:9) 'Ваал правит'. Любопытны двойные имена, например: *ktr-w-hss* [*Kuṭaru-wa-Hasisu*] (52:8) приблизительно 'расторопный и понятливый'.

СРЕДСТВА СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

4.18. Слова в угаритском языке можно подразделить на глаголы и имена; к последним принадлежат также местоимения, числительные и частицы.

4.19. Образование глаголов производится по единым принципам. Видоизменения, благодаря которым отдельные глагольные основы приобретают и семантически отличное значение, относятся к области морфологии.

4.20. Образование имен нагляднее всего можно представить как постановку корневых согласных в определенные модели; некоторые из них используются преимущественно для образования особых видов имен.

4.21. В качестве примеров ниже приводятся такие имена, вокализм которых достаточно надежно может быть определен при помощи алефа и отчасти сопоставлением с родственными языками. Отсутствие надежных источников обуславливает неполноту охвата именных типов.

4.22. Некоторые типы трехгласных имен:

qatl-: *abn* ['abnu] 'камень'; *alp* ['alpu] 1) 'бык'; 2) тысяча'.

qitl-: *ikl* ['iklu] 'еда'.

qutl-: *udn* ['udnu] 'ухо'; *mud* [mu'du] 'множество'.

qatal-: *adm* ['adamu] 'род человеческий'; *šbu* [šaba'u] 'толпа'.

qatil-: *mlit* [mali'tu] (прилагательное ж. р.) 'полная'.

qutal-: *šrš* [šurašu по силлабической передаче] — название местности, образованное из слова со значением «корень».

qutul-: *rum* [ru'mu] 'буйвол'.

gātil-: *aklm* ['ākilūma] (мн. ч.) 'пожиратели'; *šij* [šā'iju] 'черпающий (воду)'.

qatāl-: *šlm* [šalāmu] 'мир' (ср. араб. *salām*, др.-евр. *šālōm*).

qatīl-: *asr* ['asīru] 'пленник'.

qattal-: *ajl* ['ajjalu] 'олень'.

qattul- (>*quttul-*): *ulp* ['ullūpi] — в силлабической клинописи из [**allūp*] 'предводитель'.

qattāl- (Nomen agentis, для ремесленников и т. п.); *ngr* [*naggāru*] 'плотник'; *šḥt* [šahḥātu] 'мясник'.

4.23. Трехгласные образования с префиксами: ' с гласными *a*, *i*, *u* образует префикс, но чаще гласный приступ перед комбинацией двухгласных в начале слова:

a-: *almnt* ['almanatu] (ж. р.) 'вдова'.

i-: *irbj* ['irbaju] 'саранча'.

u-: *uṣb* ['uṣba'u] 'палец'.

Префикс *m-* служит для образования существительных места, например: *mgdl* [magdalū] 'замок', *m'rb* [ma'ribu] 'заход солнца', 'запад', и орудия действия: *mšḥt* [mišḥatu] 'нож', *mrkbt* [markabatu] 'повозка'.

Префикс *n-*: *nblu* 'пламя'.

Префикс *t-*: **taqtal-**: *trbš* [tarbašu] 'двор'.

Префикс *š-* служит для образования каузативной глагольной породы.

4.24. Образования с аффиксами:

Окончание *-t* [-at] или [-t] служит для образования женского рода; см., например: *mlkt* (117:1) 'царица'; *lbit* (67:1:14) 'львица'. Окончание *-t* может обозначать суффикс *-ūt*, служащий для образования абстрактных существительных, например: *abjnt* 'бедность'. Ср. 5.16.

-n [-ān-], ср. имена собственные *rpan* (300:14), *hršn* [hur-šānu], согласно аккадскому, служит для образования абстрактных имен, например: *škrn* [šakrānu] 'пьянство'.

В качестве суффикса принадлежности (*nisba*) служит *-ijj-*, на письме *-j*: *ugrtj* (64:8) 'житель Угарита'; *mlkj* [malkijju] 'царский'. Однако ср. также *-n*: *arwdn* 'арвадит' от назва-

ния города *arwd* ['Arwadu]. Суффикс для образования женского рода *-aj* также пишется *-j*, например: *n'mj* [na'amaj] 'радость'; соединением *-ijj* и *-at*: *atrjt* ['atrijjatu] 'рок', 'судьба'.

4.25. Примеры двухсогласных имен: *ab* [*'abu] 'отец', *amt* ['amatu] ж. р. 'служанка'; *il* ['ilu] 'бог'; *ilt* [*'ilatu] ж. р. 'богиня'; *mt* [mutu] 'мужчина'; *pit* [pi'tu] ж. р. 'край'; *jd* 'рука', ср. также *bd* < *b+jd* (Р II 8:17), ср. *bjd* (Р II 5:14).

4.26. Имена с редупликацией двухсогласной основы:

qatqat:- 'p'p ['ap'apu] 'веко', по-видимому, также *qdqd* 'голова' (ср. аккад. *qaqqadu*, но др.-евр. *qodqod* из *qudqud*).

4.27. Имена с редупликацией второго и третьего согласного основы:

qtltl: *jsmsm* 'прекрасный'.

4.28. Имена с четырьмя и большим числом согласных основы (часто заимствования): *hnzr* [hanziru] 'свинья'.

4.29. Моноконсонантными именами являются: *p* 'рот', *g* 'голос', *š* 'одна голова мелкого (рогатого) скота'.

4.30. Образование числительных производится по элементарным моделям, используемым при образовании имен.

4.31. В местоимениях представлены элементарные морфемы, которые не укладываются в трехсогласную систему.

4.32. Частицы также состоят преимущественно из моно- и биконсонантных элементов. Но, кроме того, в качестве наречий, предлогов и союзов употребляются иногда и именные образования.

МОРФОЛОГИЯ

ЧАСТИ РЕЧИ

КЛАССИФИКАЦИЯ И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЧАСТЕЙ РЕЧИ

5.1. Части речи (слова) угаритского языка можно в основном подразделить на две категории: глаголы и имена.

5.2. К глаголам относятся слова, выражающие действие или состояние. Они указывают на лицо (и вместе с тем на число). В глагольную парадигму входят также образования, которые не указывают на лицо и скорее соответствуют имени, это — глагольное имя (инфинитив) и глагольное прилагательное (причастие). Ближе к глаголам стоят также некоторые междометия, возникшие из застывших глагольных форм.

5.3. Образованные посредством префиксов или аффиксов формы финитных глаголов выражают действие или состояние и связаны с определенным лицом, числом или родом. При этом они могут характеризовать восприятие действия, его

интенсивность и направленность, а также активное, возвратное или пассивное участие субъекта. Наряду с изъявительным наклоном существуют еще усиленное наклонение, юссив и императив.

5.4. Все остальные части речи относятся главным образом к именам. Именами в узком смысле слова являются существительные и прилагательные. Ближе всего к ним числительные, построенные по образцу существительных и прилагательных. Местоимения частично обозначают лиц, некоторые особые формы соответствуют именам.

5.5. Имя можно узнать по падежному окончанию (которое, правда, при чисто консонантной орфографии только в отдельных случаях выражается на письме). У существительных и прилагательных отсутствуют какие бы то ни было различия во флексиях, однако при образовании прилагательных отдается предпочтение некоторым определенным моделям, тогда как другие модели присущи только существительным.

5.6. Имя имеет мужской или женский род и может выступать в единственном, двойственном или множественном числе. Оно может быть в абсолютном состоянии или иметь генитивное определение, которое выражается либо именем (тогда получается сопряженное состояние), либо местоименным суффиксом. Имена выступают в именительном (падеж субъекта), родительном (адноминальный падеж, который точнее определяет другое имя) или винительном (адвербиальный падеж, который при глаголе обозначает объект или адвербиальное определение) падежах.

5.7. Прилагательное отличается от существительного только по своей функции; оно выступает как определение или сказуемое при существительном, с которым согласуется в роде, числе и падеже.

5.8. Местоимение замещает имя или атрибутивно определяет его. Личные местоимения употребляются либо самостоятельно, либо как суффиксы при имени или глаголе.

5.9. Числительные, в частности большинство количественных и дробные, построены преимущественно как существительные. Числительное «один» является прилагательным (равно как и порядковые числительные, если таковые вообще существуют в угаритском языке; возможно, что в присущей им функции употребляются количественные числительные).

5.10. Неизменяемые части речи классифицируются обычно в грамматиках семитских языков по примеру арабских грамматик как частицы. Практикуемое в индоевропейских языках деление на наречия, предлоги и союзы только частично соответствует морфологической и функциональной классификации угаритских частиц. Как наречия они дают более точные определения действия. В качестве предлогов, при которых

имена стоят в родительном падеже, они уточняют связи имен. Союзы вводят пространные словосочетания и предложения. Междометия, возникшие из застывших именных и глагольных форм, стоят вне конструкции предложения, но и они тем не менее заслуживают внимания.

5.11. Частицы образованы из именных, местоименных или особых элементов. Некоторые частицы внешне выглядят как имена, и лишь их функции позволяют определить их природу. Но переход полностью не завершен: не всегда можно с уверенностью установить, полностью ли сохранено еще первоначальное значение имени или имя уже совершенно превратилось в грамматическую служебную частицу. Отдельные частицы очень тесно связаны с именем или глаголом, что часто проявляется на письме: эти частицы пишутся слитно со словом, в начале его или в конце.

5.12. В общем можно заметить, что подавляющее большинство значимых слов — имена и глаголы — подчинено трехсогласной системе, тогда как большинство грамматических слов, особенно с высокой частотностью — местоимения и частицы, — стоит вне этой системы.

ИМЕНА

5.13. Имена образуются большей частью из трехсогласных корней (иногда они бывают двух- и четырехсогласными) по определенным моделям с помощью гласных, редупликации корневых согласных, префиксов и аффиксов.

5.14. Именам в угаритском языке присущи следующие грамматические категории: род (мужской и женский), число (единственное, двойственное и множественное), падеж (именительный, родительный и винительный) и состояние абсолютное и сопряженное; некоторые факты можно интерпретировать как реликты особых средств для выражения определенности и неопределенности.

Род

5.15. У имен мужского рода нет никаких особых признаков. К именам женского рода также причисляются существительные, не имеющие соответствующих признаков. Эти имена обозначают особей женского пола, например: *um* ['*um-tu*] 'мать', *atn* ['*atānu*] 'ослица'. Но к именам женского рода относятся также и некоторые другие имена, например, обозначающие парные части тела: *jd* [*jadu*] 'рука', некоторые предметы: *ħrb* 'меч', ср. *bħrb mlħt* [*ba-ħarbi malihati*] ('*nt:l:7*) 'острым мечом'.

5.16. Признаком женского рода имен служит *-t*. В зави-

симости от структуры основы *-t* либо непосредственно примыкает к ней, либо соединяется с ней посредством *-a*, тогда формой признака является *-at*. Примеры с *-at*: *ḥmat* [ḥim'atu] 'масло', *almnt* ['almanatu] 'вдова' (при непосредственном присоединении получилась бы ассимиляция: *nt > tt*). Примеры с *-t*: *mit* [mi'tu] 'сотня', *bt* [bittu] из **bintu* 'дочь'; часто при слабом третьем коренном, например: *ḥmt* (Krt:75) [ḥāmitu] из **ḥāmiḵtu* 'городская стена'; ср. множественное число с *j*: *ḥmjt* [ḥāmiḵātu] (2:28).

Число

5.17. Наряду с лишенным признаков единственным числом и внешним множественным числом в угаритском языке имеется еще и двойственное число, сфера употребления которого значительно шире, чем во всех прочих семитских языках. Множественное число (так называемое внешнее множественное число) образуется с помощью окончаний. Нельзя доказать наличие в угаритском языке характерного для южносемитских языков (северо- и южноарабского, эфиопского) внутреннего («ломаного») множественного числа.

5.18. Единственное число не имеет каких-либо отличительных признаков. Посредством форм единственного числа можно обозначать и многие объекты, причем данный способ обозначения указывает на их единство, например: *adm* ['adamu] 'род человеческий'; *ṣin* [ṣa'nu] 'мелкий (рогатый) скот'.

Двойственное число

5.19. Двойственное число имеют имена, обозначающие не только парные части тела или предметы, но почти без исключения вообще все объекты, встречающиеся в количестве двух.

5.20. Окончание двойственного числа фиксируется на письме как *-m*, по-видимому, *-āmi* (ср. араб. *-āni*) для именительного и *-ēmi* (ср. араб. *-ajni*) для родительного, винительного падежей. В женском роде этим окончаниям предшествует отличительный признак *-t*: *-tāmi*, *-tēmi*. В сопряженном состоянии (*status constructus*) наблюдается элизия *-m[i]*. Примеры: *mtnm* [mutnēmi] (75:II:39) 'чресла'; *jdm* [jadēmi] 'руки' с параллельным *rḥtm*, вероятно, [raḥatēmi] (51:VIII:5—6) 'ладони'. Для встречающихся в количестве двух объектов: *ilḥnm* [tulḥanēmi] ('nt:II:30) 'два стола'. В женском роде двойственное число четко отличается от множественного: *mitm* [mi'tāmi] (P II 114:4) 'две сотни', *thmtm* [tihāmatēmi] (51:IV:22) 'две бездны'.

5.21. Благодаря широкому употреблению двойственного

числа становится возможным выражать формой множественного числа встречающееся в порядке исключения множественное число парных предметов, например: *qrnt* [*qaranāta*] (2 Aq:VI:22) 'несколько рогов', но *qrnm* [*qarnēmi*] род.-вин. пад. 'два рога'. Ср. также двойственное число '*nm* [*ēnēmi*] (68:12) 'два глаза' и '*nt* [*ēnāti*] ('nt:IV:80) 'родники'.

Множественное число

5.22. Множественное число мужского рода в status absolutus имеет окончание *-m* [-*ūma*] в именительном и *-m* [-*īma*] в родительном-винительном падежах (ср. араб. *-ūna* и *-ina*). В сопряженном состоянии (status constructus) *-m* [-*ma*] выпадает. Примеры: *mrum* [*māri'ūma*] 'главнокомандующие'; *rpum* [*rapi'ūma*] 'души умерших'; *šnu.hd* [*šāni'ū Haddi*] (51:VII:36) 'враги Хадда'; *btk.rpi. ars* [*ba-tōki rapi'i 'arši*] (128:III:14) 'среди умерших душ земли'.

5.23. Окончание множественного числа женского рода также имеет две формы: *-t* [-*ātu*] в именительном и *-t* [-*āti*] в родительном-винительном падежах. Эти формы употребляются как в status absolutus, так и в status constructus. Примеры: *ksat* [*kissi'ātu*] ('nt:II:21) 'троны'; *ilht* [*'ilāhātu*] (77:II) 'богини'.

5.24. Для двухсложных имен и имен, образованных от моносиллабических основ, характерна тенденция подстраиваться во множественном числе под трехсложную модель или бисиллабическую основу. Так, например, множественное число: от *bt* [*bētu*] 'дом' — *bhtm* [*bahatūma*]; от *amt* [*'amatu*] 'служанка' — *amht* [*'amāhātu*] (51:III:22); от *ilt* [*'ilatu*] 'богиня' — *ilht* [*'ilahātu*] (51:VI:48). Имена типа *qatl*, как, например *riš* [*ra'šu*] 'голова', образуют множественное число от основы типа *qatal*: *rašm* [*ra'ašūma*]. Слово *aht* [*'aḥatu*] 'сестра' помимо обычного множественного числа *aht* [*'aḥātu*] образует множественное число путем повторения окончания женского рода: *ahtt* [*'aḥatātu*] (77:36).

5.25. Имена женского рода, не имеющие в единственном числе окончания женского рода, также имеют во множественном числе окончание *-āt*, например: *um* 'мать' — *umht* [*ummāhātu*]. Некоторые имена мужского рода также принимают во множественном числе окончание *-āt*, например: *šm* [*šīmu*] 'имя' — *šmt* [*šīmātu*] (68:II); *mdbh* [*midbaḥu*] 'жертвенник' — *mdbht* [*midbahātu*] (3:24). До сих пор не найдено достаточно убедительных свидетельств обратного явления, т. е. чтобы имя женского рода принимало во множественном числе окончание мужского рода, ср. мн. ч. *šnt* [*šanātu*] (49:V:8) от *šnt* [*šānatu*] 'год' (51:VI:43), в противоположность *šānim* в древнееврейском; но ср. также и 51:IV:24.

5.26. Слово *riš* [ra'šu] 'голова' встречается во множественном числе как с мужским, так и с женским окончаниями: *rašm* [ra'ašūma], *rašt* [ra'ašātu] и *rišt* [ra'šātu].

Падежи

5.27. В единственном числе у угаритских имен существуют три падежа: именительный с окончанием *-u*, родительный с *-i* и винительный с *-a*. У имен с ' в качестве третьего коренного эти падежные окончания отчетливо видны в именительном — *ksu.tbth* [kissi'u tibatihi] (51:VII:51:VII:12—13) 'трон его восседания'; в родительном — *tht ksi* [tahtu kissi'i] (68:7) 'под троном' (все предлоги управляют родительным падежом); *št... mra* [šāta mari'a] (51:V:107) 'он возложил... откормленного вола'. Наличие таких окончаний следует предположить и у имен женского рода (*-tu*, *-ti*, *-ta*), хотя они и не могли быть обозначены на письме.

5.28. В противоположность обычным именам с тремя падежами в единственном числе (Triptota) у имен собственных, по-видимому, имелось только два падежных окончания: *-u* в именительном и *a* как в винительном, так и в родительном (Diptota, как в арабском). Это можно доказать с помощью силлабических клинописных текстов из Угарита. Так, например, родительный падеж названия города Угарит — *ú-ga-ri-ta* (Syria, 16, 1935, стр. 189, строка 5); для имен собственных ср. *TUR-ḥa-di-ja-na* 'сын Хадияна', в алфавитном письме *bn ḥdjn*.

5.29. Во множественном числе мужского рода и двойственном числе обоих родов имеются только две падежные формы: *-ūma* для именительного и *-ima* для родительного и винительного; ср. *rpim* [rapi'ūma] и *rpim* [rapi'ima] 'души умерших'. Имена женского рода во множественном числе также имеют только два окончания: *-ātu* в именительном и *-āti* в родительном и винительном (как в арабском), но они не различаются на письме, например, *ksat* 'троны' можно в зависимости от контекста прочесть [kissi'ātu] или [kissi'āti].

5.30. Для двойственного числа как мужского, так и женского рода, по-видимому, также существовали два падежа; ср. для именительного *mitm* [mi'tāmi] 'две сотни' и для родительного-винительного *mtnm* [mutnēmi] <*-ajmi 'чресла' (75:II:39).

Состояние

5.31. Абсолютное состояние (status absolutus) означает такое положение имени, когда за ним непосредственно не сле-

дует определение в родительном падеже. Сопряженное состояние (*status constructus*) означает такое положение имени, когда за ним непосредственно следует определение в родительном падеже, например: *ṣat špš [š'i'atu šapši]* 'восход солнца'; *šnu.nd [šāni'ū Haddi]* 'враги Хадда'.

5.32. В единственном и во множественном числе женского рода формы *status absolutus* не отличаются от форм *status constructus* (во всяком случае на письме).

5.33. Во множественном числе мужского рода для *status absolutus* употребляется окончание *-m (-ma)*, в двойственном числе обоих родов — *-m (-mi)*, тогда как в сопряженном состоянии *-m* (вместе с последующим гласным) выпадает. Ср. *grm [rap'i'ūma]* и *rpu. b'l [rap'i'ū Ba'li]* (124:8) 'духи мертвых Ваала'.

5.34. Возможна форма *status constructus* с последующими финитными глаголами, например: *jbn.ašld [jā banē 'ašolidu]* (52:65) 'О сыновья, [которых] я породил'.

5.35. Встречаются также два следующих друг за другом родительных падежа, из коих второй зависит от первого: *ṭp. qṣr npš [ṭapṭu qaṣṭri napši]* (127:34) 'судебное дело олепчатенного (букв. укороченного) душой'.

Таблица 3

Схематический обзор именных флексий
mlk [mal(i)k-] 'царь', *mlkt [mal(i)kat-]* 'царица'

Род	Число	Падеж	Status absolutus	Status constructus
Мужской	Единственное	Им. Род. Вин.	<i>mlk [malku]</i> <i>mlk [malki]</i> <i>mlk [malka]</i>	= st. absol. » »
	Двойственное	Им. Род.-вин.	<i>mlkm [malkāni]</i> <i>mlkm [malkēmi]</i>	<i>mlk [malkā]</i> <i>mlk [malkē]</i>
	Множественное	Им. Род.-вин.	<i>mlkm [malakūma]</i> <i>mlkm [malakīma]</i>	<i>mlk [malakī]</i> <i>mlk [malakī]</i>
Женский	Единственное	Им. Род. Вин.	<i>mlkt [malkatu]</i> <i>mlkt [malkati]</i> <i>mlkt [malkata]</i>	= st. absol. » »
	Двойственное	Им. Род.-вин.	<i>mlktm [malkatām]</i> <i>mlktm [malkatēmi]</i>	<i>mlkt [malkatā]</i> <i>mlkt [malkatē]</i>
	Множественное	Им. Род.-вин.	<i>mlkt [malakātu]</i> <i>mlkt [malakāti]</i>	= st. absol. »

Средства выражения имени, стоящие вне системы

5.36. В угаритском языке отсутствуют морфологические средства выражения как определенности, так и неопределенности, отсутствует артикль.

5.37. Хотя в некоторых случаях энклитическое *-m* и можно рассматривать как признак определенности, но это не проведено последовательно; появление *-m* обуславливалось скорее требованиями ритма, нежели языковой необходимостью. Зачастую нельзя отличить *-m* как признак определенности от *-m* — окончания множественного числа, например: *nrt ilm špš* или *nrt il špš* [*nāratu 'ilīma* или *'ilim šapšu*] 'светило богов' или 'бог Эл — солнце'.

В *status constructus -m* вряд ли можно рассматривать как показатель определенности или неопределенности. Точно так же трудно отличить это *-m* от других частиц при имени, имеющих идентичное написание, — от обобщающего *-mā* и от адвербиального *-am* или *-um*.

5.38. Не исключено, что из указательного местоимения *hn* позднее, в финикийском и древнееврейском, образовался артикль *ha-* (из **han-*): *whn.bt* (1 Aq:225) 'и этот стих'; *whn.attm.tšhn* (52:46) 'и эти обе женщины воскликнули'.

5.39. Аффиксы *-h* и *-m*, которые служат для образования наречий, следует также упомянуть здесь, так как они не относятся к системе или парадигме имени.

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

5.40. У имени прилагательного нет особых, отличных от существительного, форм. Оно образуется по тем же моделям, что и существительное, однако некоторые модели превалируют. Прилагательное имеет идентичные существительному категории, которые выражаются с помощью тех же окончаний. Это — число, род, падеж, состояние. Прилагательное изменяется во всех этих категориях подобно существительному, с которым находится в атрибутивной или предикативной связи. Отсутствуют специальные средства для выражения степеней сравнения.

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

5.41. В угаритском языке имеются специальные знаки для цифр — вертикальный клин для 1 и угол для 10, но их употребление ограничивается официальными документами. В литературных текстах и письмах числа записываются словами.

5.42. Единственное число само по себе выражает единич-

ность, двойственное — парность, например: *qšt.w.ql'* (321:I:4) 'один лук и один колчан'; *glm.dt.šnt* (124:13) 'годовалые тельцы'; *kkrm.brđl* (120:6) 'два талана железа'.

Количественные числительные

- 1 — *aḥd* ['aḥadu] (5:43)
 2 — *tn(m)* [*tinā(mi)*] (5:44)
 3 — *tl̄t* [*talātu*]
 4 — *arb'* ['arba'u]
 5 — *ḥmš* [*ḥamišu*]
 6 — *tt* [*tittu*]
 7 — *šb'* [*šab'u*]
 8 — *tmn* [*tamānī*] (*-iju)
 9 — *tš'* [*tiš'u*]
 10 — *'šr* ['aš(a)ru]
 11 — *'št 'šr* ['ištē 'aš(a)ri]
 12 — *tn 'šr* [*tnā 'aš(a)ri*]
 15 — *ḥmš 'šrh* [*ḥamišu 'išriḥ?*] (5:47)
 20 — *'šrm* ['išrūma] (5:48)
 30 — *tl̄tm* [*talātūma*]
 40 — *arb'm* ['arba'ūma]
 50 — *ḥmšm* [*ḥamišūma*]
 60 — *ttm* [*tittūma*]
 70 — *šb'm* [*šab'ūma*]
 80 — *tmnjm* [*tamānijūma*]
 90 — *tš'm* [*tiš'ūma*]
 100 — *mit* [*mi'tu*] (5:49)
 200 — *mitm* [*mi'tāmi*] (5:49)
 300 — *tl̄t mat* [*talātu mi'ātu*] (?)
 1000 — *ālp* ['alpu] (5:50)
 10000 — *rbt* [*ribbatu*] (5:51)
 20000 — *rbtm* [*ribbatāmi*]
 «мириады» — *rbbt* [*ribabātu*]

5.43. В качестве числительного «один» служит прилагательное *aḥd* ['aḥadu] для мужского рода и *aḥt* ['aḥattu] < **aḥadtu* — для женского. Например: *ḡzr.aḥd* (119:19) 'один юноша'; *att. aḥt* (119:10) 'одна женщина'; *aḥd.b.bnk* (49:I:18) 'один из твоих сыновей'.

5.44. Числительное «два» моделируется, как имя существительное в двойственном числе. Формами с окончаниями двойственного числа являются в status absolutus для мужского рода *tnm* [*tināmi* или *tinēmi*] (для женского рода предположительно **[tit(t)āmi]*), в status constructus для мужского рода *tn* (им. пад. *tinā*, род.-вин. *tinē*), для женского — *tt* (им. пад. *[tit(t)ā]*, род.-вин. *[tit(t)ē]*), например: *tn.jrh̄m* (199:3)

‘два месяца’; *tt·attm* (199:7) ‘две женщины’. Исчисляемые предметы ставятся также в двойственное число. Форма *tn* как существительное в *status constructus* может также в форме мужского рода служить для счета предметов женского рода: *tn·šurtm* (92:3) ‘две *ša'uratu*'.

5.45. Форма для «шести» *tī[tittu]* возникла, очевидно, из *tdt*. Форма для «восемью» *tmn* [*tamāne*] — из **tamānij(u)*.

5.46. Если в других древних семитских языках в числительных от «трех» до «десяти» форма с *-t* может служить только для счета предметов мужского рода, то в угаритском эта квазиженская форма употребляется для счета предметов обоих грамматических родов, равным образом как и квазимужская форма без всяких окончаний. Ср. *tl̄t·ğzrm* (119:16) ‘три юноши’ и *tmn·šnt* (1 Aq:43) ‘восемь лет’, а наряду с этим *šb't·šnt* (75:II:45, 1 Aq:177) ‘семь лет’. В других семитских языках этому счету соответствуют: *tl̄t mat* (Krt:89) ‘триста’; *šb't·ğlmk* (67:V:8) ‘семь твоих юношей’. Однако параллельно этому см.: *tmn·hnzrk* (67:V:9) ‘восемь твоих кабанов’.

5.47. Числа от «десяти» до «двадцати» образуются комбинированием лишней окончания формы для «единицы» с формой для «десяти»; последняя встречается в двух формах: либо *šr* [*aš(a)ru*], либо (реже) *šrh* [*išrih*] — только в тех случаях, когда числительное стоит без предмета, ср. др.-евр. *'ešrē(h)*, например: *tn šr* (110:2) ‘двенадцать’; *hmš šr·jmm* (109:7) ‘пятнадцать дней’; *tmn·šrh* (65:8) ‘восемнадцать’.

5.48. Десятки имеют окончание *-m*, которое, по-видимому, должно пониматься как множественное число; тогда в именительном падеже они должны оканчиваться на *-ūma*, в родительном-винительном — на *-īma*.

5.49. Числительное «сто» в единственном числе пишется *mit* [*mi'atu*], во множественном — *mat* [*ma'ātu*]. Двойственное число соответствует единственному *mitm* [*mi'tāmi*] ‘две сотни’, ср. 99:12.

5.50. Слово «тысяча» является именем типа *qatl-*: в единственном числе *alp* [*alpu*], во множественном — *alpm* [*alapūma* или *'alapīma*].

5.51. Числительное «десять тысяч» (великое множество) в единственном числе пишется *rbt* (77:20), в двойственном — *rbtm* (511:31), во множественном — *rbbt* (51:29). Но *tl̄t·mat·rbt* (Krt:89) — употреблена форма единственного числа.

5.52. Единицы присоединяются к десяткам асинтетично: *'šrm·arb·kdb* (110:6) ‘двадцать четыре тяжелых (сикля)’.

5.53. При числительных больше десяти исчисляемый предмет часто стоит в единственном числе, как в арабском и отчасти в древнееврейском, например: *'šrm·tql* (118:20) ‘двадцать сиклей’.

5.54. Формы, выполняющие функции порядковых числительных, на письме идентичны соответствующим формам количественных числительных. В частности, характерна форма *imnt* (128:II:24), хотя для порядкового числительного следовало бы ожидать **imnjt* [**tamānijatu*], ср. *imnjm* (80) (впрочем, *imnt* могла бы передавать и [**tamānitu*] < **tamāniju*). Существовали ли вообще в угаритском языке особые формы для порядковых числительных, остается еще вопросом, так как все примеры, которые трактуются как порядковые числительные, могут рассматриваться также и как количественные. Тот факт, что не доказано, по крайней мере до настоящего времени, наличие особой формы для порядкового числительного «первый», должен свидетельствовать об употреблении количественных числительных в функции порядковых. Ср. характерный пример в Krt:106—108: *jm·wtn·līt·rb' jm·hmš·īdt'·jm·mk·špšm·bšb'* 'один день и второй, третий, четвертый день, пятый, шестой день, и вот при [восходе] солнца на седьмой [день]' или 'один день и два дня, три-четыре дня, пять-шесть дней, и вот при [заходе] солнца на седьмой (день)'.
 5.55. Отсутствие особых форм для порядковых числительных, вероятно, связано с их отсутствием в протосемитском. Они лишь образовались в отдельных семитских языках по различным моделям: в аккадском по типу *qatīl-*, в арабском и эфиопском по типу *qātil-*, в древнееврейском и арамейском по типу *qatīl+ī* или *+āj*.

Дробные числительные

5.56. Для понятия «половина» существуют две формы: общая — *hšt* (ср. др.-евр. *ḥašōt*) и другая — для обозначения половины какого-либо веса — *nšp* (111:4). Числительное *šnpt* (1:10) 'две трети' образовано по типу аккадского *šinipat*.

5.57. Другие дроби имеют префикс *-m* и окончание женского рода *-t*. Числительные от «одной трети» до «одной седьмой» встречаются Krt:16—20: *mīlīt*, *mrb't*, *mḥšt*, *mtđt*, *mšb't*. Такой способ образования ставит угаритский язык в изолированное положение среди других семитских языков, так как в них преимущественно используются сеголатные формы *qutl* и т. п.

5.58. Для мультипликативных числительных используется элемент *-id*, например: *lītīd* (1 Aq:79), *šb'id* (89:9) (там же 8: *šb'd*). Данный элемент связывают с наименованием **id* 'рука' (ср. аккад. *idu*), однако идентичное по значению древнеюжноарабское *d* (**-id*) указывает на иное толкование.

5.59. Для образования из числительных адвербиальных выражений употребляются и другие суффиксы: *-m* — *ṯnm* 'дважды' (55:9), *-h* — *ṯlth* 'в третий раз' (126:V:9).

Другие способы выражения числительных

5.60. Понятие «оба» обозначается словом *klat*, встречающимся в двойственном числе. Оно засвидетельствовано только в *status constructus*: *klat* [*kil'atā* или *kil'atē*]. Например: *klat. ṯgr* ('nt:II:3) 'двое ворот'; с суффиксом *-nm*; *klatnm* 'обеими (руками)' (Krt:161).

5.61. Числительным выражается также понятие «все»: *kl* [*kullu*]; *kl·gb'* [*kullu gib'i*] (67:VI:25) 'каждый холм'; *kl·dbrm* [*kullu dabarīma*] 'все вещи (?)'; ср. также *kll* (P II 15): *slm kll* 'полное здоровье'.

МЕСТОИМЕНИЕ

5.62. В угаритском языке существуют личные местоимения в самостоятельной и суффиксальной формах, а также относительные, вопросительные и неопределенные местоимения. Указательные местоимения еще не сформировались из дейктических элементов.

5.63. Местоимения 1-го и 2-го лица образуются от основы **an-*; формы 3-го лица восходят к дейктическим элементам.

5.64. Встречаются две формы местоимения 1-го лица единственного числа, которые не отличаются друг от друга ни по значению, ни по возрасту; в некоторых текстах они употребляются параллельно. (В финикийском и древнееврейском также существуют для этого местоимения две соответствующие формы).

5.65. Самостоятельные местоимения, помимо форм именительного падежа, имеют особые формы для выражения родительного-винительного падежа, которые засвидетельствованы, однако, лишь для 3-го лица. К формам косвенного падежа добавляется *-t*: 3-е лицо единственного числа мужского рода *hwt* [*hiwat-*], 3-е лицо единственного числа женского рода *hjt* [*hijat-*], 3-е лицо множественного числа мужского рода *hmt* [*humat-*].

5.66. Эти формы употребляются как дополнение: *kbd hwt* [*kabbid*] ('nt:VI:20) 'почитай его!'; *kbd hjt* ('nt:III:7) 'почитай ее!'; *kbd hmt* (2 Aq:V:20) 'почитай их!' (двойственное число). Они выступают также и в качестве генитивных атрибутов: *dij* [*da'ijē*] *hwt* (1 Aq:129) 'крылья его'; *dij hjt* (1 Aq:143) 'крылья ее'; *dij hmt* (1 Aq:115) 'крылья их'.

5.67. Для форм родительного-винительного падежа ср. 5:65—66. Для местоименных суффиксов при глаголе ср. 5:68 и 5:75.

Личные местоимения

Число	Лицо	Род	Самостоятельные	Суффиксальные (при именах)
Единственное	1-е	—	<i>an</i> ['anī] (?) (5:64) <i>ank</i> ['anākī] (?)	<i>-j</i> [-ja] (5:70) — [-ī]
	2-е	Муж. Жен.	<i>at</i> ['attā] <*ant- <i>at</i> ['atti]	<i>-k</i> [-kā] <i>-k</i> [-kī]
	3-е	Муж. Жен.	<i>hw</i> [huwa] <i>hj</i> [hija]	<i>-h</i> [-hū] (5:75) <i>-h</i> [-hā]
Двойственное	1-е	—	—	<i>-nj</i> [?] (5:69)
	2-е	—	—	<i>-km</i> [-kumā] (?)
	3-е	—	(<i>hmt</i>)	<i>-hm</i> [-humā] (?)
Множественное	1-е	—	—	<i>-n</i> [-nā]
	2-е	Муж. Жен.	<i>atm</i> ['attumu] (?)	<i>-kn</i> [-kum(u)] (?) <i>-kn</i> [-kin(a)] (?)
	3-е	Муж. Жен.	<i>hm</i> [humu] (?)	<i>-hm</i> [-hum(u)] (?) <i>-hn</i> [-hin(a)] (?)

Местоименные суффиксы

5.63. Местоименные суффиксы при именах выражают принадлежность и, следовательно, эти суффиксы можно рассматривать как родительный падеж. При глаголах они выражают объект (в винительном падеже). Формы в обоих случаях в основном аналогичны, за исключением 1-го лица единственного числа, в котором объектный суффикс при глаголе имеет вид *-n* [-nī], тогда как суффикс принадлежности не содержит первичного *-n*. Особые формы местоименных суффиксов 3-го лица единственного числа мужского и женского рода при глаголе образовались вторично из тех же основных форм, что и соответствующие суффиксы принадлежности.

5.69. Засвидетельствована двойственная форма местоимения 1-го лица: *-nj. adtnj* (95:1, 5, 15) 'госпожа нас обоих'. Поскольку суффикс 1-го лица двойственного числа *-n* встречается в древнеегипетском, эту форму можно было бы рассматривать как присущую семито-хамитским языкам. В случае правильности такой интерпретации мы имеем здесь дело с особенностью, засвидетельствованной для семитских языков только в угаритском.

5.70. Суффикс 1-го лица единственного числа на письме либо обозначается посредством *-j*, либо вообще не обозначается. Написание с *-j* встречается в родительном и винительном падежах единственного числа, в родительном-вини-

тельном падеже множественного числа женского рода, в двойственном числе и множественном числе мужского рода, т. е. после *-i*, *-a*, *-ā* (**-aj*>), *-ē*, *-ī*; форма, по-видимому, звучала *-ja*. Например, винительный падеж *šmj* [šimaja] (138:13) 'мое имя'; родительный падеж *umj* [ummija] (P II 15:2) 'моей матери'; *jdj* [jadajja] (67:I:20) 'моих рук'; *aḥj* [aḥūja] (2 Aq:II:15) 'моих братьев'. Другая форма, вероятно, звучала *-ī* (из **ija*<**-uja*); она встречается после падежного окончания *-u*, т. е. в именительном падеже единственного числа и множественном числе женского рода. Например: *bt* [bittī] 'моя дочь!' (3 Aq:rev:16). Ср. *wtnḥ birtj nṣ* [ba'irtija napšī] (2 Aq:II:13—14) 'да пусть спокойна будет душа моя в моей груди'.

5.71. Огласовка других лиц может быть реконструирована по данным родственных семитских языков. Для 1-го лица множественного числа может быть предположена огласовка *-nā* (как в арамейском и арабском, в противоположность древнееврейскому *-nū* и аккадскому *-nī*) на основании переданного силлабической клинописью собственного имени (*md*) *IM-la-na* (*IM* — логографическое написание имени бога Ваала) 'Ваал (есть) за нас' (Syria, 18, 1937, стр. 247, строка 3).

5.72. Огласовка форм 2-го и 3-го лица двойственного и множественного числа до настоящего времени не установлена. Однако скорее всего можно предположить огласовку для форм множественного числа *u* и для женского рода *i*, примерно *-kum(u)* и *-kina* или *-kinī* (как в арамейском). Для двойственного числа можно (по аналогии с арабским) для обоих родов принять огласовку *-kumā* и *-humā*, например: *špḥm* [šapatēhumā] (52:50) 'их губы'.

5.73. В местоименных суффиксах и при именах появляется элемент *n*. Он засвидетельствован преимущественно для 3-го лица единственного числа, например: *qštnḥ* (76:II:6) 'его лук'; *'mnh* (67:V:20) 'с ней', но встречается и в 1-м лице единственного числа, например: *'mnj* (P II:15:14). Этот *n* нельзя объяснить с достаточной степенью достоверности, но можно указать как на параллель на суффикс 3-го лица множественного числа *-nm* в финикийском.

5.74. Суффикс 1-го лица множественного числа принимает дополнительно *-jn* или *-jj*: *klnjn* (51:IV:45, 46) или *klnjj* ('nt:V:41, 42) 'мы все'. Это — формы множественного числа, но ср. сказанное о двойственном числе.

5.75. У суффиксов 3-го лица единственного числа обоих родов при глаголах встречаются также формы с *n*, например *-nh*, причём *h* иногда ассимилируется *n*: *-n* или *-nn*. В некоторых случаях суффикс отделяется разделительным клином: *jqbr.nn* (1 Aq:147) 'он хоронит его'; *ašt·n* (67:V:5) 'я его положу'. См. *wtqbrnh. tštnn* (62:17) 'и она хоронит его', 'она

кладет его'. Примеры на суффиксы женского рода: (*k*) *jphnh* (51:IV:27) 'как только он замечает ее'; (*w*) *tšdjn* (1 Aq:215) '(и) он напоит ее'; *aṭbnn* (127:38) 'я сяду на нее'. В этих суффиксальных формах при глаголах *n* может быть объяснен либо заимствованием окончания *-na*, встречающегося в некоторых лицах префиксального спряжения, либо как признак усиленного склонения. Во всяком случае наличие на письме следующих друг за другом двух *nn* указывает на явление, аналогичное приведенным выше суффиксальным формам при именах.

Вопросительные местоимения

5.76. В качестве вопросительного местоимения для лиц употребляется *mj* [*mija*] 'кто', для предметов — *mh* [*mah*] 'что' (как в древнееврейском и финикийском). Например: *mj bilm* (120:V:10) 'кто среди богов?'; *mh taršh* (49:II:13) 'что ты (ж. р.) желаешь?'.
 5.77. Местоимение, встречающееся в форме *mi* или *mit*, употребляется как вопросительное и как относительное. Употребление этого местоимения для лиц имеет параллель в арамейском *maṣ* и аккадском *maṣṣi(mnē)*, а для предметов — в аккадском *minū(mē)*. Примеры: *mi.ib* ('nt:III:34); *mitm.ib* ('nt:IV:48) 'что за враг?'; *mi.jrh* (125:81) 'какой месяц?'; *mitm.rgm* (54:16—17) 'что за слово?', 'что всегда', 'все'.

5.78. Аналогичным образом употребляется адъективное местоимение *aj* 'который': *lṣm. bliṣn aj* (52:6) 'ешь всякую пищу'.

Относительное местоимение

5.79. Относительное местоимение *d* происходит от основы *d*, которая в арабском сохранилась без изменения, а в древнееврейском звучит *z* (*zū*). Нельзя определить, были ли у относительного местоимения падежные окончания (как в арабском: *dū, dī, dā*).

5.80. Формой для лиц («который», «кто») является *d*, которое пишется слитно с последующим словом: *lṣpn il dpid* (511:V:58) 'Luṣpān — бог сострадания'; *adrm. dbgrn* (2 Aq:V:7) 'сановники, которые на току (были)'; *nkl...dašr* (77:38) 'Никкаль..., которую я воспеваю'.

5.81. Релятивное местоимение, относящееся к предметам, имеет форму *dt*, например: *gpnj.dt ksp* 'моя (ослиная) сбруя из серебра'. Но и зверя также обозначаются этой формой: *glm.dt.šnt* (124:13) 'телята одного года', 'годовалые'.

5.82. В угаритском языке нет особых указательных местоимений, но, по-видимому, некоторые дейктические частицы, образованные из элементов *h*, *l*, *n* и *k*, превратились в местоимения, например *hn*: *hn bnk* (124:2) 'этот (есть) твой сын'. Наиболее далеко этот процесс зашел у частицы *hnd*: *spr hnd* (Р II 5:9) 'эта грамота'; *l.jm hnd* (Р II 6:1) 'в этот день', 'сегодня'.

ЧАСТИЦЫ

6.1. Так называемые частицы не имеют флексий, но некоторые из них встречаются с местоименными суффиксами. Частицы по большей части представляют собой застывшие формы имен, вероятно в винительном падеже; во всяком случае их аффиксы *-m*, *-h*, *-t* относятся к сфере имени. Частицы глагольного происхождения суть императивы, ставшие междометиями. Некоторое количество частиц можно рассматривать как комбинации кратких элементов.

6.2. Встречаются частицы с наращением *-m*. В группе моноконсонантных предлогов и союзов это прежде всего обобщающий *-mā* (ср. др.-евр. *kēmō*). У частиц именного происхождения мы имеем дело с остатком мимации. Расширяющее некоторые частицы *-n* первоначально являлось, по-видимому, дейктическим элементом, но функции его неясны. По крайней мере в некоторых случаях эти элементы использовались в поэтических текстах для ритмических целей.

6.3. Угаритские частицы по их морфологической структуре и функциям можно подразделить следующим образом: а) наречия, которые служат для уточнения характера действия; одни из них возникли из имен, другие — из особых кратких элементов; б) частицы, выражающие наличие и отсутствие и выступающие как связки (*copulae*) в именных предложениях; в) предлоги, которые стоят иногда в адвербиальном аккузативе и могут принимать местоименные суффиксы; они пополняются за счет грамматикализации наречий именного происхождения; г) частицы, выражающие отрицание и утверждение; д) союзы, связывающие равноценные слова и служащие, как и общие вопросительные слова, для введения целых предложений; е) междометия элементарного и глагольного происхождения, которые стоят вне рамок предложения.

НАРЕЧИЯ

6.4. Наречия образуются от имен при помощи особых аффиксов. Кроме того, в угаритском языке имеется ряд наре-

чий, образованных от особых, преимущественно кратких, элементарных основ.

6.5. Имя может употребляться как наречие и без особого окончания, например: *bt* (124:24) 'дом' в значении 'дома'. (Здесь, может быть, имело место слияние предлога *b* с начальным *b* слова). Ср. также: *tk* [*tōka*] 'середина', которое стало наречием и предлогом, например: *tk.qrth* (51:VIII:11) '[по] середине своего города'; *mid* [*mu'du*] 'много', 'очень'.

6.6. Аффикс *-h*, вероятно, безударный *-ah* или *-ih* (ср. аккад. *-iš*), близок адвербиальному аккузативу. Образованные при его помощи наречия имеют локальное и временное значения и выражают главным образом направление, например: *aršh* [*'aršah* или *'arših*] (Krt:29) 'на землю'; *mṯth* (Krt:39) 'на лагерь'; *p'lmh* (1 Aq:154) 'навек'.

6.7. Особенности трудностей представляет адвербиальный аффикс, передаваемый посредством *-m*, так как это написание могло обозначать ряд различных по произношению аффиксов, которые в аккадском обозначались как *-am*, *-um*, *-umma*, *-mi*, *-ma*, *-mā*. Мы, возможно, имеем здесь дело со снабженными мимацией именами в обстоятельственном, т. е. винительном падеже. Это *-m* является, очевидно, в некоторых случаях обобщающим элементом, используемым в вопросительных местоимениях *-mā* (ср. др.-евр. *kēmō* < **-mā*).

6.8. От имен образуются, например: *gm* от *g* 'голос', 'громко'; *špšm* (Krt:107) 'на [заходе] солнца'; *šlmm* (Krt:130—131) 'в мире', 'мирно'. От глагольного имени (корень *bkj* 'плакать') образовано *bkm* (1 Aq:57) 'плача'. Написание совпадает с другим наречием *bkm* (51:VII:42), которое приблизительно означает 'так'.

6.9. С женским родом, очевидно, связан аффикс *-t*: *tmt* [вероятно, *tammāt*] (ср. др.-евр. *šammā*) 'там'.

6.10. Вопросительные наречия: *ij* [*'ijē*] 'где?', ср. 49:IV:28 (др.-евр. *'ajjē*); *ik* [*'ēk(a)*] 'как?', 'почему?', ср. др.-евр. *'ēk(ā)*, например: *ik.atwt* (51:VI:32) 'почему она пришла?' с *-m*: *ikm.jrgm* (120:20) 'как можно так говорить?'.

6.11. Примеры других наречий: *aḥr* [*'aḥra?*] 'затем', *ht* 'теперь', *kn* [*kin*] 'так'.

ЧАСТИЦЫ, ВЫРАЖАЮЩИЕ НАЛИЧИЕ И ОТСУТСТВИЕ

6.12. Наличие выражается при помощи *it* [*'it(ē)*], которое первоначально имело именное значение, ср. араб. *'it(aj)*, др.-евр. *jēš*, например: *rgm'it.lj* ('nt:III:17) 'у меня есть слово (сказать)'.

6.13. Отсутствие обозначается посредством выражения *in* [*'ēna*] (ср. др.-евр. *'ajin*, *'ēn*) 'не имеется', 'нет', например: *in.bt lb'l* ('nt:V:46) 'нет дома для Ваала', 'у Ваала нет дома'.

6.14. Предлоги связаны либо с именем, либо с местоименным суффиксом. Некоторые предлоги при присоединении местоименных суффиксов приобретают значение множественного числа. У предлогов, образованных из трех или двух корневых согласных, можно в большинстве случаев проследить связь с исходными именами. Те моноконсонантные предлоги, которые пишутся слитно с последующим именем, такой отчетливой связи не обнаруживают.

Моноконсонантные предлоги

6.15. Моноконсонантные предлоги: *b-[ba]* 'в' употребляется для выражения пребывания где-то; *l-[la]* 'к' выражает направление и *k-[ka]* 'как' — сравнение. Иногда эти три предлога дополняются энклитическим *-m [-mā]*: *bm.lb [bamā libbi]* (1 Aq:34) 'в сердце'.

6.16. Предлоги *b-* и *l-*, помимо значения 'в' и 'к', соответственно имеют иногда и противоположное значение: 'от', 'с'. Это можно объяснить двухвалентностью. Возможно, первоначально эти предлоги имели только одно значение, а противоположные значения образовались впоследствии. С другой стороны, не исключено, что *b-* и *l-* в значениях 'от', 'с' имели отличную от *ba* 'в' и *la* 'к' огласовку, вероятно *bi* (ср. *min*, по-видимому, из **bin*). Подобная же двухвалентность засвидетельствована также в древнеханаанском, древнееврейском и арамейском языках. Примеры: *tb'.bbth* (2 Aq:11:39) 'они вышли из его дома'; *trḥṣ.nv.bd't* (127:10) 'она вытирает ему пот'. Пример на *l-* в значении 'с': *gršh.lksi.mlkh* ('nt:IV:46) 'изгони его с трона его правления!'.

6.17. Предлог *b-* обозначает: «в» — *bpj* (77:45) 'в моем рту'; «на» — *bgrn* (1 Aq:30) 'на току'; «в» (направление) — *ard.bars* (67:VI:25) 'я спущусь в землю'; «между», «среди» — *tspr. bjrđm.ars* (51:VIII:8) 'ты считаешься среди спускающихся в землю'; «с» (инструментальное) — *bklat jdj ilhm* (67:I:19) 'я буду есть своими обеими руками'; «в» (временное) — *bjm.qz* (121:I:5) 'в летний день'; «через» (временное) — *bšb 'šnt* (1 Aq:179) 'через семь лет', 'спустя семь лет'; с инфинитивом, временное и причинное — *bnšī 'nh.ωjphn* (1 Aq:120) 'при поднятии глаз он увидел'.

6.18. Предлог *l-* имеет следующие значения: «к» (направление) — *jtb.lhkl* (127:25) 'он возвращается к своему дворцу' (ср. 51:IV:25); с личным объектом (часто в начале писем) — *lmkkt adtj rgm* (89:I:3) 'царице, моей госпоже, скажи!'; «на» — *jtb.lkhṭ* (49:I:30) 'оң сидит (садится) на трон'; для связи числительных — *šb' lšb'm* (67:V:20) 'семь по семьдесят (раз)',

'семью семьдесят (раз)'; «для»—*ldgn. pgr* (69:2) 'стела для Дагана'; *walp lakl* (69:3) 'и волы для еды'; при пассиве — *jtn.bt lb'l* ('nt:V:11) 'дом будет дан Ваалу'.

6.19. Примеры на *k-* [*ka*] 'как': *špthm.mtqtm.klrnm* (или *-t*) (52:50) 'ее губы (дв.ч.) сладки, как виноград'; *km [kamā]* *irbj. tškn* (Krt:192) 'как саранча, заселят они (поле)'.

Биконсонантные предлоги

6.20. Предлоги, представленные двумя согласными, в большинстве своем образованы из корней с тремя согласными, из которых один слабый и поэтому на письме не фиксируется. Истинно биконсонантным следует считать **mn* [*min*] 'от', 'из', который мог возникнуть из *bi+n*. Ср. *mab* [*mi*]—(** < min*)—*'abi*] (Р II 15:11).

6.21. Предлог *'m* происходит от корня *'mm* и означает 'к', 'с'. Например: *lk.'m krt* (Krt:124) 'иди к Керету!' (ср. 51:IV:21); *'mj* (Р II 15:19) 'ко мне'; *'m. 'lm* (51:IV:42) 'к вечности', 'навсегда'; *'mč* (с прибавлением *-n*) *nkl htnj* (77:32) 'с Никкаль моя женитьба'.

6.22. Хотя консонантное письмо не позволяет обнаружить у предлогов *'d* 'до' и *'l* 'над' ни в изолированной форме, ни в формах с суффиксами согласного *j* в качестве третьего коренного или показателя множественного числа (доказанное в древнееврейском, арамейском и арабском), тем не менее его наличие можно допустить на основе упомянутых родственных языков.

6.23. Предлог *'d* [*'ad(e)*] < **'ada* *j* 'до' употребляется в пространственном и временном значениях: *'d.tkm* [*'adē tīkmi*] (Krt:158) 'до плеча'; *'d šb't. šnt* (Aq:176—177) 'до семи лет или до седьмого года'.

6.24. Предлог *'l* [*'al(e)*] < **'ala* *j* 'над' имеет несколько значений: пространственное «над» — *'lh.nšrm trhpz* (3 Aq obv:30) 'орлы летят над ним'; «на» — *ša. ġr 'l.jdm* (51:VIII:V) 'подними гору на руках!'; «к» — *'l abh.j'rb* (127:39) 'он входит к своему отцу'; «над» — *djmlk. 'l.ilm* (51:VII:49—50) 'который будет властвовать над богами'; «ради» — *qlt. 'lk.pht* (49:V:12) 'ради тебя я испытал позор'.

6.25. Предлог *tk* [*tōk(a)*] 'среди', 'посередине' собственно представляет собой сопряженное состояние имени со значением «середина»; употребляется самостоятельно или в соединении с предлогом *b-*: *ttn pnm tk. hqkpt* ('nt:VI:13) 'она направляет лицо на X.'; *btk.šrrt.špn* (51:V:117) 'среди холмов Сапана'.

6.26. Слово *jd* [*jada*] 'рука' (в винительном падеже) может употребляться так же, как предлог, со значением «с», «вместе с»: *jd krmh* (Р II 8:8) 'вместе с его виноградником'.

6.27. Предлог *bn* [bēna] означает 'между'; *jlm...bn.'nm* (68:25) 'он бьет... между глаз'; *n'mt.bn.sht.b'l* (76:II:16) 'прекраснейшая среди сестер Ваала'.

Трехконсонантные предлоги

6.28. *b'd* [ba'da] 'за'; *b'd kslk* (127:49) 'за твоей спиной'; *tħt* [taħt(a)] 'под': *tħt ksi* (68:7) 'под тронем'; *aħr* ['aħr(ē)] 'после': *aħr špšm* (Krt:209) 'после (захода) солнца'. Их число значительно возросло благодаря употреблению имен в значении предлогов, например: *qrb* [qirba] (51:IV:22) 'среди'.

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ И УТВЕРДИТЕЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ

6.29. Обычным отрицанием служит частица *l* [lā], которая в большинстве случаев пишется слитно с последующим словом: *ltdn* (127:33) 'ты не судишь'. При юссиве в качестве отрицания употребляется *al* ['al]: *al.trgm* (125:31) 'не говори'; *al.jšm'k* (129:17) 'чтобы он не слушал тебя'.

6.30. Для выражения желания, но только в именных предложениях, употребляется *bl* [bal]: *bl.ħl.bl. rbb* (1 Aq:44) 'чтобы не было ни росы, ни дождя'. Как отрицание при отдельном имени *bl* (в этом случае, по-видимому, соответствует древнееврейскому *bēlī*) означает 'без': *bl.spr* (Krt:90) 'без числа'.

6.31. Утвердительная частица *l-*, которая пишется так же, как и отрицательная частица *l-*, ставится перед глагольными формами, например: *ljmra* (51:VII:50) 'он действительно прикажет', ср. 6:41.

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ

6.32. Для введения вопросительных предложений может употребляться *h* [ha], например: *hšlm* (20:3) 'с миром ли?' (ср. др.-евр. *h^a*).

6.33. Частица *hm*, которая служит для введения второго вопроса, очевидно родственна с этим *h*: *mgntm...hm.ğztm* (51:III:31) 'вы умоляли...или просили?'.

СОЮЗЫ

6.34. Для соединения членов предложения и предложений в качестве союзов помимо особых форм употребляются также предлоги и местоименные элементы.

6.35. Соединительным союзом является *w*-[wa], который в большинстве случаев пишется слитно со следующим за ним словом: *atrt. wbnh* ['atiratw banūhā] (51:IV:49), но также и в начале предложения: *wt'n.rbt...* [wa-ta'n(i) rabbatu]

(51:IV:40) 'и ответила госпожа...'; с присоединенным *-n*: *wl in.bt lb'l* (51:IV:50) 'и нет дома у Ваала'. Этот *w-*, служа для соединения, может дополнительно иметь еще и другие значения.

6.36. Другой соединительный союз *p-[pa-]* (соответствует древнеарамейскому *p-* и арабскому *fa*) указывает на продолжение действия, но может приобретать и противительное значение: *pd.in.bbtj.ttn* (Krt:142) 'а то, чего нет в моем доме, должен дать ты'.

6.37. Союз *ap[ap]* означает 'тоже'; он употребляется обычно в сочетании с *w-*, но иногда и самостоятельно, например: *alpm.ap.sin* (124:12) 'крупный и мелкий (рогатый) скот'.

6.38. Противопоставление выражается при помощи частицы *u [ʕ]* 'или': *u ilm. tmtn* (125:22) 'или умирают боги?'; при нескольких членах имеет значение «будь то... будь то...»: *ujmn. ušmal* (52:63—64) 'будь то налево, будь то направо'.

6.39. Число подчинительных союзов невелико, так как подчинение в угаритском языке только еще начинало развиваться.

6.40. Временные союзы — *aħr [aħr(ē)]* 'после того как': *aħr mǧj* (51:V:106) 'после того как он пришел'; *hlm* 'как только' (собственно, междометие «вот»): *hlm.aħh.tph* (125:33) 'как только она увидит своих братьев' (впрочем, *hlm* можно рассматривать здесь как междометие).

6.41. В качестве причинного союза употребляется *k-[kī]* (пишется также *kj*; Р II 15:7) 'когда, потому что': *kmt. alijn b'l* 'потому что умер могущественный Ваал'; *td'.kj.rbt* (Р II 15:7) 'пусть она узнает, что я вошел'. Часто, однако, *k-* выступает в своей первоначальной функции утвердительной частицы: *kjphnh* (51:IV:27) 'он (действительно) ее заметил'; *aqht.km.jtb* (3 Aq:29) 'Акхат, когда он сел'.

6.42. Гипотетическим союзом служит *hm* 'когда': *hm.aṭtm ʕšhn* (52:39) 'когда закричат эти две женщины'.

ГЛАГОЛЫ

7.1. Глаголы в угаритском языке подчинены в основном трехсложной системе, причем в эту систему оказались включенными и те глагольные корни, которые содержали первоначально два согласных. Консонантная орфография угаритского языка часто не позволяет установить принадлежность к определенному глагольному типу тех глагольных форм, которые пишутся только двумя консонантными буквами (при идентичном втором и третьем корневом согласном, при наличии *w* или *j* в качестве одного из корневых согласных).

7.2. У угаритского *verbum finitum* имеются следующие категории:

- 1) лицо: 1-е, 2-е и 3-е;
- 2) число: единственное, двойственное и множественное;
- 3) грамматический род, причем во 2-м и 3-м лице различаются формы женского и мужского рода;
- 4) так называемые *tempora*, скорее, собственно, виды глагола: аффиксальное спряжение *qatala*, соответствующее западносемитскому перфекту, и префиксальное спряжение *jaqtulu*, которое примерно соответствует западносемитскому имперфекту;

5) наклонения: помимо изъявительного наклонения юссив (вероятно, также сослагательное наклонение), «*modus energicus*» на *-n* и императив (без префиксов);

6) различение глаголов действия и глаголов состояния с помощью особой гласной между вторым и третьим корневыми согласными;

7) залого: а) активный, б) пассивный (образуется путем изменения гласных внутри корня или с помощью префикса *n-*); в) рефлексивный (образуется с помощью префиксального или инфиксального *t*);

8) глагольные породы (для выражения видов действия): основная порода, интенсивная порода (с геминацией среднего корневого), каузативная порода с префиксом *š-*.

7.3. Кроме финитных глагольных форм в угаритском языке имеются два отглагольных имени: адъективное причастие и субстантивный инфинитив, который, вероятно, встречается в двух формах.

7.4. Классы глаголов следуют, за небольшим исключением, единой системе спряжения, но она в случае наличия в корне слабых согласных подвергается некоторым модификациям.

Лицо

7.5. Лицо образуется с помощью префиксов и аффиксов. Все префиксы имеют местоименное происхождение; аффиксы 1-го и 2-го лица также состоят из местоименных элементов, но для 3-го лица используются элементы, обычные для именной флексии. Подробнее об этом см. в разделе, касающемся окончаний префиксальных и аффиксальных глагольных форм (7.30—42).

7.6. Наряду с формами единственного и множественного числа в угаритском языке засвидетельствованы также формы двойственного числа, при этом не только для 2-го и 3-го лица (как в арабском), но и для 1-го лица с окончанием *-nj*, например: *qlnj* (95:7) 'мы упали'.

7.7. Различия между мужским и женским родом сохраняются, как правило, во 2-м и 3-м лице всех трех чисел. В 3-м лице множественного числа префиксального спряжения эти различия стираются благодаря преимущественному употреблению префикса *t-* помимо *j-*. Впрочем, консонантная орфография не позволяет различать окончания 2-го лица единственного числа аффиксального спряжения, ибо и [-*tā*] мужского рода, и [-*tī*] женского одинаково обозначаются через *-t*.

Характерные гласные между вторым и третьим корневыми согласными

7.8. Система характерных гласных, при помощи которых различаются глаголы действия и глаголы состояния, наиболее четко представлена в арабском и довольно полно отражена в древнееврейском языках, тогда как в древнеарамейском она находилась в состоянии упадка. Перфектные формы типа *qatala* присущи арабским глаголам действия, в то время как *qatila* служит для вербального выражения временного, преходящего, а *qatula* — длительного или постоянного состояния или качества. Этим перфектным формам соответствуют имперфектные: *qatala* — *jaqtulu*, *qatila* и *qatula* — *jaqtalu*.

7.9. Консонантная орфография угаритского лишь с недостаточной степенью ясности позволяет установить эти различия. В аффиксальном спряжении неопровержимо подтвержден лишь тип *qatila*, например: *lik* [la'ika] (67:IV:23) 'он послал' — *likt* [la'ikti] (P II 13:17); *sid* [sa'ida] ('nt:I:3) 'он служил' и *šil* [ša'ila] (18:9) 'он спросил'. Слово *šabn* (49:I:38) не вполне достоверно: возможно, [ša'abnā] 'мы черпали', но скорее (*t*)*šabn* [tiš'abūna] 'они черпали'.

7.10. Об имперфектных формах также мало прямых данных. Встречается, например, *ilak* [il'aku] (51:VII:45) 'я вышлю'; *išalhm* [iš'aluhum(ū)] (P II 22:3) 'я спрошу ее'. Однако отношения, выведенные так называемым законом Барта, позволяют установить характерный гласный имперфекта на основе гласного префикса. При гласном префикса *i* характерным гласным является *a*, например: *ibq'* [ibqa'u] (1 Aq:109) 'я расколю': *ilhm* [ilhamu] (127:18) 'я буду есть'. При гласном префикса *a* характерным гласным будет *u* или *i*, ср. *amlk* [amluku] (127:37) 'я буду властвовать' и *atn* [atinu] (77:22) 'я дам'; *ard* [aridu] (129:20) 'я спущусь'.

Об употреблении в угаритском языке гласных *u* или *i* можно говорить на основе древнееврейских параллелей. В имперфекте засвидетельствована только одна форма с характерным гласным *i*: *jtir* [ja'tir] (129:16, 21), по-видимому, 'он укрепляет'. Форма *luk* [lu'uk] (P II 21:4) указывает на гласный *u*; эту форму следует считать императивом — 'отправь!'.

7.11. В угаритском, кроме активных глагольных форм, имеются еще пассивные и возвратные. Они присущи как основной породе, так и интенсивной и каузативной.

7.12. Пассивные и активные формы различаются только огласовкой, так что на письме их распознать крайне трудно и до настоящего времени не обнаружено ни одного прямого свидетельства. Однако контекст позволяет определить некоторые глагольные формы как (внутренний) пассив. Например: *jtn.bt.lb'l [juttan]* ('nt:V:11) 'Ваалу дан дом'; *rgm.lil.jbl [jūbalu]* (52:55) 'слово было доставлено Элю'; *ktlakn.glmm [kī + tul'akāni]* (51:5:104) 'когда были посланы двое юношей'. Эта огласовка восстанавливается на основании арабских и древнееврейских параллелей, хотя здесь возможны и формы, образованные префиксом *n-*, причем *n* ассимилировался следующим за ним корневым гласным.

7.13. Пассив образовывался также при помощи префикса *n-*, но формы с *n-* не отличались на письме от форм внутреннего пассива, так как *n* ассимилировался первым корневым согласным. Так, например, в выражении *tspr bjrdm.arš* (67:V:15) 'ты будешь причислен к спускающимся в землю' слово *tspr* можно трактовать и как внутренний пассив [*tusparu*] и как пассив с префиксом *n-* [*tassapiru*]. Однако в примере *tntkn.udm'th [tannatikna]* (Krt:28) 'его слезы проливаются' префикс породы *n* сохранен и на письме.

7.14. Признаком возвратных (рефлекси́ва) форм служит *t(a)*, который в основной породе инфиксируется после первого корневого согласного — *iqatala*, тогда как в интенсивной породе, признаком которой является геминация среднего согласного, он префиксируется — *taqatala*; в каузативной породе признак возвратности *t* следует за каузативным префиксом *š-* — *šataqatala*.

7.15. Из возвратных форм основной породы обнаружены только формы префиксального спряжения. Огласовка префикса на *-i-* может быть выведена из 1-го лица единственного числа: *imthš* ('nt III:43) 'я буду бороться'; *ank ihtrš* (126:V:26) 'я буду колдовать'. Императив тоже начинается с *i-*, который, однако, следует рассматривать как протетический гласный: *ištm'* [*ištami'*] (127:42) 'слушай!'; этот гласный исчезает после союза — *wtqg'* [*wa-ttaqig'*] (там же) 'и бди!' (там же).

СИСТЕМА ГЛАГОЛЬНЫХ ПОРОД

7.16. Система так называемых глагольных пород выражает виды действия. Речь идет об объективном восприятии способа совершения действия. Помимо основной, лишенной

особых признаков, породы (*qatala*) в угаритской глагольной системе имеются еще интенсивная порода, которая выражает интенсификацию действия посредством геминации среднего корневого согласного — *qattala*, и каузативная порода, которой выражается побуждение к действию посредством префикса *š(a)* — *šaqtala*; этот каузативный префикс местоименного происхождения; ср. аккадское личное местоимение 3-го лица единственного числа *šū*; в угаритском оно имеет вид *hw* [*huwa*].

7.17. Помимо этой системы глагольных пород существуют еще и другие, редко встречающиеся породы. Некоторые из них употребляются лишь в определенных классах глаголов, отчасти для замены входящих в систему форм.

7.18. У основной породы, кроме активной формы и пассивной, образованной посредством внутреннего изменения гласного, в угаритском языке существуют еще возвратная форма с инфиксированным *t* и пассивная с префиксированным *n*-. Примеры: *jrthš* [*jirtaḥišu*] (Krt:156) 'он умывается'; *imthš* [*imtaḥišu*] ('nt:IV:43) 'я буду бороться'.

7.19. Интенсивная порода с геминацией среднего корневого не отличается на письме от основной породы; ее наличие можно определить лишь при сопоставлении с другими языками. Она выражает интенсификацию действия и образуется также от деноминативных глаголов. Примеры: *abqt* [*abaqqiṭu*] (49:IV:44) 'я буду искать' (ср. др.-евр. *ʾabaqqēš*); *wkbd hwṭ* [*wa-kabbid*] (2 Aq:V:20) 'и почитай его!'; *jhmš.rgm* (126:V:17) 'он говорит (повторяет) это слово в пятый раз'. Гласным префикса является *a* (в противоположность *u* в арабском и аккадском).

7.20. От породы с геминированным средним корневым образуется также возвратная форма с префиксом *t*; встречается редко. Например: *tkms* [*takamma*] (75:II:55) 'он распростерся ниц'.

7.21. Каузативная порода образуется при помощи префикса *š*-, как в аккадском. Этим угаритский отличается от других северо-западных семитских языков, в которых каузативным префиксом служит *h*- (древнееврейский и древнеарамейский), или вторичный *'*- (отчасти в древнеарамейском), или же *j*- (финикийский). Префиксы *h*- и *'*- в угаритском употребляются лишь в отдельных случаях. В словах *amlkn* (49:I:18) и *nmlk* (149:I:20) 'я сделаю царем' или 'мы сделаем царем' употребляется, вероятно, префикс *'*-; каузатив с *j*-, по-видимому, употреблен в следующем случае: *wjṣi* (Krt:100) 'и он выносит', ср. параллельное *wjbl* (189).

7.22. Каузатив с *š*- засвидетельствован в аффиксальном спряжении — *šqrb* (2:18) 'они принесли жертву'; в префиксальном спряжении — *ašhlk* [*ašahliku*] ('nt:V:32) 'я позволю

течь'; *jššil* [*jašaš'ilu*] (Р II 23:5) 'он позволяет спросить'; в императиве — *šaqtīl*, ср. в единственном числе женского рода *šlḥm* [*šalḥimī*] (2 Aq:V:19) 'дай есть'. Засвидетельствованы также инфинитив и причастие.

7.23. У каузативной породы есть также и рефлексив с *t*, который (как и в древнееврейском) встречается с корнем *ḥwʃ*: *tšthwʃ* ('nt:VI:18, 19—20) (юссив вместо императива). Возможно, также *tštšḥ* (Р II 1:11) от *šḥ*, 3-е лицо женского рода; значение неизвестно.

7.24. Порода с удлинением гласного после первого корневого (*qātala*) у глаголов со средним корневым *w/j*, а также с одинаковыми вторым и третьим корневыми употребляется вместо интенсивной породы с геминированным средним согласным, например: *trmm.hkhlh* [*tarāmimū*] (51:VI:17) 'они воздвигают (букв. делают высоким) его дворец'; императив: *rmm.hklm* (51:V:114, 51:V:114) 'воздвигни дворцы!'

7.25. Характерное для арабского взаимное значение породы *qātala* можно искать в лучшем случае в формах *jngḥn* (49:VI:17) 'они толкают друг друга' и *jntkn* (49:VI:17) 'они кусают друг друга'; хотя, возможно, это формы с возвратным префиксом *n-* или с геминированным средним корневым согласным.

7.26. От породы с долгим гласным после первого корневого согласного образуется также пассив, например: *j'rr* (77:30) 'его будят', вероятно, также *jmnp* [*jamānani*] (52:37) 'наклоняется'.

7.27. Путем удвоения двухсогласной основы образовались формы с четырьмя корневыми согласными: *mḡmḡ* [*maḡmaḡ* или *maḡmaḡū*] (55:4) 'смешивай!' — императив или абсолютный инфинитив; *wjkrkr* [*jakarkiru*] (51:IV:29) 'и он вертит (пальцами)'.

7.28. Удвоением третьего корневого образовались формы глагола *šhrr*, по-видимому, 'гореть'; засвидетельствована только форма 3-го лица женского рода аффиксального спряжения — *šhrrt* (49:II:24; 52:44).

7. 29. У четырехсогласных глаголов имеются образования с *r* в качестве второго корневого. Они возникли из интенсивной породы трехсогласных глаголов путем расподобления геминированного среднего корневого, например: *prša* [*parša'a*] из *pašša'a* (51:I:36); *jprsh* (68:25) 'он хромает'.

АФФИКСАЛЬНОЕ И ПРЕФИКСАЛЬНОЕ СПРЯЖЕНИЯ

7.30. Угаритское консонантное письмо позволяет говорить, что у глагола существует два типа образований: 1) аффиксальное спряжение, формы которого образуются аффиксами местоименного или именного происхождения, что приблизи-

тельно соответствует так называемому перфекту в древнееврейском, финикийском, арамейском и арабском языках; 2) префиксальное спряжение, формы которого образуются при помощи префиксов, а иногда еще и особых окончаний.

7.31. Дошедшие до нас глагольные формы не дают возможности определенно утверждать, имелось ли в угаритском языке одно префиксальное спряжение или существовало два вида такого спряжения. В древнееврейском, финикийском, арамейском и арабском языках глагольная система обнаруживает только один вид префиксального спряжения, именуемый по традиции имперфектом. С другой стороны, для объяснения и толкования угаритских префиксальных глагольных форм привлекается также аккадский язык, в котором имелись два префиксальных спряжения: так называемый претерит типа *irguš* (формально соответствует западносемитскому имперфекту *jaqtul-*) и так называемый презенс типа *irag(r)as*. Последняя форма в эфиопском представляет собой обычный индикатив *jeqatel*, которому противостоит сослагательное наклонение *jeqtel* (формально родственное типу *irguš* или *jaqtul*).

7.32. То обстоятельство, что в префиксальном спряжении типа *jaqtul-* некоторые глаголы с характерным гласным между вторым и третьим корневыми согласными имеют форму *jaqtal-*, не может служить доказательством в пользу существования типа *jaqatal-*. Формы, встречающиеся в опубликованных до сих пор текстах, целиком относятся к типу *jaqtul-*. Используемые для подтверждения наличия типа *jaqatal* формы глагола с ' в качестве первого согласного (как в модели **jatl* [**ja'atalu*]) могут толковаться как принадлежащие к интенсивной породе или к рефлексивной форме с *n-*. Таким образом, необходимо признать, что в угаритском языке существовало лишь одно префиксальное спряжение, а именно *jaqtul-*.

Окончания аффиксального спряжения

7.33. Окончания аффиксального спряжения в 1-м лице соответствуют отчасти личным местоимениям, тогда как аффиксы 2-го лица идентичны личным показателям 2-го лица этих местоимений, присоединяемых к основе *'an*. Аффиксы 3-го лица обнаруживают связи с именными окончаниями: *-at* — единственное число, женский род — с окончанием женского рода *-at*; *-ū* — множественное число, мужской род — с окончанием именительного падежа множественного числа мужского рода *-ū(ma)*.

7.34. Огласовка может быть предположительно установлена с помощью древнееврейского и арамейского языков, и особенно арабского, так как угаритская и арабская огласовки в своем первоначальном виде были близки друг другу.

7.35. Окончание 1-го лица единственного числа по аналогии с арабским должно было бы звучать *-tu*, однако древнееврейское и финикийское *-ti* может указывать на соответствующее окончание и в угаритском.

7.36. Огласовка окончания 1-го лица двойственного числа *-nj* недостоверна, так как эта форма не засвидетельствована ни в одном из других семитских языков. Для 3-го лица мужского рода двойственного числа ср. *la šmm* (49:11:25) 'небо сияло'.

7.37. Никаких свидетельств о 1-м лице множественного числа еще не обнаружено. В окончании 2-го лица женского рода множественного числа по аналогии с древнееврейским и арамейским можно предположить гласный *i*. Для 3-го лица мужского рода множественного числа ср. *nšū* (126:III:12) 'они подняли'. Нет никаких данных о 3-м лице множественного числа женского рода с ' в качестве третьего корневого; окончание *-ā* присуще древнеарамейскому, отчасти древнееврейскому, а также арабскому и эфиопскому, обычно же для женского рода в древнееврейском употребляется форма мужского рода на *-ū*.

Префиксы и окончания префиксального спряжения

7.38. Все префиксы восходят к местоимениям, хотя определенно можно говорить лишь в отношении ' - 1-го лица единственного числа, *n-* 1-го лица множественного числа и *t-* 2-го лица. Относительно префиксов 3-го лица единственного числа можно обратиться к семито-хамитским языкам, так как *ja* и *ta* в качестве личных местоимений и глагольных элементов 3-го лица засвидетельствованы в языке хауса и других языках Центральной Африки.

7.39. Огласовку можно реконструировать с помощью трех знаков для алефа: *a*, *i*, *u* — с привлечением данных родственных семитских языков, в первую очередь древнееврейского и арабского.

7.40. Префиксом 3-го лица двойственного и множественного числа служит для мужского рода *j-*, однако наряду с ним весьма часто употребляется *t-* (как в древнеханаанских глоссах эль-Амарнской переписки из Библи); формы с *t-*, возможно, произошли по аналогии со 2-м лицом множественного числа или 3-м лицом множественного числа женского рода.

7.41. Форма 2-го лица единственного числа женского рода: *taršn* [*ta'arrišina*] (интенсивная порода) (49:11:14) 'ты желаешь'. Формы 3-го лица двойственного числа: *tšan* [*taš-šī'āni*] (Krt: 303) или *tša* [*taššī'ā*] (67:11:16) 'они поднимают'. Форма 2-го лица множественного числа: ср. форму женского рода *th̄tin* [*tiḥta'na*] (2:14) 'вы согрешили'.

7.42. Гласный префикса стоит в связи с характерным гласным между вторым и третьим корневыми согласными (так называемый закон Барта); это можно видеть на примерах глаголов 1-го лица единственного числа, где префиксом является огласованный алеф; при характерных гласных *u* и *i* в качестве гласного префикса выступает *a*, и, наоборот, при *a* гласным префикса будет *i*. Существуют типы: 'aqtulu, например: *amlk* ['amluku] (49:I:34) 'я буду властвовать'; 'aqtulu, например: *atn* ['atinu] (77:19) 'я дам'; 'iqталu, например: *ilak* ['il'aku] (51:VII:45) 'я пошлю'. Гласный *u* в префиксе в таких случаях, как *juhьb* [ju'hubu] (67:V:18) 'он любит'; *tuhьd* [tu'hudu] (137:40) 'она берет', можно объяснить уподоблением гласному *u* после второго корневого согласного; ср. 3:33.

НАКЛОНЕНИЯ

7.43. У глаголов с ' в качестве третьего корневого обнаруживаются окончания, которые выражают различные наклонения. Глагол изъявительного наклонения в префиксальном спряжении имеет окончание *-u* (как в арабском), ср. *jьsu* [jišša'u] (< *jinša'u) (Krt:99) 'он поднимает'.

7.44. Юссив *jaqtul* выражает желание, например: *jtbr* [jatbur] (1 Aq:149) 'пусть он сломает'. Юссив с частицей *al* ['al] служит для выражения отрицательного приказа или запрещения, так как императив не может быть негативным, например: *al trgm* (125:31) 'не говорил'; *al. tьst* (51:VI:8) 'не клади'; ср. также *al.j'dbkm* (51:VIII:17) 'чтобы он не делал вам'.

7.45. Еще не установлено, следует ли считать формы с *-a* на конце доказательством существования особой формы, соответствующей арабскому сослагательному наклонению *jaqtula*, или мы имеем дело с юссивом типа *jaqtul*. Форма *iqra* (52:I) 'я буду взывать', может быть, соответствует древнееврейскому когортативу ('iqr^e'ā); ср. усиленное наклонение *iqran* (52:53), но, возможно, она является юссивом ['iqra']. В форме *jqra* (52:VII:47) 'пусть он взывает', которая зависит от *ilak* 'я хочу послать' и представляет параллель слову *jstrn* 'пусть он спрячет его', можно усмотреть и сослагательное наклонение. Но, с другой стороны, в форме *wjмza* (75:I:37) 'и он достигает' нельзя усмотреть ни фонетического упрощения [*wa-jimza*'] (< *jimza'u), ни юсвива [*jimza*'].

7.46. В угаритских текстах встречаются формы с добавлением *n*, например: *tmdlн.'r* (1 Aq:57) 'она седлает осла'; *jtnn.qьst* (2 Aq:V:26) 'он дает лук'. Они соответствуют арабскому усиленному наклонению, хотя нельзя установить, какой именно форме его: *jaqtulan* или *jaqtulanna*; некоторые

случаи с местоименными суффиксами говорят в пользу последней, например: *tbq'nn* [*tibqa'annan(h)u*] (49:II:31) 'она разрезает его'.

7.47. Усиленное наклонение с *n* употребляется главным образом в суффиксальных формах, так как оно обеспечивает сохранение глагольной формы без изменения, но часто оно встречается и без суффикса. Как видно из приведенных примеров, первоначальный усиленный характер действия не всегда сохранен. В следующих примерах сохранено первоначальное усиленное значение, ср. *iqran* (52:53) 'я хочу воспеть'; *tbn* (51:VII:24, ср. 51:VI:2) 'ты должен вернуться'; ср. также *kmtm.tmtn* (125:18) 'ибо обязательно должен ты умереть'.

7.48. Повелительное наклонение соответствует по окончаниям юссиву. Глагол в единственном числе мужского рода не имеет особого окончания, в женском роде принимает окончание *-i*, ср. *di* [*da'i*] (126:V:49) 'лети!'; глагол во множественном числе мужского рода имеет окончание *-ū*: *wdu* [*wa-da'ū*] (1 Aq:120) '(и) летите!', а женский род — окончание *-ā* (как в древнеарамейском и аккадском), например: *šm'*. *'ilht* [*š(a)ma'a*] (77:11) 'слушайте, богини!'. Характерный гласный соответствует гласному юссива, о гласном же первого слога консонантная орфография никаких сведений не дает. Ср. примеры: *sad* [*s(a)'ad*] (2 Aq:V:20) 'прислуживай!' наряду с *sid* [*s(i)'id(?)*] и *luk* [*l(u)'uk*] (P II 21:4) 'отправь!'.

7.49. Повелительное наклонение не может быть негативным. Для негативного приказа или запрещения употребляется юссив с динамической отрицательной частицей *al*

Функция спряжений и наклонений

7.50. Трудно точно передать функции спряжений, так как доступные в настоящее время письменные памятники содержат очень скудные сведения о разговорном угаритском языке. Большинство из них составляют сильно стилизованные тексты — эпические произведения и гимны с чеканными, отлитыми в строгие стихотворные формы связями, с одной стороны, и написанные эпистолярным стилем письма и документы — с другой.

7.51. Аффиксальное спряжение глаголов действия типа *qatala* обозначает действие, которое совершилось в настоящее время: *nša* [*naša'a*] (Krt:167) 'он поднял'; *aḥdt* [*'aḥadat*] (51:II:3) 'она взяла'; *tb'* [*taba'ū*] (67:I:9) 'они ушли'; *bnt* (51:VI:36) 'я построил'. Таким образом, повествование может выражаться рядом таких форм, см., например, Krt: 166—170.

7.52. Глаголы состояния передают в аффиксальном спряжении состояние, продолжающееся в настоящее время, например: *mli* [*mali'a*] (51:I:39) 'он наполненный'; *anš* (137:38)

‘он благородный’; *hkmt* (51:V:65) ‘ты умен’; *mt* (49:I:13) ‘он мертвый’. Такое значение установлено и у глагола *jd'*: *jd't* (125:33) ‘я знаю’.

7.53. С помощью аффиксального спряжения может выражаться (как в арабском и древнееврейском) и пожелание, которое мыслится уже как исполненное, ср. *hw̄t aht* (76:II:20) ‘да пусть живешь ты, моя сестра!’. Употребление аффиксального спряжения в гипотетических предложениях основано также на предположении, что условие уже реализовано.

7.54. Обычным средством для выражения будущего действия служит префиксальное спряжение типа *jaqtulu* (изъявительное наклонение), например: *ašt* [*'ašitu*] (67:5) ‘я положу’; *abkj* (1 Aq:111) ‘я буду оплакивать’.

7.55. Равным образом и настоящее время выражается с помощью префиксального спряжения: *ltdn* [*lā tadīnu*] (127:33) ‘ты не судишь’; *kjbkj* [*kī jabkiju*] (Krt:39) ‘что он плачет’; *lm tlik* [*lamā til'iku*] (P II 10:4) ‘почему ты посылаешь?’.

7.56. Префиксальное спряжение наиболее часто употребляется для выражения действия, протекавшего в прошедшем времени, например: *tšm* (127:19) ‘она слышала’; *jlm* (68:16) ‘он бил’.

7.57. Префиксальное спряжение, употребляемое при повествовании, как правило, имеет форму изъявительного наклонения: в тех случаях, когда нет особых окончаний, обнаруживается показатель *-u*; однако засвидетельствованы у глаголов с *j* или *w* в качестве третьего корневого формы, у которых на письме отсутствует третий корневой, что может указывать на апокопированную форму типа *jaqtul*, например: *jbk* [*jabki*] (1 Aq:176) ‘он плакал’. (Возможно также, что здесь имеет место фонетически обусловленная элизия третьего корневого или слияние его с предшествующим гласным в дифтонг, который впоследствии претерпел стяжение и поэтому на письме не отражен — **jabki j(u)* > *jabki*).

7.58. Юссив *jaqtul* может обозначать совершившееся в прошлом действие, причем как с союзом *w-*, так и без него, например: *apnk... j'l* (49:I:28—29) ‘затем... он поднялся’; *'d šb't. šnt jbk* (1 Aq:176—177) ‘до седьмого года плакал он’; особенно часто *wt'n* [*wa-ta'an(t̄)*] (51:IV:40) ‘и она ответила’ и *wj'n* (там же, строка 58) ‘и он ответил’ и др.; ср. также *wjmza* (75:I:37) ‘и он достиг’.

7.59. Имеется ряд случаев, когда последовательно употребляются аффиксальное спряжение — префиксальное спряжение — префиксальное спряжение (например: 51:III:23—26; 51:VII:21—22), причем формы префиксального спряжения соединены друг с другом частично асинтетически, частично через предлог *w-*. (Ср., с другой стороны, последовательность:

префиксальное спряжение — аффиксальное спряжение в 51: IV:8—10). Однако нельзя привести ни одного достоверного случая, который с определенностью говорил бы о существовании в угаритском соответствующей древнееврейскому «консекутивному имперфекту» «конверсии» после союза *w* имперфекта в перфект.

7.60. Скорее можно привести данные о наличии формы аффиксального спряжения с *w*-, следующей за императивом, и, таким образом, возможно, соответствующей древнееврейскому консекутивному перфекту: *lhm wštt* [*l(a)ḥam wašatitā*] (67:1:24—25) 'кушай и пей!'.
7.61. Использование глагольных спряжений в угаритской поэзии, по-видимому, столь же свободно, как замена перфекта имперфектом и наоборот в древнееврейской поэзии (ср. Exodus 15; Deuteronomium 32). Пока что надо ограничиться рабочей гипотезой, что угаритское аффиксальное спряжение соответствует перфекту в северо-западных семитских языках (т. е. древнееврейском, финикийском, арамейском) и в североарабском, тогда как глагольные формы, имеющие префиксы, сходны с имперфектом в северо-западных семитских языках и в североарабском. Оба спряжения можно также рассматривать как субъективные аспекты, из которых аффиксальное спряжение констатирует действие или состояние, а префиксальное спряжение описывает ход действия. Отсюда аффиксальное спряжение используется для выражения завершенного действия, а префиксальное — для выражения действия, ничем особо не ограниченного. Поэтому префиксальное спряжение наряду с описанием протекавших в прошлом процессов способно также выражать действия, происходящие в настоящем и намечаемые на будущее; аффиксальное же спряжение ориентировано больше на прошедшее время. Употребление глаголов состояния в угаритском языке также указывает на самые близкие связи в первую очередь с другими северо-западными семитскими языками — древнееврейским, финикийским, арамейским, а затем с арабским.

ОТГЛАГОЛЬНЫЕ ИМЕНА

Инфинитивы

7.62. В угаритском языке имеется отглагольное существительное, принадлежащее к глагольной парадигме. В зависимости от функции огласовки различаются две формы.

7.63. Форму, связанную с предлогами или определяемую именем, можно назвать (как в древнееврейском) *infinitivus constructus*, например: *bnšī 'nh* [*ba-n(u)šū'i*] (51:11:12) 'при поднятии своих глаз'; *bšal.krt* [*ba-š(a)'ali*] (Krt:38) 'при уп-

рашивании Керета'; *npšm.lh̄m.tp̄h* (127:11) 'свою пасть раскрыла она для еды'; *wfph̄n.hlk* [*huluka*] *b'l* (51:II:13) 'и она почувствовала шествие Ваала'.

7.64. Соответствующий древнееврейскому абсолютный инфинитив (*infinitivus absolutus*) типа *qatālu* оканчивается на *u-*; он служит преимущественно для усиления финитной формы глагола того же корня или сходного по значению, например: *ḡmu. ḡmit* [*gamā'u gami'ti*] (51:IV:34) 'ты (ж. р.) очень хочешь пить'; *bu.tbu* (127:3) 'она действительно входит'. Инфинитив может принимать еще и энклитическое *-m*, например: *mtm.amt* [*mōtum.'amūtu*] (2 Aq:VI:38) 'я определенно умру'.

7.65. Абсолютный инфинитив служит также (как императив) для выражения приказания, например: *m̄gm̄ḡ...wj̄sq* (55:9) 'перемешай... и налей!' (императив глагола с *j* в качестве первого корневого должен был бы звучать здесь **sq*).

7.66. Абсолютный инфинитив может также выражать действие вместо финитного глагола, например: *tb'.ank* [*tabā'u 'anākī*] (P II 21:6) 'я удалюсь'; *ark.jd* (52:34) 'конечность стала длинной' (*jd* женского рода, и перфект должен был быть также в женском роде). Ср. также *w'rb.hm* (52:71) 'и они вошли'.

Причастия

7.67. Причастия склоняются как прилагательные. Пример на женский род: *aḥdt* [*'āhidatu*] (51:II:3) 'держущая'. Примеры на множественное число мужского рода: *jnqm* (52:24) 'сосущие' и женского рода: *bkjt* (1 Aq:171—172) 'плачущие (женщины)'.

7.68. В основной породе причастия не имеют особых префиксов. Для активного причастия основной породы по аналогии с арабским и арамейским можно предположить огласовку *qātil*, например: *aḥd* [*'āhidu*] (2 Aq:II:19) 'держущий'; *sru* [*sāpi'u*] (там же, 21) 'кушающий'. Но ср. форму множественного числа *šalm* [*šā'alūma(?)*] (P II 161:5) 'спрашивающие'.

7.69. Форму пассивного причастия основной породы можно огласовать *qatūl*, по образцу древнееврейского, например: *ḥrb lš̄t* [*ḥarbu latūšatu*] (137:32) 'отточенный меч'.

7.70. Наряду с этим имеется форма, соответствующая арабскому пассивному причастию, — *maqūl*, которая представлена, по-видимому, в слове «невеста»: *mtrḥt* [*matrūḥatu*] (Krt:13), букв. 'посредством купли приобретенная'; ср. также *mdd* [*mōdūdu*] < **mawdūdu* (51:VIII:23) 'возлюбленный'.

7.71. Причастия от производных пород характеризуются префиксом *m-*; их огласовка соответствует, вероятно, как и в других семитских языках, огласовке префиксального спря-

жения. Примеры на породу с геминированным средним согласным: *mklj* [makalli^ja] (1 Aq:202) 'разрушающим'; женский род: *mmlat* [mamalli'āti] (Krt:217) 'наполняющие'. Примеры причастий каузативной породы с *š*: *mšspdt* [mašaspidātu] (1 Aq:172) 'оплакивающие (женщины)'; *mšnqt* [mašēniqātu] от *jnq* (128:II:28) 'кормящие грудью'.

ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ С МЕСТОИМЕННЫМИ СУФФИКСАМИ

7.72. Местоименные суффиксы при финитных глагольных формах те же, что и при именах, за исключением 1-го лица единственного числа, где суффиксом у глаголов является *-n* [-nī]. При присоединении этих суффиксов к формам префиксального спряжения последние часто принимают вид усиленного наклонения. Местоименные суффиксы выражают преимущественно прямой объект, но они могут иметь также и значение дательного падежа.

7.73. Отглагольные имена — инфинитив и причастия — имеют такие же суффиксы, как имена. При причастиях суффиксы выражают объект, например: *m'msj* [ma'ammisu^ja] (2 Aq:20) 'поддерживающий меня' (ср. там же, строка 6, 31), но когда причастия воспринимаются как существительные, суффиксы могут выражать принадлежность: *kqnjn* [ka-qāniji^{nā}] (76:III:6) 'как наш владыка (или творец)', впрочем, не исключено и такое понимание — 'нами владеющий (или нас создавший)'. При инфинитиве суффиксы являются посессивными, например: *bm bkjh* [bamā bakji^{hi}] (Krt:31) 'при его плаче', 'в то время, как он плакал'.

МОДИФИКАЦИИ ГЛАГОЛОВ СО СЛАБЫМИ СОГЛАСНЫМИ

7.74. При наличии в корне одного или двух слабых согласных (*w*, *j*, отчасти *n* и ') или при идентичности второго с третьим имеют место некоторые изменения по сравнению с формами обычного (т. е. сильного) глагола. Эти изменения в большинстве своем фонетического происхождения, и лишь иногда они вызваны особыми способами образования. С точки зрения истории языка можно предполагать у некоторых типов этих глаголов наличие первоначальной двухсогласной системы, однако они почти всецело приравнены к трехсогласной системе. Когда на письме обозначены только два корневых согласных, подчас бывает трудно точно установить характер и место слабого корневого согласного; это может быть сделано в большинстве случаев только на основе родственных семитских языков.

7.75. Двухсогласность очень наглядно выступает в императиве глаголов со слабым первым корневым, например: *ša*

[ša'] (Krt:75) 'подними!' от *nš'*; *qh* [qah] (51:II:32) 'возьми!' от *lqh*; *tn* [tin] (Krt:143) 'дай!' от *jtn*; *lk* [lik] (122:1) 'иди' от *hlk*; *zi* [zi't] (ж. р.) (75:I:14) 'выходи!' от *jz'*; *šu* [ša'ū] (137:27) 'поднимайте!'.

Глаголы с первым корневым *n*

7.76. Первый корневой *n* в глаголах ассимилируется непосредственно следующим за ним согласным, например: *jpl* [jappulu] (68:5) 'он падает'; (*w*)*jšu* [jušša'u] (76:II:13) 'и он поднимает'; *tgrk* [tağğurūka] (P II 15:5) 'да защитят они тебя!' от *pgr*.

7.77. Поскольку в интенсивной породе с геминированным средним согласным первый согласный (т. е. *n*) не находится в непосредственном контакте со вторым, он тем самым избегает ассимиляции, и поэтому эту породу можно отличить от основной. Ср. *jntkn* [janattikāni] (49:VI:19) 'они (дв. ч.) кусают'. Однако таким же образом пишется и рефлексив с *n*-, так что уломянутую форму можно толковать и как рефлексив [jannatikāni]. Ср. также *tntkn* [tannatikna] (Krt:28) 'они (ж. р.) выливаются'.

7.78. У глагола *lqh* 'брать' первый корневой тоже ассимилируется вторым: *iqh* ['iqqahu] (Krt:204) 'я возьму'.

Глаголы с первым корневым '

7.79. Глаголы с ' в качестве первого корневого из-за наличия трех знаков для ' : 'a, 'i, 'u — весьма важны для установления вокализма. Так, например, императив основной породы *irš* ['iraš] или [i'raš] (2 Aq:VI:17) 'проси!'. Инфикс *-t-* в рефлексиве основной породы ассимилирует первый корневой ' : *'-t- > [-tt]: *jtrm* [jattamiru] ('nt:I:22) 'он смотрит', но ср. *jitmr* (137:32).

Глаголы с первым корневым *w* или *j*

7.80. Поскольку *w-* в начале слова превращается в *j*, глаголы с начальным *w* и начальным *j* оказались в одном классе. Исключением является, вероятно, звукоподражательный глагол *wrj* 'плевать'; ср. *wrtm* (51:VI:13), по-видимому, инфинитив.

7.81. В префиксальном спряжении слог с начальным *w/j* подвергается этизии, например: *atn* ['atinu] (Krt:206) 'я дам'; *tld* [talidu] (77:5) 'она рождает'; *nrd* (62:I:7) 'мы спустимся'. Но на письме 3-е лицо мужского рода единственного числа не отличается от того же лица в аффиксальном спряжении: *jtn* может означать и [jatinu] ('nt:I:10) 'он дает' и [jatana]

(49:VI:10) 'он дал'. В глаголе *jnq* 'кормить грудью' можно предположить сохранение *j* (как в древнееврейском) и огласовать *tnq* (6:32) — [*tīnaqu*] из **tijnacu* 'она кормит грудью'.

7.82. Вероятно, каузативная порода, как и в древнееврейском, сохранила следы начального *ʔ*, но на письме обнаружить это нельзя, так как гласный *ō*, образовавшийся из дифтонга *aʔ*, не обозначался, например: *šrd* [*šōrada*] из **šawrada* (Krt:169) 'он заставил опуститься', т. е. 'он принес жертву'; *jšsi* [*jašōši*] (128:V:24) 'он унесет'; *ašld* [*ašōlidu*] (52:65) 'я породил'. Но глаголы, сохранившие начальный *j*, имеют вокализацию *ē* < **aj*, например: *mšnqt* [*mašēniqātu*] (128:II:28) 'кормящие грудью'. Имеется и пассив: *ʔjtḫ* (51:V:109) 'и он посажен', вероятно, [*jaṭuṭabu*] с ассимиляцией префиксального *š*.

7.83. Глагол *hlk* 'идти' ведет себя, как и в древнееврейском, отчасти как глагол со слабым первым корневым, например: *jlk* [*jaliku*] (Krt:207) 'они идут'; *lk* [*lik*] 'иди'; рефлексив: *ttlk* (67:VI:26) 'она идет'. Точно так же и глагол *hlm* 'бить', например: *jlm* (68:24) 'он бьет'.

Глаголы со средним корневым *ʔ* или *j*

7.84. Глаголы с средним корневым *ʔ* или *j* имеют формы, где эти корневые не выступают в роли согласных. Так как на письме *ʔ* и *j* не обозначаются, корни глаголов могут быть установлены только на материале других семитских языков. Таким же образом обстоит дело и с огласовкой в случаях с типами *qatala* и *qatila*, совпадающими в написании и по большей части в произношении.

7.85. Примеры на основную породу: аффиксальное спряжение — *bat* [*bā'at*] (1 Aq:213) 'она пришла'; *bu* [*bā'ū*] (127:3) 'они пришли'; *mtt* [*mattā*] (67:V:17) 'ты умер'; *št* [*šāta*] (51:IV:10) 'он положил'; префиксальное спряжение — *jḫb* [*jaḫūbu*] (49:VI:12) от *ṭwb* 'он возвращается'; *ašr* [*ašīru*] (77:1) 'я буду петь'; *jark* [*ji'arki*] (77:39) с суффиксом 2-го лица женского рода 'да осветит он тебя'; инфинитив — *(b)p* [(*ba*)-'*ūpi*] (76:II:23) 'при полете'; *bšt* [*ba-šīti*] ('at:VI:V) 'при помещении'; причастие — *qm* [*qāmi*] (76:II:25) 'встающих', множественное число сопряженного состояния в родительном падеже; императив (или абсолютный инфинитив) — *sh* [*sūh*] (126:IV:4) 'кричи!'; рефлексив — *jṭn* [*jaṭṭinu*] (55:8) 'он мочится'.

7.86. Поскольку средний корневой в интенсивной породе не удваивается, в этой функции выступает порода с долгим гласным после первого корневого, ср. 7:24.

7.87. Каузатив с *š*:- *ttḫb* [*tataḫb*] (89:14) 'пусть она возвратит' с ассимиляцией *š* первым корневым.

Глаголы с одинаковыми вторым и третьим корневыми

7.88. О глаголах с идентичными вторым и третьим корневыми имеются лишь единичные свидетельства. Оба одинаковых корневых согласных часто сливаются в один геминат, который на письме ничем не отличается от простого согласного. В этих случаях трудно отличить формы глаголов этого класса от форм других классов слабых глаголов.

7.89. Примеры: *ndd* [*nadada*] ('nt:I:8) 'он бежал'; *qlt* [*qal-lāti* (?)] (89:11) 'я упал'; *jtl* (1 Aq:41) '(роса) выпадает' (вероятно, интенсивная порода); *thrr* (52:44) 'она поджаривается'; императив — *pr* [*purru*] (1 Aq:120) 'летите!'; каузатив — *šqlt* (127:32) 'ты заставил упасть'.

Глаголы с третьим корневым *w* и *j*

7.90. У глаголов с *w* или *j* в качестве третьего радикала последние, по крайней мере частично, различаются. Так, например, в аффиксальной форме *atwt* [*atawat*] (51:IV:32) 'она пришла', ср. также юссив *tdu* [*tad'u*] (1 Aq:134) из **tad'uw* 'ты должен лететь'. Но в тех случаях, где слабые согласные *w* и *j* с предыдущими гласными, которые на письме не обозначаются, образуют благодаря стяжению дифтонгов долгие гласные, верх берет тип с *j* за счет типа глаголов с *w*.

7.91. Если за третьим корневым непосредственно следует согласный, то образовавшийся при этом дифтонг монофтонгируется и на письме не обозначается. Примеры на аффиксальное спряжение: *bnt* [*banēti*] < **banajti* (51:VI:36) 'я построил'; *gztm* [*gazētum-*] (51:III:31) 'вы просили'; *št* [*šatiti*] < **šatijti* (51:III:14) 'я пил'.

7.92. В формах, в которых за третьим корневым следует гласный, *j* сохраняется, например в аффиксальном спряжении — *'lj* [*'alaja*] (Krt:165); *štj* [*šatijū*] (51:VI:55) 'они пили'; в префиксальном спряжении — *jmǧj* [*jimǧaju*] (Krt:210) 'он достигает'; *tštj* [*taštijū*] (51:VI:58) 'они пьют'.

7.93. Однако на письме встречаются формы и без *j*, особенно после союза *w-*, например: *j'l* (49:I:29) 'он поднимается'; *wt'l* (76:III:30) 'и она поднимается'; *tšt* (62:I:10) 'она пьет'; чаще *wt'n* (51:IV:40) и др. 'и она отвечает'. Имеет место либо фонетическое упрощение: **ta'ni(j)u*: **-ij* > *-i*, либо сокращенная форма юссива: *ta'ni*. Так же обстоит дело и с императивом: *'l* [*'ali*] (Krt:73) 'встань!'. Примеры: ж. р. — *at* [*'ati*] ('nt pl.IX:III:16) 'приходи'; мн. ч. — *du* [*da'u*] (1 Aq:120) 'летите!'.

7.94. Infinitivus constructus: *bbk* [*ba-baki*] < **bakji* (Krt:60) 'при плаче'; с *-j*: *lštj* [*la-šatji*] (128:IV:60) 'для питья'. При-

частие: *bnj* [bāniju] (51:III:32) 'творящий'; ж. р. — *qnjt* [qā-nijatu] (51:III:30) 'творящая'; мн. ч. ж. р. — *bkjt* (1 Aq:183) 'плачущие'.

7.95. Интенсивные формы большей частью имеют -j, например: *tklj* [takalliju] (67:I:2) 'ты уничтожаешь'; причастие — *mklj* [makalliju] (1 Aq:202) 'разрушающий'; но *jks* [jakassī] (67:VI:16) 'он покрывает'.

7.96. Каузативная порода: *ššqj* [šašqāju] (2 Aq:V:19), по-видимому, абсолютный инфинитив как приказание женщине: 'дай напиток'.

7.97. Засвидетельствованы также глаголы с двумя слабыми корневыми согласными, например: *ħwj* или *ħjj* 'жить'; *jh* (125:23), вероятно, [jahū] < *jahw 'он будет жить'; интенсивная порода: *aħwj* [ʾahaħwi ju] (1 Aq:15, 2 Aq:VI:32); *l-aħw* [lā-ahaħwī] 'я дам (не дам) жить'; *ndd* 'странствовать'; *jdd* (76:II:17); *wdj* (51:VI:32) 'уходить'.

7.98. Ввиду отсутствия достоверных аналогий из родственных языков корень глагола «смотреть», «видеть» еще окончательно не установлен, может быть, *pwh(?)*:*ph* (128:III:28) 'смотри!'; *tph* (125:53) 'она смотрит'; *pht* (49:V:12) 'я видел'.

ТАБЛИЦЫ К ГЛАГОЛУ

Таблица 5

Обзор глагольных пород

Порода	Действительный залог	t-рефлексив	Пассив (внутренний)	n-рефлексив пассив
Основная	<i>qtl</i> [qatala]	<i>qtll</i> [(i)qtatala]	<i>qtl</i> [qutila]	<i>nqtl</i> [naqtala]?
Интенсивная	<i>qtl</i> [qattala]	<i>qtll</i> [taqattala]	?	—
Каузативная	<i>šqtl</i> [šaqtala]	<i>štqtl</i> [(i)šttaqtala]?	—	—
С долгим гласным после первого корневого	<i>rmm</i> [rāmama]	<i>trmm</i> [tarāmama]	—	—

Обзор характерных гласных

Спряжение	<i>mlk</i> 'властвовать'	<i>l'k</i> 'посылать'	<i>mrs</i> 'быть больным'
Аффиксальное	<i>mlk</i> [malaka]	<i>lik</i> [la'ika]	<i>mrs</i> [maruša](?)
Префиксальное	<i>amlk</i> ['amluku]	<i>ilak</i> ['il'aku]	<i>jmrš</i> [jimrašu](?)

Таблица 7

Аффиксальное спряжение

Число	Лицо, род	<i>l'k</i> 'посылать'
Единст- венное	1-е	<i>likt</i> [la'iktī] (?)
	2-е { муж. р. жен. р.	<i>likt</i> [la'iktā] <i>likt</i> [la'ikti]
	3-е { муж. р. жен. р.	<i>lik</i> [la'ika] <i>likt</i> [la'ikat]
Двойст- венное	1-е	<i>liknj</i> (?)
	2-е	<i>liktm</i> [la'iktumā]
	3-е { муж. р. жен. р.	<i>lik</i> [la'ikā] <i>likt</i> [la'ikatā]
Множе- ственное	1-е	?
	2-е { муж. р. жен. р.	<i>liktm</i> [la'iktum(u)] (?) <i>liktn</i> [la'iktin(a)] (?)
	3-е { муж. р. жен. р.	<i>lik</i> [la'ikū] <i>lik</i> [la'ikā] (?)

Префиксальное спряжение и наклонение

Число	Лицо, род	Изъявительное jaqtulu	Юссив jaqtul	Усиденное jaqtulan(на)
Единственное	1-е	<i>ilak</i> ['il'aku]	<i>ilak</i> ['il'ak]	<i>ilakn</i> ['il'akan(на)]
	2-е { муж. жен.	<i>tlak</i> [til'aku]	<i>tlak</i> [til'ak]	<i>tlakn</i> [til'akan(на)]
		<i>tlakn</i> [til'akīna]	<i>tlak</i> [til'akī]	—
	3-е { муж. жен.	<i>jlak</i> [jil'aku]	<i>jlak</i> [jil'ak]	<i>jlakna</i> [jil'akan(на)]
		<i>tlak</i> [til'aku]	<i>tlak</i> [til'ak]	<i>tlakn</i> [til'akan(на)]
	Двойст- венное	1-е	—	<i>nlak</i> [nil'akā] (?)
2-е		<i>tlakn</i> [til'akāni]	<i>tlak</i> [til'akā]	
3-е {		<i>tlakn</i> [til'akāni]	<i>tlak</i> [til'akā]	
		<i>jlakn</i> [jil'akāni]	<i>jlak</i> [jil'akā]	
Множест- венное	1-е	<i>mlak</i> [nil'aku]	<i>nlak</i> [nil'ak]	<i>nlakn</i> [nil'akan(на)]
	2-е { муж. жен.	<i>tlakn</i> [til'akūna]	<i>tlak</i> [til'akū]	
		<i>tlakn</i> [til'akna]	<i>tlakn</i> [til'ak na]	
	3-е { муж. жен.	<i>tlakn</i> [til'akūna]	<i>jlak</i> [jil'akū]	
		<i>tlakn</i> [til'akna](?)	?	

Таблица 9

Императив

Род	Единственное число	Множественное число
Муж.	<i>luk</i> [l(u)'uk] <i>lak</i> [l(a)'ak]	<i>lak</i> [l(a)'akū]
Жен.	<i>lak</i> [l(a)'akī]	<i>lak</i> [l(a)'akā] (?)

Инфинитивы

Порода	Основная	Интенсивная	Рефлексив
	qatālu		
infinitivus absolutus	<i>ǧmu</i> [ǧamā'u] 'испытывать жажду'	—	—
infinitivus constructus	q(u)tu- или q(a)tal-	qattal-	taqattal
	<i>šal</i> [š(a)'ali] 'спрашивать' <i>nši</i> [n(u)šu'i] 'поднимать'	<i>nšq</i> [naššaql] 'целовать'	<i>tdrq</i> [tadarraql] 'шагать'

Таблица 11

Причастия

Порода	Основная	Интенсивная	Каузативная
	qatil-		mašqatil-
Актив	<i>aḥd</i> [ʾāḥidu] 'хватаящий'	<i>mkj</i> [makalliju] 'уничтожающий'	<i>mšspd</i> [mašaspidātu] ж. р. 'оплаки- вающая'
Пассив	qatūl-		
	<i>lḫšt</i> [laḫūšatu] ж. р. 'отточенная'	—	—

Обзор глагольных аффиксов и префиксов

Число	Лицо, род	Аффиксальное спряжение	Префиксальное спряжение
Единственное	1-е	-t [-ti]	a-(i) ['a-] или ['i-]
	2-е	{ муж. -t [-ta] жен. -t [-ti]	t- [ta-] t-...-n [ta-...-ina]
	3-е	{ муж. — [-a] жен. -t [-af]	j- [ja-] t- [ta-]
Двойственное	1-е	nj (?)	n- — [ma-...-ā]
	2-е	-tm [-tuma]?	t-...-n [ta-...-āni]
	3-е	{ муж. — [-ā] жен. -t [-ata]	t-...-n [ta-...-āni] j-...-n [ji-...-āni]
Множественное	1-е	? ?	n- [na-]
	2-е	{ муж. -tm [-tum(u)] жен. -tn [-tin(a)?]	t-...-n [ta-...-ūna] t-...-n [ta-...-na]
		{ муж. — [-ā]	j-...-n [ta-ūna]
	3-е	{ жен. — [-ā]	t- [ja-...-ūna] t-...-n [ta-...-na]

Таблица 13

Глаголы со слабыми первыми корневыми (n, w или j)

Порода	Форма	Глагол		
		«поднимать»	«спускаться»	«идти»
Основная	Аффиксальное спряжение	nša [naša'a]	jrd [jarada]	hlk [halaka]
	Префиксальное спряжение	jšu [jašša'u]	ard ['aridu]	jlk [jaliku]
	Императив	ša [ša']	rd [rid]	lk [lik]
	Причастие	nšu [nāši'u]	jrd [jāridu]	
	Infinitivus constructus	nši [n(u)šu'i]		
	Infinitivus absolutus		jrd [jarādu]	
t-рефлексив	Префиксальное спряжение	jtši [jittaši']	jtrd [jittaridu]	jtlk [jittaliku]

Каузативная	Форма	«приносить в жертву»	«кормить грудью» (jnq) (формы ж. р.)
	Аффиксальное спряжение Префиксальное спряжение Императив Причастие	<i>šrd</i> [šōrada] <i>jšrd</i> [jašōridu] <i>šrd</i> [šōrid] <i>mšrd</i> [mašōridu]	<i>šnqt</i> [šēnaqat] <i>tšnq</i> [tašēniq] <i>šnq</i> [šēniqī] <i>mšnqt</i> [mašēniqatu]

Таблица 14

Глаголы со средним согласным *ω* или *j* в основной породе

Форма	«вставать»	«петь»	«светить»
Аффиксальное спряжение	<i>qm</i> [qāma]	<i>šr</i> [sara]	<i>ar</i> [’āra]
Префиксальное спряжение	<i>jqm</i> [jaqūmu]	<i>ašr</i> [’ašīru]	<i>jar</i> [ji’āru]
Императив	<i>qm</i> [qum]	<i>sr</i> [šir]	<i>ar</i> [’ar]
Причастие	<i>qm</i> [qāmu]	<i>šr</i> [šāru]	<i>ar</i> [’āru]
Infinitivus cop-structus	<i>qm</i> [qūmi]	<i>šr</i> [šīri]	<i>ar</i> [’āri]

Таблица 15

Глаголы с третьим корневым *j* или *ω* в основной породе

Форма	<i>mǧj</i> ‘достигать’	<i>atw</i> ‘приходить’	<i>d’w</i> ‘лететь’
Аффиксальное спряжение			
3-е { муж. р. жен. р.	<i>mǧj</i> [maǧi ja] (?) <i>mǧjt</i> [maǧi jat] (?)	<i>atwt</i> [’atawat]	
2-е муж. р.	<i>mǧt</i> [maǧitā]		
Префиксальное спряжение			
Юссив 3-е л. м. р. 2-е л. м. р.	<i>jmǧj</i> [jamǧaju] (?) <i>jmǧ</i> [jamǧa] (?)	<i>tdu</i> [tad’ū]	
Императив	<i>mǧ</i> [maǧi] (?)		
Причастие	<i>mǧj</i> [māǧiju]		

8.1. Угаритский язык располагал при имени окончаниями для падежей, чисел и родов, которые давали возможность выражать различные связи имен. Глагол также получил значительное развитие, и многообразные формы его могут точно определить вид и модальность действия или состояния. Частицы способствовали более точной передаче обстоятельств и явлений. Развитая морфология обеспечивала возможность четкого построения предложения. В поэтических произведениях, составляющих большинство дошедших до нас связных угаритских текстов, рамки предложений ограничены структурой стиха. Такое строение стиха, рассчитанное на однозначные слова, еще раз подчеркивает простоту и ясность предложений; второстепенные определения и атрибуты преимущественно стоят в последующих строках, тогда как структура главного предложения остается в цельном виде в первой строке. Прозаические тексты также, как правило, имеют простое и прозрачное строение предложений. Преобладают сочинение и параллелизм, лишь изредка употребляются подчиненные предложения.

ВИДЫ СЛОВСОЧЕТАНИЙ

8.2. Имена часто связаны между собой конструкцией сопряженного состояния. Первое имя, управляющее, стоит, в зависимости от смысла или контекста, в именительном или в каком-нибудь другом падеже, второе — в родительном. Эта конструкция охватывает не только имена с именными определениями, но также и все предложные и союзные сочетания, в которых имя, управляемое предлогом или союзом, стоит в родительном падеже.

8.3. Сочетания существительного с прилагательным в качестве определения встречаются сравнительно редко. Имя существительное и прилагательное согласуются в роде, числе и падеже: *mlk rb* (118:26) 'великий царь'; *tt.attm.adrtm* (119:7) 'две благородные женщины'.

8.4. Анпозиционные словосочетания имен имеют место главным образом тогда, когда одно из них, как правило, имя собственное, ср. *mlk.ab šnm* (51:IV:24) 'царя, отца лет(?)'. Титулы или эпитеты богов стоят перед именем: *tr.il* (51:IV:47) 'бык Эл'; *rbt.atrt* (51:IV:40) 'госпожа 'Atira'. Словосочетания такого типа с участием числительных — явление довольно частое, например: *mšbt.ilm.tmn* (52:19) 'восемь обителей богов'.

8.5. Личные местоимения в родительном падеже сливаются с управляющим именем в единое целое, при этом иногда

происходят фонетические изменения, которые, однако, лишь в отдельных случаях фиксируются на письме. И в этих суффиксальных формах имя, как правило, стоит в сопряженном состоянии — образование таких форм подтверждает эту концепцию, — а личное местоимение — в родительном падеже.

8.6. Местоимения могут выступать в роли адъективных определений имен или находиться с ними в генитивном отношении; в этом случае они присоединяются к имени в качестве суффиксов и образуют с ним единство, рассматриваемое как одно слово.

8.7. По отношению к глаголу местоимения могут выступать как объекты. В этом случае личные местоимения, которые как объекты обычно стоят в адвербиальном винительном падеже, могут присоединяться к глаголу как суффиксы и образовывать с ним единое слово.

8.8. Сходные или соответственные формы разных глаголов могут стоять в аппозиции, т. е. располагаться контактно, причем первый глагол большей частью поясняет характер действия, выраженного вторым глаголом. Так, *qwt* 'вставить' и *'hd* 'брат', как в арабском и древнееврейском, указывают на начало действия, например: *qm.jbd* ('nt:l:8) 'он встал [и] запел', 'он начал петь'; *juhdm.s'b'r* (51:IV:16) 'он начал сиять'.

СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА

8.9. Служебными словами, помимо некоторых местоимений и, возможно, числительных, можно считать все частицы.

8.10. Частицы, связанные только с именем, являются предлогами. Из частиц отрицания только «индикативное» *l* [*lā*] может употребляться при имени. Имена с предлогами стоят в родительном падеже, а сами предлоги, следовательно, находятся в сопряженном состоянии.

8.11. Союзы стоят преимущественно перед глаголом или связаны с ним, однако некоторые из них могут относиться к именам и именным предложениям.

8.12. Из союзов только *w-* и *ap* относятся к члену предложения, выраженному именем. Употребляемое при обращении междометие *j-* [*jā*] связано также с именем, причем оно подчеркивает звательную функцию имени.

8.13. Динамическое отрицание *al* может быть связано только с глаголом, правда, наряду с ним употребляется при глаголе общее отрицание *l* [*lā*].

8.14. С глаголом в юссиве связана также препозитивная частица *l-*, выражающая желание. Частица *k-*, которая в других семитских языках оторвалась от глагола и относится к предложению в целом, в угаритском является еще экспли-

кативной или каузальной частицей, которая ставится перед глаголом.

8.15. К имени, а также к отглагольному имени, инфинитиву, и к частицам часто присоединяются элементы, выражаемые на письме через *-m*. Они, очевидно, имеют различное происхождение.

8.16. Междометия, как правило, не связаны со структурой предложения, однако они акцентируют внимание на определенных именах или на предложении в целом.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Предварительные замечания

8.17. Из всех связных угаритских текстов для синтаксического анализа были бы наиболее пригодны прозаические, однако чрезмерно стилизованный характер писем и правовых документов с трудом позволяет судить о живой разговорной речи. Тем более что язык писем и документов слепо подражал аккадскому эпистолярному и канцелярскому стилю. Разговорный язык встречается лишь в отрывочных записях, которые пока еще немногочисленны, а их толкование далеко не надежно.

8.18. Традиционный угаритский синтаксис сохранился в стихотворных произведениях, но стихотворная форма значительно суживала возможности реализации синтаксических конструкций. В этих произведениях могли быть употреблены только такие предложения, которые подходили под структуру стиха. Поэтому необходимо дать некоторые сведения о структуре стиха, которая в свою очередь тесно связана с синтаксическим строем.

8.19. Основные принципы угаритской поэзии — это равновесие строки, смысловой и словесный повтор. Такую структуру обычно называют термином «parallelismus membrorum»; она использовалась также в древнееврейской и вообще древневосточной поэзии, в частности в аккадской и египетской.

8.20. Стихи в угаритском состоят из двух, реже из трех строк. Во второй и третьей строках выражается аналогичная или противоположная мысль теми же самыми синтаксическими средствами, что и в первой, только с использованием синонимов, или же один из членов второй (иногда и третьей) строки распространяется или дублируется; но коль скоро должен быть сохранен принцип равновесия, то это производится за счет другого члена, который удаляется. Однострочные стихи встречаются лишь в стереотипных оборотах типа *jšu gh wjsh [jīšša'u gāha wa-jasūhu]* (51:IV:30) 'он возвысил свой голос и воскликнул'.

8.21. Для угаритского стиха релевантны лишь полнозначные слова, т. е. глаголы и имена, тогда как краткие частицы присоединяются к соответствующему полнозначному слову, образуя с ним единое целое. Полнозначные слова в то же время образуют и метрическое единство; благодаря морфологической структуре им присущи относительно равная (3—5 слогов) длина и ударение, место которого в слове не может быть установлено, но которое для строения стиха было, по-видимому, иррелевантным.

8.22. Большинство строк в угаритских стихах образовано тремя полноценными словесными единицами (они функционируют так же, как метрические единства). Реже встречаются двухсловные строки — обычно в конце более длинных периодов трехчленных стихов. Строки, состоящие из четырех (2×2) слов, чаще всего встречаются в стереотипных повторяющихся пассажах, например: 52:IV:52—57; 51:VI:47—54; ср. также 49:VI:16—22.

8.23. Весьма часто встречаются так называемые балластные варианты, например, вместо простого предлога *b-* 'в' употребляется семантически эквивалентный *bqrb* [*ba-qirbi*] 'среди'; однако глагол тогда во второй строке опускается:

wjkn bnh bbt [*wa-jakun banu-hi ba-beti*]
šrš bqrb hklh [*šuršu ba-qirbi hēkali-hi*]
 (2 Aq:I:26—27)

и да будет его сын в его доме
 потомок в его дворце.

8.24. Так как в поэзии такого рода недопустимы переносы в другую строку, мысль, формирующая стих, т. е. простое предложение, должно быть заключено в ограниченных рамках трех полноценных слов строки, а сложноподчиненное предложение, как правило, — в рамках двух или большей частью трех таких строк, образующих более высокую единицу в границах, однако, параллелизма. Но коль скоро эта строгая структура стиха органически выросла из живой речи, то она, вероятно, дает возможность в определенной степени судить об истинном строе угаритского предложения.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ И ЕГО ВИДЫ

8.25. Несмотря на стереотипность угаритской прозы и строгую структуру стиха в угаритской поэзии, все же можно восстановить многочисленные виды угаритского предложения. По числу главных составных частей их можно подразделить на одночленные и двучленные. В зависимости от характера предиката различаются именные и глагольные

предложения. Эти виды предложений могут быть распространены присоединением однородных членов предложения и введением различного рода поясняющих определений. Между предложениями, тесно примыкающими друг к другу, преимущественно употребляется сочинительная связь, подчинение же наблюдается, как правило, только у придатков, из которых в молодых семитских языках действительно развились подчиненные предложения.

Простое предложение

Одночленные и двучленные предложения

8.26. Под простым предложением понимаются именные предложения, состоящие из одного главного члена — имени, выражающего сущность, например: *mṭb.il.mzll bnh* (51:IV:52) 'обиталище Эля, пристанище его сыновей'; *ṭhm (t)lm(jn)* (Р II 15:1) 'послание Talmijān'.

8.27. Глагольные предложения, состоящие из одного слова, напротив, следует рассматривать как двучленные, так как субъект выражается уже глагольной формой, например: *(w)jsh* (51:IV:30) '(и) он воскликнул'.

8.28. Двучленные именные предложения состоят из двух стоящих рядом имен, например: '*bdk.an* (67:1112) 'твой раб— (есть) я'; *it.šmt* (1 Aq:145) 'имеется жир'.

8.29. В двучленных глагольных предложениях предикат выражается финитным глаголом, например: *wt'n.rbt...* (51:IV:40) 'и ответила госпожа...'

8.30. Простые предложения могут быть распространены путем введения атрибутивных определений к субъекту или объекту, адвербиального определения или предикатива к предикативу, причем некоторые из этих членов могут в свою очередь приобретать другие определения. А различные части предложения могут быть распространены постановкой рядом равноценных членов.

8.31. В именных предложениях предикатом служит имя или соответствующее ему слово или словосочетание. Имя может быть существительным или согласованным в роде и числе прилагательным, например: *mlkn.ali.jn b'l* (51:IV:40) 'всемогущий Ваал есть наш царь'; *hnšpthm.mtqtm* (52:50) 'ее губы (дв. ч.) сладки'.

8.32. Предложения, предикат которых выражен адвербиальным словосочетанием, например предлогом с именем, также относятся к именным предложениям: *bhm.qrnm* (75:1:30) 'рога у них'.

Главные члены предложения и способы их выражения

Предикат

8.33. В глагольных предложениях предикат выражается формой финитного глагола, которая указывает на лицо и число. Эти формы финитного глагола представляют собой различные лица как аффиксального, так и префиксального спряжения со всеми модальными модификациями; сюда же относится и императив, так как он выражает 2-е лицо. Абсолютный инфинитив, когда он заменяет императив в приказании и индикативную форму в описании, приравнен к финитным глагольным формам.

8.34. Те же предложения, в которых предикат выражен причастием, следует отнести к именным предложениям, так как в причастии не может быть выражено лицо. Ср. *krtn. dbh dbh* (125:39—40) 'наш Керет (есть) приносящий жертву'.

Субъект

8.35. Субъект выражается в первую очередь именем существительным.

8.36. Имя существительное как субъект может замещаться субстантивированным местоимением — личным, вопросительным или относительным, например: '*bdk.an* (67:II:12) 'я (есть) твой раб'; *mj.lim.bn dgn* (67:VI:28) 'кто (есть) народ сына Дагана?'; *djknnh* (51:IV:48) 'который его укрепил'.

Второстепенные члены предложения

Объект

8.37. Объект может встречаться только в глагольном предложении. Объект выражается всегда именем; имя существительное может замещаться местоимением. Если в качестве такового употребляется личное местоимение, то оно почти всегда присоединяется как суффикс к глагольной форме.

8.38. В угаритском языке любой объект стоит в винительном, т. е. адвербиальном, падеже. Поэтому не представляется целесообразным выделять по аналогии с индоевропейскими языками прямой и косвенный объекты. Ср. *mtn.rgmm argmk* (51:I:20—21) 'второе слово скажу я тебе' с «прямым» предметным объектом и «косвенным» личным объектом, ср., с другой стороны: *ltrjl... rgm* (P II 15:2—3) 'скажи Т.!' . Ср. также *nhlml.tlkn.nbtm* (49:III:7) 'ручьи текут медом'.

8.39. Предлог в составных выражениях следует также толковать как аккузатив. Возникает вопрос, насколько ра-

ционально рассматривать предложные выражения как объект и не лучше ли считать их адвербиальным поясняющим определением.

Адвербиальное определение

8.40. Все без исключения адвербиальные определения стоят в адвербиальном падеже, т. е. в аккумулятиве. Мы имеем здесь в виду имена существительные, которые либо просто стоят в винительном падеже, либо их адвербиальная функция выражена аффиксами *-h*, *-m* и др. Ср. *wjqm.gg* (Krt:35) 'и он взобрался на крышу'; *tntk. udm'th.arsh* (Krt:28—29) 'его слезы пролились на землю'; *mid* (P II 15:10) 'очень'.

8.41. Особенно часто адвербиальные определения выражаются сочетанием предлога или союза с именем. Примеры: *'rbt lpn.špš* (P II 15:8) 'я предстал перед ликом Солнца'; *jntkn.kbtnm* (49:VI:19) 'они жалеют как змеи'.

Атрибут

8.42. Если объект и адвербиальное определение определяют финитный глагол как предикат, то атрибут служит для определения имен, выступающих в предложении в качестве главных или второстепенных членов, т. е. в первую очередь субъекта и объекта, реже адвербиального определения, выраженного именем.

8.43. Субстантивированный атрибут является генитивом управляющего имени, которое стоит в сопряженном состоянии. Сфера употребления субстантивированного атрибута очень широка — он служит также для обозначения материала, например: *bk(s).brš* (51:IV:37) 'из кубков золота', т. е. золотых, абстрактных качеств — *ati.šdqh* (Krt:12) 'жена его законности', 'его законная жена' и т. д.

8.44. Реже встречается адъективный атрибут; это обычно имя прилагательное, но может быть также и адъективное местоимение. Адъективный атрибут согласуется с управляющим словом в падеже, числе и роде, например: *pjt.tkmt.mjm* (1 Aq:190) 'на плечах несущая воду Пугат'; *mlk.rb* (118:26) 'великий царь'; *l.jm.hnd* (P II:6:1) 'с этого дня'. Адъективный атрибут, как правило, следует за именем.

Приложение

8.45. Приложение свободно соплагается с именем. Оно, как правило, согласуется с именем, которое характеризует, и стоит после него, например: *nqmd mlk ugrt* (62:56) 'Никмаду, царь Угарита'. Но титулы или эпитеты богов ставят-

ся перед именем собственным: *rbt-atrt.jm* (51 : IV : 40) 'госпожа Атирату [*Atiratu*] моря'. (Отношения между именем и эпитетом были, по-видимому, в древние времена иными, так как, например, *b'l* первоначально являлось именем нарицательным — 'господин'). Если в аппозиции стоит числительное, то оно не обязательно согласуется с исчисляемым объектом, например *p'mt šb'* (52 : 12) 'семь раз',

Распространенные члены предложения

8.46. Два однородных субъекта соединяются обычно союзом *w-*, например: *jšh.atrt wbnh* (51 : IV : 49) 'воскликнули Атирату [*Atiratu*] и ее сыновья'. Это же касается и объекта. В приведенном ниже примере, однако, в качестве союза употреблен *ap* 'также': *šbh.alpm. ap.šin* (124 : 12) 'они забили волов, также мелкий рогатый скот'.

8.47. Когда предикат состоит из нескольких глаголов, они соединяются также преимущественно союзом *w-*, однако *w-* ставится отнюдь не перед всеми глаголами, например: *thbr. wtql tšthwj. wtkbdh* (51 : IV : 24—26) 'она склоняется и падает, простирается ниц и воздает ему почести'.

Согласование

8.48. Именной и глагольный предикат обычно согласуется с субъектом в числе и роде. Отдельные внешне не соответствующие данному правилу явления имеют свои объяснения. Так, в конструкциях типа *šmh btlt 'nt* (51 : V : 82) 'возрадовалась дева Анат' глагольную форму следует рассматривать не как форму 3-го лица единственного числа мужского рода аффиксального спряжения, а как абсолютный инфинитив. Равным образом формы префиксального спряжения с *t-* следует рассматривать как форму 3-го лица множественного числа мужского рода (как и в древнеханаанских глоссах эль-Амарнских писем), а не как форму 3-го лица единственного числа женского рода, в таких примерах, как: *ltd' nšm* ('nt : III : 24) 'люди не знают'.

Особые виды простых предложений

Вопросительные предложения

8.49. Вопросы, допускающие отрицательный или положительный ответ, вводятся при помощи частицы *h-*.

8.50. Для введения вопросов, касающихся еще неизвестных фактов, служат вопросительные местоимения: *mj* 'кто?', *mh* 'что?' и вопросительные наречия *ij* 'где?', *ik* 'как?', *lm* 'почему?'.

8.51. Приказание выражается императивом, например: *rgm* (Р II 15:3) 'скажи!'.

8.52. Запрещение выражается юссивом в сочетании с динамической отрицательной частицей *al*, так как императив не может иметь негативного значения. Ср. 7.44.

8.53. Побуждение, вероятно, и самопобуждение также передается юссивом (если отсутствует особая субъюнктивная или кохортативная форма на *-a*), например: *umj.td*' (Р II 15:6—7) 'да знает моя мать'; *igra* (77:1) 'я хочу воззвать'.

8.54. Пожелание часто представляется как уже исполненное и поэтому может быть выражено с помощью аффиксального спряжения, например: *hwt aht* (76:II:20) 'да живи ты, моя сестра!'.

Порядок слов в простом предложении

8.55. Порядок слов довольно свободный, так как уяснение связей обеспечивается целиком сохранившейся системой флексийных окончаний и ясным строением предложений.

8.56. Словопорядок зависит от характера предложения — является ли оно глагольным или именным, повествовательным или каким-либо другим.

8.57. В именных предложениях субъект стоит обычно на первом месте, за ним следует предикат. Частицы, выражающие наличие или отсутствие, стоят перед предикатом.

8.58. В глагольных предложениях на первом месте стоит, как правило, глагол, за которым следует субъект, если он особо выражен, затем — объект или адвербиальное определение.

8.59. Наряду с этим нередко встречаются и предложения с субъектом на первом месте, особенно в прозаических текстах бытового содержания. За субъектом в большинстве случаев следует глагол, затем объект или адвербиальное определение. Засвидетельствованы также и предложения с объектом или адвербиальным определением на первом месте.

8.60. В начале вопросительных и пожелательных предложений стоят соответствующие частицы, далее следует обычно глагол.

Сложное предложение

Сложноподчиненное предложение

8.61. Принципу параллелизма в угаритской поэзии, а отчасти и прозы соответствует сочинение предложений. Две или три строки в стихотворной единице в большинстве слу-

чаев сопологаются как равные. Они обычно просто следуют друг за другом, реже соединяются сочинительным предлогом *w-*. Еще реже употребляются другие союзы.

8.62. В предложениях, вводимых сочинительными и подчинительными частицами, не всегда удается точно установить, имеем ли мы дело с модификацией главного предложения или частица в какой-то мере передает подчиненность предложения. Во всяком случае подчиненное придаточное предложение строится так же, как и главное. С одной стороны, трудно установить их взаимосвязь, но, с другой, их интерпретация ни в коей мере не зависит от того, будем ли мы их считать сочиненными или подчиненными, например: *tn ks jn wištn* (Р II 19:15—16) 'дай мне кубок вина, и я выпью его' или 'чтобы я его выпил'.

8.63. Такие виды предложений, которые обычно выражают подчинение, например относительные предложения, могут также вводиться без помощи частиц. Это тоже указывает на то, что в угаритском языке не было четкого разграничения между главным и придаточным предложениями.

8.64. Можно отметить также, что некоторые отношения, помимо придаточных предложений, могут выражаться посредством *infinitivus constructus* с предлогом, а именно: время при помощи *b-*, цель при помощи *l-*, например: *bnšī. 'nh. wtpħn* (51:II:12) 'при поднятии своих глаз (когда она поднимает глаза), она видит его'; *lštj.šħtkm* (128:IV:27) 'я пригласил вас пить (чтобы вы пили)'.

Сложносочиненные предложения

8.65. Однородные предложения часто сопологаются асинтетически, например: *in.šmt.in. 'zm* (1 Aq:187) 'нет жира, нет костей'; *jpršħ.ym.yql.larš* (68:25—26) 'распростерся Йамм, упал на землю'.

8.66. Обычным союзом для сочинения предложений является *w-*: *'rbt lpn.špš wpn. špš. nr bj mid* (Р II 15:7—10) 'я предстал перед ликом Солнца, и лик Солнца слепил меня лучами'; *rgm. it.lj.w.argmk* ('nt:III:17) 'слово есть у меня, и я скажу тебе'.

8.67. В некоторых случаях при помощи *w-* может вводиться другое действие, выражающее цель и т. д.: *tn... wištn* (Р II 19:15—16) 'дай... и я его выпью' или 'чтобы я его выпил'.

8.68. Сочинительная функция союза *w-* проявляется также в таких случаях, когда он сохраняет хотя бы отчасти свой первоначальный междометный характер, например, при позиции придаточных гипотетических предложений, а иногда

и в начале предложений, которые не связаны с предыдущим. Примеры: *wl.in.bt.tb'l* (51:IV:50) 'И нет жилища для Ваала', а иногда вроде бы на неподходящем месте: *št.alp.qdmh.mra wtk.pnh* (51:V:107—108) 'он положил скотину перед ним, откормленного [вола] и именно посреди его лица'.

8.69. Союз *p*- также является сочинительным, но имеет противительное значение: *p ank atn* (P II 10:7) 'но я дам'.

8.70. Дизъюнктивное соположение выражается союзом *u*-, например: *tqttn.uthṭin* (2:15) 'если вы (ж. р.) провинитесь или согрешите'.

8.71. При повторных вопросах вторая часть вводится при помощи *hm*: *mgntm ṭr. il.dpid. hm.ḡztm bnj. brwt* (51:III:3—32) 'просили ли вы быка, бога сострадающего, умоляли [ли] творца творений?' Ср. *lhm.hm štjm* (51:IV:35) 'хочешь ты есть [ли/или] пить?'.

Подчиненные предложения

Относительные предложения

8.72. Когда относительное предложение начинается с глагола и непосредственно следует за управляющим именем, относительной частицы не требуется: *jd mḥšt.aqht... tmḥš* (1 Aq:220) 'рука, [которая] ударила Акхата, ударит'. Не требуется она также, когда относительное предложение состоит только из субъекта и глагола, например: *tl.šmm. tskh* ('nt: II:40) 'роса, которую изливает небо'.

8.73. Относительные предложения вводятся большей частью при помощи относительной частицы *d*-: *djmlk. 'l.ilm* (51:VII:49—50) 'который властвует над богами'. Относительное предложение может пояснять также и объект: *dl.td'. šmm* ('nt:III:23) 'чего не знает небо'. Относительная частица может вводить и именное предложение: *pd.in.bbtj.ttn.* (Krt: 142) 'но того, чего нет в моем доме, должен дать ты'; *ṭptn in.d'ln* ('nt:V:40) 'наш повелитель, над которым никого нет', 'нет никого выше его'.

8.74. Именные выражения с относительной частицей *d*- могут считаться одночленными именными предложениями, например: *adrm.dbgrn* (2 Aq:V:7) 'сановники, которые на току'; по-видимому, также *drkt dt drdrk* (68:10) 'господство твоей вечности'. Но относительная частица переходит здесь к выражению генитивных отношений (ср. арамейское *zj, di*).

8.75. Предложения, вводимые с помощью *d*-, могут иногда в зависимости от контекста получать специфическое значение, например: *db'ilmj.il jtn* (Krt:296) 'ибо дал Эл в моем сне'.

8.76. Поясняющие предложения вводятся посредством *k-*: *wid'. khj. alijn b'l* (49:III:8) 'и узнаю я, что жив Всемогущий Ваал'.

8.77. Этим предложениям родственны также причинные и результативные придаточные, вводимые с помощью *k-*: *tšmḥ ht aṛrt... kmt.alijn b'l* (49:I:11—14) 'возрадовалась ныне Атират (*Aṭirat*)... ибо (что) всемогущий Ваал мертв'; *mn* (или *mat*) *Krt.kjbj* (Krt:38—39) 'кто есть Керет, что он плачет' (или 'что с тобой, Керет...').

8.78. Для введения временных предложений служат *aḥr* 'после того как', '*d* 'до тех пор пока', *hlm* 'как только': *aḥr. mḡj kṛ wḥss št* (51:V:106—107) 'после того как Котар и Хасис [*Kotar-wa Ḥasīs*] 'прибыл, он возложил'; *hlm.'nt. tph. ilm* ('nt:III:29) 'как только Анат увидела богов'; '*d tšb' tmtḥš* ('nt:II:29) 'до тех пор пока она сыта, она борется'.

8.79. Цель, помимо инфинитивной конструкции с *l-*, может выражаться при помощи предложения с глаголом в префиксальном спряжении, в частности в юссиве. Придаточное предложение цели может присоединяться к главному посредством *w-*: *ṭbh.imr.wilḥm* (127:17) 'забей ягненка, чтобы я поел'. Осуществление этой цели выражается при помощи аффиксального спряжения: *tṭbh.imr.wilḥm* (127:20) 'она забила ягненка, и он поел'. Однако данный вид предложений можно толковать и как простое сочинение: 'забей... и я поем', 'она забила... и он поел'.

Гипотетическое сложноподчиненное предложение

8.80. *hm-* или *im-*, служащие для введения двойного вопроса, употребляются также и в условном предложении: *hm. t'pn. 'l.qbr. bnj* (1 Aq:150) 'если они пролетят над могилой моего сына'; *im mlkjtñ rḡm* (P II:20:8) 'Если Маликйатан скажет'.

8.81. Если выполнение действия предполагается в будущем, может использоваться аффиксальное спряжение, например: *wḥm.ḥt 'l.w.likt.'mk.w.hm.l'l. w lakm ilak* (P II 13:16—20) 'если хетт явится, я пошлю к тебе, и если [даже он] не явится, я пошлю посланца — (*w*)*lakm*'.

8.82. Гипотетическое постпозитивное предложение (главное предложение) часто начинается союзом *w-* 'и'; такая конструкция позволяет распознать исконный и все еще действующий паратакис.

Порядок слов в сложноподчиненном предложении

8.83. В придаточных предложениях в основном такой же порядок слов, как и в главчых. Относительные частицы или подчинительные союзы, стоящие в начале предложения, как правило, не влияют на словопорядок.

8.84. Придаточное предложение обычно предшествует главному, при этом предикат большей частью следует непосредственно за вводящей частицей.

Части предложения, стоящие вне рамок предложения

8.85. Вне рамок предложения находится звательное обращение, которое может подчеркиваться с помощью междометия *j-[jā]*, например: *rbt.atrt.jm* (51:IV:31) 'госпожа, Атира моря'; *jšpš* (49:IV:25) 'о Солнце' (*Šapaš*)!

8.86. Прямая речь иногда начинается без какого бы то ни было введения (как в 51:VI:36); чаще, однако, она вводится стереотипным оборотом, например: *wjšu gh wjšh* 'и он возвысил свой голос и воскликнул'.

8.87. Нарушение связности предложения происходит вследствие эллипсиса релевантного члена предложения. Часто во второй строке параллельного стиха глагол опускается и другие члены предложения, естественно, присоединяются к первой строке, например: *wjkn.bnh bbt.šrš. bqrb hklh* (2 Aq: I:26—27) 'и да будет его сын в доме, потомок в его дворце'.

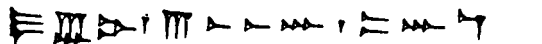

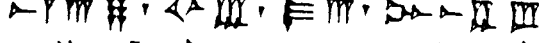

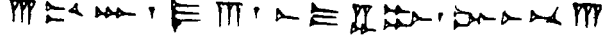
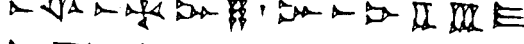
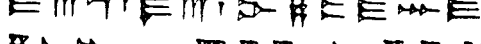
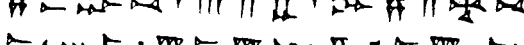
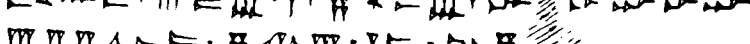

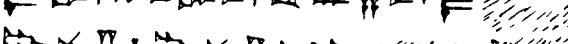

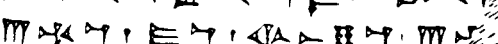
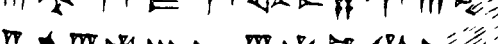
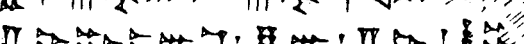
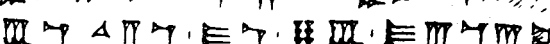
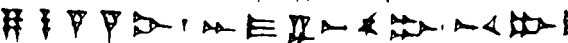

ПРИЛОЖЕНИЯ

ОБРАЗЦЫ ТЕКСТОВ

I. ОБРАЗЕЦ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА. ПОСЕЩЕНИЕ БОГИНЕЙ АТИРА ОБИТЕЛИ БОГА ЭЛА (51 : IV : 20—39).

Из самой большой угаритской алфавитной клинописной таблочки литературного содержания (II AB; № 51). Клинописный текст дан по первому изданию Ch. Virolleaud, *Un nouveau chant du poème d'Aleïn-Baal*, Syria 13, 1932, стр. 113—163; по оригиналу на Pl. XXVI после стр. 130. Относительно фотографии ср. Pl. XXIX, относительно транслитерации, французского перевода и комментария ср. стр. 131 или 132—133 и 137—138. Пояснения сделаны с учетом переводов и комментариев Гордона, Гинсберга, Гастера, Дж. Драйвера, Айтлейтнера, а также монографий об Эле Айсфельта и Поупа (см. библиографию).

Приведенный здесь текст заимствован из цикла мифов о Ваале. В предшествующем отрывке сообщается о том, как богиня Атира на спине осла отправляется к своему супругу Элу. В продолжении приведенного отрывка описывается, как Атира получает у Эла разрешение на сооружение дворца для Ваала.

20

25

30

35

Транслитерация

- (20) *idk. ltn. pnm*
 (21) *'m. il. mbk. nhrm*
 (22) *qrb. apq. thmtm*
 (23) *tglj. dd. il. wtbu*
 (24) *qrš. mlk. ab. šnm*
 (25) *lp^{en}. il. thbr. wtql*
 (26) *tšthwj. wtkbdh*
 (27) *hlm. il. kjphnh*
 (28) *jprq. lšb. wjshq*
 (29) *p^{nh}. lhdm. jtpd. wjkrkr*
 (30) *uštth. jšu. gh. wj[šh]*
 (31) *ik. mǰjt. rbt. atr[tj]m*
 (32) *ik. atwt. qnjt. i[lm]*
 (33) *rǰb. rǰbt. wtǰt[?]*
 (34) *hm. ġmu. ġmīt. w's[t]*
 (35) *lhm. hm. štjm. lh[m]*
 (36) *bthnt. lhm št[j]*
 (37) *bkrpnm. jn. bk^l. hrš*
 (38) *dm. 'šm. hm. jd. ilmlk*
 (39) *jšsk. ahbt. tr. t'rrk*

Реконструкция произношения

(об относительной достоверности или в отдельных случаях недостоверности см. пояснения):

- (20) *'iddaka la-tatīnu paṇēma*
 (21) *'amma 'ili mabbaka nahaḡēma*
 (22) *qirba 'apiki tihamatēmi*
 (23) *tagliju dada 'ili*
wa-tabā'u (24) *qarša malki 'abī šanīma*
 (25) *la-pa' anē 'ili tahburu wa-taḡallu*
 (26) *taštahawiju wa-takabbidu-hī*
 (27) *halumma 'ilu kī-japūhun-hā*
 (28) *japarriqu lisba wa-jišhaqu*
 (29) *pa'anē-hī la-hadāmi jaṭpudu*
wa-jakarkiru (30) *'ušt^aati-hī*
jašša'u gā-hu wa-jasūhu
 (31) *'ēka maḡajat rabbatu 'aṭīratu jammi*
 (32) *'ēka 'atawat qānijatu 'ilīma*
 (33) *raḡābu raḡībī wa-t. ḡ. t.*
 (34) *ḡamā'u ḡami 'tī wa-'. s. t.*
 (35) *lahāmu him šatajuma*
lahāmu (36) *ba-ṭulhanāti lahma*
šataju (37) *ba-karpanīma jēna*
ba-kasē harūši (38) *dama 'išīma*
him jaddu 'ili malki (39) *jaḡasisu-kī*
'ahabatu ṭōri ta'ariru-kī

Перевод

- (20) Затем обращает она лик
 (21) к Элу, к источнику двух истоков
 (22) среди истока первоморей.
 (23) Достигает она горы Эла
 и входит (24) в покои царя, отца лет.

- (25) К стопам Эла склоняется она и падает,
 (26) простирается ниц и воздает ему почести.
 (27) Как только Эл ее замечает,
 (28) отверзает уста и смеется.
 (29) Свои ноги на скамеечку он возлагает
 и вертит (30) своими пальцами.
 Он возвышает свой голос и восклицает:
 (31) «Зачем явилась госпожа Атира моря,
 (32) Зачем пришла создательница богов?»
 (33) Голодом голодаешь ты и ?
 (34) Или жаждою жаждешься ты и ?
 (35) Есть или пить (желаешь ты)?
 Ешь (36) со столов хлеб,
 пей (37) из бокалов вино,
 из кубков из золота (38) кровь лозы!
 Воистину любовь Эла царя (39) тебя волнует,
 ласки быка тебя возбуждают».

51 : IV :

Комментарий

- (20) *idk* ['iddaka (?)] 'и вот', 'тогда', наречие (ср., по-видимому, араб. 'id dāka).
ltn [la-tatīnu] 'действительно', аффирмативная частица; 'она дает', префиксальное спряжение, 2-е л. ед. ч. ж. р. от *jtn* (ср. финик. *jtn*).
 (21) *pnm* [panēma] 'лик', мн. ч., род.-вин. пад.
'm ['amma] 'к', 'при', 'с', предлог, ср. 6.21.
il ['ili] имя бога Эла, род. пад. (после предлога), (ср. др.-евр. 'ēl).
mbk [mabbaka] 'место источника' «*poten loci*» в винительном (направлении) (<**manbaku*, ср. *nrk* 'источник').
nhrm [naharēma] 'рек', *nhr* 'река', 'поток', род. пад. дв. ч.
 (22) *qrb* [qirba] 'среди', превратившееся в предлог существительное *qrb* 'середина', 'внутреннее'.
apq [apiqi] 'истока' (ср. др.-евр. топоним 'apēq), род. пад. (после предлога).
thmtm [tihāmatēmi] 'первомзрей', дв. ч. род. пад. (ср. др.-евр. *tehōm* 'перзморе', 'пропасть', акк. *Tiāmatu*, араб. *Tihīma*).
 (23) *tglj* [tagliju] 'достигает', префиксальное спряжение, 3-е л. ед. ч. ж. р. от *glj*, вероятно, 'проникать' (но встречается также и в противоположном значении 'покидать').
dd [dada (?)] 'гору', винительный направления. (По предполагаемому произношению, по-видимому, **žad* (?), соотносится с акк. *šadū* 'гора' и др.-евр. *šādē* 'поле'.
il ['ili] см. выше, строка 21.
wtbu [wa-tabā'u] 'пришла', префиксальное спряжение, 3-е л. ед. ч. ж. р. от *bw'* 'приходить' (ср. др.-евр.).
 (24) *qrš* [qarša (?)] 'покои', винительный направления (ср. др.-евр. *qereš* (Ezechiel 27, 6).
mlk [mal(i)ki] 'царя', род. пад., сопряженное состояние.
ab ['abī] 'отца', род. пад., сопряженное состояние; при-
 ложение.
šnm [šanīma] 'лет', мн. ч. род. пад. Но мн. ч. от *šnt* [šā-natu] 'год' с окончанием -at-; возможно, что

- šnm* есть топоним или эпитет «смертных (людей)» или «вознесенных (богов)».
- (25) *lp'n* [la-
-pa'anē]
il ['ili]
thbr [tahburu (?)]
wtql [wa-
-taqallu]
(26) *tštħwj* [təštəħa-
-wiju]
wtkbdh [wa-
-takabbidu-hī]
(27) *hlm* [halumma (?)]
il ['ilu]
kjphnh [kī-
-japūhun-
-hā]
(28) *Jprq* [japarriqu]
išb [lišba (?)]
wjšhq [wa-jišhaqu]
(29) *p'nh* [pa'anē -hī]
lhdm [la-
-hadāmi]
jtpd [jatpudu (?)]
wjkrkr [wa-
-jakarkiru]
(30) *ušb'th* [ušba'atihī]
jšu [jašša'u]
gh [gā-hu]
wj[šh] [wajašūhu]
- 'к', предлог;
'стопам', дв. ч., сопряженное состояние (ср. финик. и др.-евр. p'm).
см. выше, строка 24.
'она двигается', префиксальное спряжение, 3-е л. ед. ч. ж. р. от *hbr* 'опускаться' (ср. араб. *habr* 'низменность').
'и';
'она падает', префиксальное спряжение, 3-е л. ед. ч. ж. р. от *qil* 'падать' (ср. параллельные глаголы).
'она склоняется', š- каузатив с рефлексивным *t* (ср. 7. 23) от *hwj* 'простирается ниц' (ср. др.-евр. *hištahawa*).
'и';
'воздаёт ему почести'; префиксальное спряжение, интенсивная порода (ср. др.-евр.) от *kbd* 'быть тяжелым' с местоименным суффиксом 3-го л. ед. ч. м. р. -*hū*, который, вероятно, диссимилировался в *hī* (как в арабском). (В параллельном источнике 49 : 1 : 10 *tkbdnh*).
'как только', союз (ср. араб. *halumma*, др.-евр. *halom* 'сюда!').
'Эл', им. пад.
вероятно, 'действительно'; эмфатическая частица, глагол в конце предложения;
'ее замечает', префиксальное спряжение, 3-е л. ед. ч. м. р. от *pwh* (?) с *n* перед местоименным суффиксом 3-го л. ед. ч. ж. р.
'раскрывает', интенсивная порода (или основная порода?), 3-е л. ед. ч. м. р. (ср. др.-евр. *paraq* 'отделять').
'щель', вин. пад. (ср. араб. *lišb* 'щель'); либо 'щель между двумя рядами зубов', либо 'щель гортани'.
'и он засмеялся', префиксальное спряжение, 3-е л. ед. ч. м. р.
'свои ноги'; дв. ч. вин. пад. с суффиксом 3-го л. ед. ч. м. р. (*-*hū* > *-*hī*).
'и';
'скамеечку', род. пад. (после предлога), (ср. др.-евр. *hadōm*).
'возложить', префиксальное спряжение, 3-е л. ед. ч. м. р. (ср. акк. *šapātu* 'положить').
'и он вертел', префиксальное спряжение, 3-е л. ед. ч. м. р. четырехконсонантный глагол (ср. араб. *karkara* 'вращаться').
'свои пальцы', мн. ч. от *ušt* с окончанием *āt* (ср. 5. 25), в род.-вин. пад. с суффиксом 3-го л. ед. ч. м. р.
'возвысил', префиксальное спряжение, 3-е л. ед. ч. м. р. от *nš'* (ср. др.-евр. *nš'*).
'свой голос'; вин. пад. от *g* 'голос' с суффиксом 3-го л. ед. ч. м. р.
'и он восклицает', префиксальное спряжение, 3-е л. ед. ч. м. р. от *šwh* или *šjh* (ср. араб.); дополнено по 51 : VII : 25.

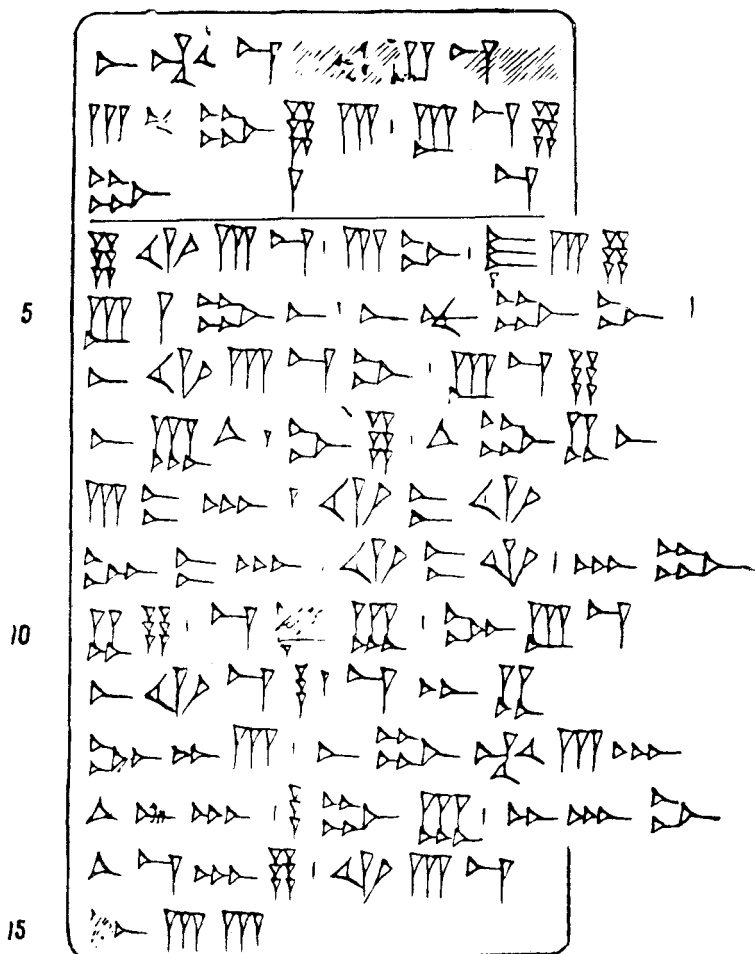
- (31) *ik* [ʿēk(a)]
mǧjt [maǧajjat]
rbt [rabbatu]
aṭr[t] [ʿaṭiratu]
[j]m [jammi]
(32) *ik* [ʿēk(a)]
atwt [atawat]
qnjt [qānijatu]
i[lm] [ʿilīma]
(33) *rǧb* [raǧābu]
rǧbt [raǧibtī]
wtǧt (?) [wa-...]
(34) *hm* [him]
ǧmu [ǧamāʿu]
ǧmit [ǧamiʿtī]
wʿs[t] [wa-...]
(35) *lḥm* [laḥamu]
hm [him]
štjm [šatājumā]
lḥ[m] [laḥāmu]
(36) *bṭlḥnt* [ba-
-ṭulḥānāti]
lḥm [laḥma]
št[j] [šatāju]
(37) *bkrpnm* [ba-
-karpānīma]
jn [jēna]
bks [ba-
-kāsē]
ḥrṣ [ḥarūṣi]
(38) *dm* [dama]
ʿsm [ʿiṣīma]
- ‘зачем’, ‘как’, местоимение, ср. 6 : 10.
‘явилась’, аффиксальное спряжение, 3-е лицо, ед. ч. ж. р. от *mǧj* ‘достигать’ (ср. араб. *mǧj*).
‘госпожа’, существительное, вероятно, от прилагательного *rb* [rabbu] ‘большой’.
‘Атира’, имя богини (ср. др.-евр. ʿAšēra), дополнено по 51 : III : 29.
‘моря’, род. пад. от *jm* ‘море’.
см. выше, строка 31.
‘пришла’, аффиксальное спряжение, 3-е л. ед. ч. ж. р. от *ʿtw* (ср. др.-евр. и араб. *ʿtj*).
‘создательница’, субстантивированное причастие ж. р. ед.ч. от *qnj* ‘владеть’, ‘создавать’.
‘богов’, мн. ч. род. пад. (дополнено по 51 : III : 26).
‘голодом’, абсолютный инфинитив для усиления финитного глагола.
‘ты голодаешь’, аффиксальное спряжение, 2-е л. ед. ч. ж. р.; первое предложение условного сложноподчиненного предложения (ср. 8. 8).
‘если ты голодаешь’, продолжение и значение неясны.
‘ли’, ‘или’, для введения второго члена альтернативного вопроса.
‘жаждами’, сопряженный инфинитив, ср. выше, строка 33.
‘ты жаждешь’, аффиксальное спряжение, 2-е л. ед. ч. ж. р. от *ǧm* (ср. 3. 10).
‘и’, как выше (см. строку 33), продолжение и значение неясны.
‘есть’, абсолютный инфинитив в функции императива, ср. 7 : 65.
‘или’, для введения второго члена альтернативного вопроса.
‘пить’, абсолютный инфинитив (с -m; ср. 6.7).
дополнено по строке 35, как выше.
‘с’, предлог с противоположным значением, ср. 6 : 16;
‘столов’, мн. ч. (по окончанию ср. 5.25), род.-вин. пад.
‘еда’, вин. пад.; значение: ‘основное средство питания’ (араб. *laḥm* ‘мясо’, др.-евр. *leḥem* ‘хлеб’).
‘пить’, как выше, строка 35.
‘из’, как выше, строка 36;
‘бокалов’, мн. ч. род.-вин. пад., ср. акк. *karpattu* от **karpantu* ‘горшок’.
‘вино’, вин. пад. [* < *jajnu*] (ср. др.-евр. *jajin*).
‘из’, как выше, строка 36;
ks (исправлено по 67 : IV : 16 и 2Aq : VI : 5);
‘из кубков’, мн. ч., сопряженное состояние, род.-вин. пад.
‘золота’, ‘из золота’, определение в род. пад., выраженное существительным со значением вещества (ср. др.-евр. *ḥārūṣ*).
‘кровь’, вин. пад.
‘лоз’, мн. ч. род.-вин. пад. от *ʿṣ* ‘древесина’, ‘дерево’ (ср. др.-евр. *ʿēṣ*).

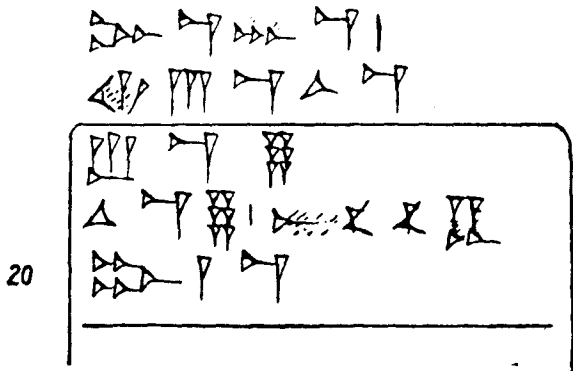
<i>hm</i> [<i>him</i>]	'если', обычно условный союз, здесь, по-видимому, эллиптическая конструкция для выражения возвеличения.
<i>jd</i> [<i>jaddu</i>]	'любовь', корень <i>jdd</i> , ср., <i>mdd</i> [<i>mawdūdu</i>] 'возлюбленный' (ср. др.-евр. <i>jēdīdōt</i> 'любовь').
<i>ilmk</i> [<i>'ili-</i> <i>-mal(i)ki</i>]	'Эла';
(39) <i>jḥssk</i> [<i>jaḥassisu-</i> <i>kī</i>] или [<i>jaḥāsisu-kī</i>]	'царя', приложение. 'волнует тебя', префиксальное спряжение, 3-е л. ед. ч. м. р., с суффиксом 2-го л. ед. числа женского рода; либо интенсивная порода от <i>ḥss</i> , либо порода с удлинненным гласным после первого корневого согласного от <i>ḥws</i> или <i>ḥjs</i> (ср. акк. <i>ḥasāsu</i> 'напоминать').
<i>ahbt</i> [<i>'ahabatu</i>]	'ласка' (ср. др.-евр. <i>'ahābā</i>).
<i>ṭr</i> [<i>ṭōri</i>]	'быка', (* <i>ṭawru</i> , как в араб., ср. др.-евр. <i>šōr</i>); эпитет Эла.
<i>t'rrk</i> [<i>ta'arriru-kī</i>]	'возбуждает тебя', форма, аналогичная рассмотренной выше <i>jḥssk</i> ; от <i>'rr</i> , или <i>'wr</i> , или <i>'jr</i> (ср. др.-евр. <i>'ōrēr</i> от <i>'wr</i> , особенно в Песне песней 8,5).

**II. ОБРАЗЕЦ ПРОЗАИЧЕСКОГО ТЕКСТА. ПИСЬМО ПРИНЦА
ТАЛЬМИЯНА (TALMIJAN) СВОЕЙ МАТЕРИ ШАРЕЛЛИ (ŠARELLI),
ЦАРИЦЕ УГАРИТА.**

По изданию Ch. Virolleaud, *Le Palais Royal d'Ugarit*, II (Париж, 1957), № 15 (текст 15.08). Оригинал и перевод на стр. 31, пояснения на стр. 30—31, фотографии на стр. IX. Ср. также пояснения Шеффера на стр. XIX—XX.

Текст был найден в 1951 г. в восточном архиве царского дворца Угарита. Хотя имена как отправителя, так и получательницы письма были установлены из других отрывков, тем не менее время написания не может быть определено с достаточной достоверностью. «Солнце» может относиться как к египетскому фараону, так и к царю хеттов.

1. t̄hm [.t]lm[jn]
2. ltrjl. umj
3. rgm
4. jšlm. lk. ilj
5. ugrt. t̄grk
6. t̄šlmk. umj
7. td'. kj. 'rbt
8. lpn. špš
9. wpn. špš. nr
10. bj. mid. wum
11. t̄šmḡ. mab
12. wal. trḡln
13. 'tn. ḡrd. ank
14. 'm̄nj. šlm
15. kll
16. wmm.
17. šlm 'm
18. umj
19. 'mj. t̄ttb
20. rgm

Реконструкция произношения (ср. пояснения):

- (1) taḡumu talmijāna
- (2) la-ḡarēli 'ummiya (3) rugum
- (4) jišlam la-ki-'ilaj (5) 'ugarita taḡḡuru-ki (6) tašalli-
mū-ki-'ummu-ja (7) tida' ki 'arabtī (8) la-panē šapši-
- (9) wa-panē šapši nāru (10) ba-ja mu'da-
wa-'ummi (11) tišmaḡ mi'-'abī (12) wa-'al tirḡalan (13) 'attan
ḡarādu 'anākī (14) 'ammaḡaja šalāmu (15) kalilu-
- (16) wa-minumā (17) šalāmu 'amma (18) 'ummiya (19) 'ammaja
taḡaḡib (20) riḡma

Перевод

- (1) Послание Тальмияна.
- (2) Шарелли, матери моей, (3) скажи!
- (4) Да снизойдет на тебя покой! Боги (5) Угарита да оградят тебя (6), да
ниспошлют тебе покой. Пусть моя мать (7) узнает, что я предстал

(8) перед ликом Солнца (9) и лик Солнца озарил (10) меня своими лучами. И пусть возрадуется моя мать (11) от моего отца (?) (12), и пусть она не уезжает (?). (13) теперь (?). Я бодрствую (?) (14). Со мной покой (15), полный (16). И что всегда (17) покой с (18) моей матерью (19), да возвратит мне она (20) слово (т. е. ответит мне).

Комментарий

- (1) *tḥm* [taḥūmu] 'послание', имя в сопряженном состоянии (ср. сирийское *thūmā* 'указ').
[t]lm[jn] [*Talmi jā-nā*] 'Талмияна' (дополнено по 89:4; 95:3); но падежному окончанию ср. 5.28.
- (2) *lṯrjl* [la-
-šarelli] 'Шарелли', женское собственное имя, огласовка по написанию в силлабической клинописи.
umj ['ummi ja] 'моя мать', имя существительное с суффиксом 1-го л. ед. ч., приложение к предшествующему собственному имени.
- (3) *rgm* [rugum] 'скажи!'; императив, ед. ч. м. р. (ср. акк. *ragāmu* 'кричать').
- (4) *jšlm* [jišlam] 'да снизойдет покой', основная порода, юссив, 3-е л. мн. ч. м. р. (ср. 117:6—7; 54:4).
lk [lakī] 'тебе', предлог *l-* с суффиксом 2-го л. ед. ч. ж. р.
ilj ['ilaj] 'боги', сопряженное состояние, мн. ч. от имени Эл; монофтонгизация здесь не обозначена, иначе следовало бы ожидать произношение [ʾilē] и написание [il].
- (5) *ugrt* [Ugarīta] 'Угарита', род.-вин. пад. названия города, которое склонялось, по-видимому, диптотически, ср. 5.28.
tgrk [taggūrūki] 'да оградят тебя', префиксальное склонение, 3-е л. мн. ч. м. р. от *ngr* (ср. 7.76) с суффиксом 2-го л. ед. ч. ж. р.
- (6) *tšlmk* [tašallimū-kī] 'да ниспошлют тебе покой', интенсивная порода от *šlm*, префиксальное спряжение, 3-е л. мн. ч. м. р. с суффиксом 2-го л. ед. ч. ж. р.
umj ['ummu ja] 'моя мать', имя существительное с суффиксом 1-го л. ед. ч.
- (7) *td'* [tida'] 'да узнает она', юссив, 3-е л. ед. ч. ж. р. от *jd'*.
kj [kī] 'что', союз, ср. 8.77.
'rbt ['arabti] 'я предстал', префиксальное спряжение, 1-е л. ед. ч.
- (8) *lpn* [la-
-panē] 'перед', предлог.
špš [šapšī] 'лик', дв. ч. в сопряженном состоянии.
'солнца', род. пад., титул царя (ср. *mlk* 'царь', 117.18).
- (9) *wpn* [wa-panē] 'и лик', как выше, строка 8.
špš [šapšī] 'солнца', как выше, строка 9.
nr [nārū] 'озарил лучами', аффиксальное спряжение, 3-е л. мн. ч. м. р. от *njr* (ср. араб. *nāra*).
- (10) *bj* [baja] 'на меня', предлог *b-* с суффиксом 1-го л. ед. ч.
mid [mu'da] 'очень', наречие, ср. 6.5.
wum [wa-'ummī] 'и моя мать', ср. строку 6, но здесь без *j*.
- (11) *tšmḥ* [tišmaḥ] 'да возрадуется она', юссив, 3-е л. ед. ч. ж. р.

- mab* [mi'-'abi] (?) 'от моего отца', в предлоге *min n*, вероятно, ассимилировалось в *'* (ср. финик. и др.-евр., по конструкции ср. др.-евр. особенно Proverbia 5, 18); [**'abi*] (?), но ср. 5.70.
- (12) *wal* [wa-'al]
irhln [tirhālan] (?) 'и не', динамическое отрицание перед юссивом. 'пусть она уезжает', пожелательное наклонение, 3-е л. ед. ч. ж. р., ср. 7.46 (ср. араб. *raḥala* 'уезжать').
- (13) 'tn (?) 'теперь' (?), из **'nt* > 't + n, ср. 'nt 'теперь', 1 Aq: 154.
hrd [harādu] (?) 'бдеть', по-видимому, абсолютный инфинитив в функции финитного глагола, ср. 7.66. Ср. *hrd* P II 31: 15 'стража' (?) (ср. также акк. *harādu*: В. Meissner — W. v. Soden, *Akkadisches Handwörterbuch*, 1962, стр. 322). Для контраста ср. 95.10 *ank* ['anākī] 'я спокоем'.
- (14) 'mnj ['amma-
ja] (?) 'со мной' (?), предлог 'm с элементом *n* и суффиксом 1-го л. ед. ч., ср. 6:21.
šlm [šalāmu]
- (15) *klī* [kalīlu] (?) 'покой', подлежащее именного предложения. 'всё', вероятно, существительное, ср. 117.10; можно считать и прилагательным 'полный' (др.-евр. *kalil* выполняет обе эти функции). 'и что всегда', относительное местоимение, ср. 5.77.
- (16) *wmnm* [wa-minūmā]
- (17) *šlm* [šalāmu]
'm ['amma] 'покой', как выше, строка 14.
'с', 'при', предлог.
- (18) *umj* ['ummija] 'моей матери', ср. строки 2 и 14.
- (19) 'mj ['ammaja]
tṭṭb [taṭaṭīb] '(к) мне', предлог с суффиксом 1-го л. ед. ч. 'пусть она возвратит', каузатив от *twb* 'возвращаться', ср. 3.25, юссив, 3-го л. ед. ч. ж. р.
- (20) *rgm* [rigma] 'слово', вин. пад. (ср. акк. *rigmu* 'речь').

БИБЛИОГРАФИЯ¹

(выборочная)

1. Общие работы

- Herdner A., *Corpus des tablettes en cunéiformes alphabétiques découvertes à Ras Shamra—Ugarit de 1929 à 1939*, Paris, 1963, стр. 293—339.
- Young G. D., *The Present Status of Ugaritic Studies*, — «Jahrbuch für kleinasiatische Forschungen», 2, 1952—1953, стр. 225—245.
- Langhe de R., *Les textes de Ras Shamra—Ugarit et leur rapports avec le milieu biblique de l'Ancien Testament*, I—II, Paris, 1945, стр. XV—LVII.

2. Периодика

«Keilschriftliche Bibliographie» von A. Pohl in der Zeitschrift «Orientalia» (с 1939); fortgesetzt von K. Deller und H. Klengel.

3. Угаритский язык

- Aistleitner J., *Wörterbuch der ugaritischen Sprache*, herausgegeben von O. Eissfeldt, Berlin, 1963.
- Brockelmann C., *Die kanaanischen Dialekte mit dem Ugaritischen, Handbuch der Orientalistik*, Bd III. Semitistik, Leiden—Köln, 1953, стр. 4)—58.
- Gordon C. H., *Ugaritic Grammar*, Roma, 1940.
- Gordon C. H., *Ugaritic Handbook*, Roma, 1947.
- Gordon C. H., *Ugaritic Manual*, Roma, 1955.
- Gordon C. H., *Ugaritic Textbook*, Roma, 1965².
- Goesecke H., *Die Sprache der semitischen Texte Ugarits und ihre Stellung innerhalb des Semitischen*, — «Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luther-Universität Halle—Wittenberg, Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe», 7, 1957/58, стр. 623—652.
- Cantineau J., *La langue de Ras-Shamra*, — «Semitica», 3, 1950, стр. 21—34.
- Ср. также R. de Langhe, *Les textes de Ras Shamra—Ugarit...*, I, стр. 263—330.

4. Угаритский в рамках родственных семитских языков

- Garbini G., *Il semitico di nord-ovest*, Napoli, 1960.
- Harris Z. S., *Development of the Canaanite Dialects*, New Haven, 1939.

¹ Библиография дополнена в июле 1965 г., тогда как очерк закончен в марте 1963 г.

² Издания Гордона выходили под различными названиями: в изданиях с 1940 г. этот труд содержит подробную грамматику и многочисленные литературные пояснения, а с 1947 г. — все опубликованные до того времени тексты в транслитерации и глоссарий.

Moscatti S., *An Introduction to the Comparative Grammar of the Semitic Languages*, Wiesbaden, 1964.

Segert S., *Ugaritisch und Aramäisch*, — *Studia Semitica*, I. Bakoš dicata, Bratislava, 1965, стр. 215—226.

5. Отдельные аспекты угаритского языкознания

Aistleitner J., *Untersuchungen zum Mitlautbestand des Ugaritischen*, — Ignac Goldziher Memorial, vol. I, Budapest, 1948, стр. 209—225.

Aistleitner J., *Untersuchungen zur Grammatik des Ugaritischen*, Berlin, 1954 (наибольшую ценность представляет перечень всех глагольных форм).

Aistleitner J., *Studien zur Frage der Sprachverwandschaft des Ugaritischen*, — «Acta Orientalia Hungarica», 7, 1957, стр. 251—307; 8, 1958, стр. 51—98.

Brockelmann C., *Zur Syntax der Sprache von Ugarit*, — «Orientalia», 10, 1941, стр. 223—240.

Brockelmann C., *Kanaanäische Miscellen*. Festschrift Otto Eissfeldt, Halle, 1947, 61—67.

Driver G. R., *The Canaanite Myths and Legends*, Edinburgh, 1956 (содержит глоссарий к литературным текстам, стр. 133—166, и грамматические замечания, стр. 128—132).

Fronzaroli P., *La fonetica ugaritica*, Roma, 1955.

Goetze A., *The Tenses of Ugaritic*, — «Journal of the American Oriental Society», 58, 1938, стр. 266—309.

Gordon C. H., *New Data on Ugaritic Numerals*, — *Studia Semitica*, I, Bakoš dicata, Bratislava, 1965, стр. 127—130.

Hammershamb E., *Das Verbum im Dialekt von Ras Shamra*, København, 1941.

al-Yasin I., *The Lexical Relation between Ugaritic and Arabic*, New York, 1952.

Young G. D., *Concordance of Ugaritic*, Roma, 1956.

Liverani M., *Elementi innovativi nell'ugaritico non letterario*, — «Atti della Accademia Nazionale dei Lincei, Ser. VIII, Rendiconti, Classe di Scienze morali, storiche e filologiche», vol. XIX (56), 1964, стр. 173—191.

6. Издания угаритских текстов

Первое издание оригинальных текстов Ш. Виролло (Ch. Virolleaud) с французским переводом и комментарием в журнале «Syria» (с 1929 по 1930 г.) и «Revue d'Assyriologie»; некоторые тексты представлены также Ed. Dhorme и J. Thureau-Dangin. Более крупные по размерам тексты были опубликованы Виролло в изданиях «Mission de Ras Shamra»: *La légende phénicienne de Danel*, Paris, 1936; *La légende de Keret*, Paris, 1936; *La déesse 'Anat*, Paris, 1938; *Le Palais Royal d'Ugarit*, II, Paris, 1957; V, Paris, 1963.

Найденные до 1939 г. тексты собраны в кн.: A. Herdner, *Corpus des tablettes en cunéiformes alphabétiques découvertes à Ras Shamra — Ugarit de 1929 à 1939*, Paris, 1963.

Периодические сообщения о новых находках Ш. Виролло см.: «Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, Comptes-rendus», Paris, и «Groupe linguistique d'Etudes Chamito-Sémitiques, Comptes-rendus des séances», Paris.

Литературные тексты в транслитерации см.: C. H. Gordon, *Ugaritic Manual*; только литературные тексты см.: G. R. Driver, *The Canaanite Myths and Legends*, Edinburgh, 1956.

Издания аккадских текстов из Угарита см. в журналах: «Syria» и «Revue d'Assyriologie», подготовлено Ch. Virolleaud и Ed. Dhorme.

Nougayrol J., *Le Palais Royal d'Ugarit*, III, Paris, 1955; IV, 1956.

7. Переводы текстов (с примечаниями)

- На французском языке: первое издание Ш. Виролло.
На английском: Gordon C. H., *Ugaritic Literature*, Roma, 1949.
Ginsberg H. L., *The Canaanite Myths*, — «Ancient Near Eastern Texts relating to the Old Testament», ed. J. B. Pritchard, Princeton, 1950, 2. Aufl., 1955, стр. 129—155.
Gaster Th. H., *Thespis. Ritual, Myth and Drama in the Ancient Near East*, New York, 1950, стр. 113—313 и 447—453.
Driver G. R., *The Canaanite Myths and Legends*, Edinburgh, 1956.
G. R. Driver, *Ugaritic Problems*, — *Studia Semitica*, I, Bakoš dicata, Bratislava, 1965, стр. 95—110.
На немецком: Aistleitner J., *Die mythologischen und kultischen Texte aus Ras Shamra*, Budapest, 1959, 2-е неисправленное издание, 1964.
Jirku A., *Kanaanäischen Mythen und Epen aus Ras Schamra—Ugarit*, Gütersloh, 1962.

8. Критика текстов

- Rosenthal F., *Die Parallelstellen in den Texten von Ugarit*, — «Orientalia», 8, 1939, стр. 213—237.
Segert S., *Die Schreibfehler in den ugaritischen literarischen Keilschrifttexten, Von Ugarit nach Qumran*. Festschrift für O. Eissfeldt, Berlin, 1958, стр. 193—212.
Segert S., *Die Schreibfehler in den ugaritischen nichtliterarischen Keilschrifttexten*, — «Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft», 71, 1959, стр. 23—32.

9. Обработка отдельных текстов и отрывков из них

Текст № 52:

- Никольский М. Н., *Этюды по истории финикийских общинных и земледельческих культов*, Минск, 1948.
Aistleitner J., *Götterzeugung in Ugarit und Dilmun*, — «Acta Orientalia Hungarica», 3, 1953, стр. 285—312.

Повесть о Керете:

- Винников И. Н., *Некоторые наблюдения над языком угаритской повести о Керете*, — «Труды XXV Международного конгресса востоковедов», т. I, М., 1962, стр. 285—312.
Bernhardt K.-H., *Anmerkungen zur Interpretation des KRT-Textes von Ras Shamra-Ugarit*, — «Wissenschaftliche Zeitschrift der Ernst Moritz Arndt-Universität Greifswald, Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe», 5, 1955/56, стр. 101—121.
Bernhardt K. H., *Anmerkungen zum «Sitz im Leben» des AQHT-Textes von Ras Schamra-Ugarit*, — «Труды XXV Международного конгресса востоковедов», т. I, М., 1962, стр. 328—329.
Gray J., *The KRT Text in the literature of Ras Shamra*, Leiden, 1955, 2 ed, 1964.

10. Археология, история, культура и литература Угарита

- Сообщения Шеффера о раскопках в журналах «Syria» и «Annales archéologiques de Syrie», периодические сообщения в «Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, Compte-rendus». Там же сообщения Nougayrol об аккадских текстах из Угарита.
Eissfeldt O., *El im ugaritischen Pantheon*, Berlin, 1951.
Eissfeldt O., *Ras Schamra und Sanchunjaton*, Halle, 1939.

- Eissfeldt O., *Sanchunjaton von Berut und Ilumilku von Ugarit*, Halle, 1952.
- Gordon C. H., *Canaanite Mythology*, — *Mythologies of the Ancient World*, ed. S. N. Kramer, New York, 1961, стр. 183—218.
- Gordon C. H., *Homer and the Bible, The Origin and Character of East Mediterranean Literature*, — «Hebrew Union College Annual» 26, 1955, стр. 43—108.
- Gray J., *The Canaanites*, London, 1964.
- Gray J., *The Legacy of Canaan*, Leiden, 1957.
- Kapellrud A., *Baal in the Ras Shamra Texts*, København, 1952.
- Liverani M., *Storia di Ugarit nell'età degli archivi politici*, Roma, 1962.
- Pope M. H., *El in the Ugaritic Texts*, Leiden, 1955.
- Pope M. H. and Röllig W., *Syrien, Die Mythologie der Ugariter und Phönizier*, — *Wörterbuch der Mythologie*, ed. H. W. Haussig, Stuttgart, 1932, стр. 217—312.
- Schaeffer Cl. F.-A., *Stratigraphie comparée et chronologie de l'Asie occidentale (IIIe et IIe millénaires)*, London, 1948. Ср. также R. de Langhe, *Les textes de Ras Shamra-Ugarit...*, I, стр. 263—330.
- Schaeffer Cl. F.-A. и др., *Ugaritica*, I, Paris, 1939; II, 1940; III, 1956 (?); IV, 1963.
- Segert S., *Ugarit und Griechenland*, — «Das Altertum», 4, 1958, 67—81.
- Segert S., *Ugaritská literatura. Z dějin literatur Azie a Afriky. I. Literatury Starého Předního Východu*, Praha, 1965, стр. 139—152.
- Selms A. van, *Marriage & Family Life in Ugaritic Literature*, London, 1952.
- Ты́loch W., *Trzydzieśu lat odkryć w Ras Sramra — Ugarit* — «Fuhemer», IV.1, № 14, 1960, стр. 92—112.
- Гельцер М. Л., *Материалы к изучению социальной структуры Угарита*, — «Вестник древней истории», 1954, № 2, стр. 72—74.
- Гельцер М. Л., *К вопросу о датировке недатированных текстов из Угарита*, — «Палестинский сборник», вып. 11, 1964, стр. 3—8.
- Гельцер М. Л., *Храмовое землевладение в древнем Угарите*, — «Lietuvos TSP Aukštųjų Mokyklų Mokslo Darbai, Istorijà» VI, Vilnius, 1964, стр. 153—162.
- Гельцер М. Л., *Организация ремесленного производства в Угарите*, — «Палестинский сборник», вып. 13, 1965, стр. 47—60.
- Нико́льский М. Н., *Этюды по истории финикийских общинных и земледельческих культов*, Минск, 1948.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
Введение	7
Письменность	17
Фонология	20
Ударение	26
Слоги и их типы	26
Лексика и словообразование	26
Морфология	31
Имена	33
Имя прилагательное	38
Числительное	38
Местоимение	42
Частицы	46
Наречия	46
Предлоги	48
Союзы	50
Глаголы	51
Модификации глаголов со слабыми согласными	64
Таблицы к глаголу <i>р</i>	68
Синтаксис	73
Виды словосочетаний	73
Предложение	75
Простое предложение	77
Сложное предложение	82
Приложения	
Образцы текстов	89
Библиография	99

Станислав Сегерт
УГАРИТСКИЙ ЯЗЫК

Утверждено к печати
Ученым советом Института народов Азии
Академии наук СССР

*

Редактор *Г. А. Давыдова*
Технический редактор *М. А. Полуян*
Корректоры *Г. В. Афонина* и *Л. И. Романова*

*

Сдано в набор 19/VIII 1965 г.
Подписано к печати 30/XI 1965 г.
Формат 63×90^{1/16}. Печ. л. 6,5.
Уч.-изд. л. 5,91. Тираж 1300 экз.
Изд. № 121. Зак. № 1422.

7-1-4

Индекс 121-65 «Наука» Цена 36 коп.

*

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
3-я типография издательства «Наука»
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

О П Е Ч А Т К И

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
42	10 св.	Числительным выражается также понятие «все»: <i>kl</i>	В качестве числительного употребляется слово <i>kl</i> [<i>kullu</i>] 'все':
62	5 сн.	от функции огласовки	от огласовки
72	табл. 12		
"	10 св.	<i>mɪ</i>	<i>na</i>
"	табл. 12		
"	13 св.	<i>ji</i>	<i>ja</i>
85	13 и		
	14 св.	Котар и Хасис	Котар-и Хасис

В табл. 15 стр. 73 строки 3—6 сн. следует читать так:

Префиксальное спряжение	<i>jmǰj</i> [<i>jamǰaju</i>] (?)	<i>tdu</i> [<i>tad'ū</i>]
Юссив 3-е л. м. р.		
2-е л. м. р.	<i>jmǰ</i> [<i>jamǰa</i>] (?)	